

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

Учёный

научный журнал

Man, being the servant and interpreter of Nature, can do and understand so much and so much only as he has observed in fact or in thought of the works of nature. Beyond this he neither knows anything nor can do anything.



OF THE
ADVANCEMENT
AND
PROFICITY
Learning
OR THE
PARTITION
of
SCIENCE
Nine Books

Written in Latin
by

The understanding left to itself, in a sober, patient, and grave mind, especially if it be not hindered by received doctrines, tries a little that other way, which is the right one, but with little success, since the understanding, unless directed, or assisted, is a thing unequal, and quite unequal to the obscurity of things.

Francis Bacon

Toward the effecting of works, all that man can do is to put together or put asunder natural bodies. The rest is done by nature working within.

11
2015
Часть XVI

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Научный журнал

Выходит два раза в месяц

№ 11 (91) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметова Галия Дуфаровна, *доктор филологических наук*

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, *доктор педагогических наук*

Иванова Юлия Валентиновна, *доктор философских наук*

Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук*

Лактионов Константин Станиславович, *доктор биологических наук*

Сараева Надежда Михайловна, *доктор психологических наук*

Авдеюк Оксана Алексеевна, *кандидат технических наук*

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, *кандидат географических наук*

Алиева Тарана Ибрагим кызы, *кандидат химических наук*

Ахметова Валерия Валерьевна, *кандидат медицинских наук*

Брезгин Вячеслав Сергеевич, *кандидат экономических наук*

Данилов Олег Евгеньевич, *кандидат педагогических наук*

Дёмин Александр Викторович, *кандидат биологических наук*

Дядюн Кристина Владимировна, *кандидат юридических наук*

Желнова Кристина Владимировна, *кандидат экономических наук*

Жуйкова Тамара Павловна, *кандидат педагогических наук*

Игнатова Мария Александровна, *кандидат искусствоведения*

Коварда Владимир Васильевич, *кандидат физико-математических наук*

Комогорцев Максим Геннадьевич, *кандидат технических наук*

Котляров Алексей Васильевич, *кандидат геолого-минералогических наук*

Кузьмина Виолетта Михайловна, *кандидат исторических наук, кандидат психологических наук*

Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук*

Кучерявенко Светлана Алексеевна, *кандидат экономических наук*

Лескова Екатерина Викторовна, *кандидат физико-математических наук*

Макеева Ирина Александровна, *кандидат педагогических наук*

Матроскина Татьяна Викторовна, *кандидат экономических наук*

Мусаева Ума Алиевна, *кандидат технических наук*

Насимов Мурат Орленбаевич, *кандидат политических наук*

Прончев Геннадий Борисович, *кандидат физико-математических наук*

Семахин Андрей Михайлович, *кандидат технических наук*

Сенюшкин Николай Сергеевич, *кандидат технических наук*

Ткаченко Ирина Георгиевна, *кандидат филологических наук*

Яхина Асия Сергеевна, *кандидат технических наук*

На обложке изображен Фрэнсис Бэкон (1561–1626) — английский философ, историк, политик, основоположник эмпиризма.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231. E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Арбузова, д. 4

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Ответственные редакторы:

Кайнова Галина Анатольевна

Осянина Екатерина Игоревна

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)

Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)

Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)

Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)

Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)

Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)

Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)

Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)

Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)

Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)

Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)

Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)

Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)

Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)

Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Голубцов Максим Владимирович

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Курбаниязова Д. С.

Лексико-фразеологические трудности поэтического текста для студентов национальных групп высших учреждений Узбекистана 1631

Лебедева И. О., Хоречко У. В.

Образование терминов в китайском языке путем полного заимствования (на примере водородной энергии)..... 1633

Лебедева К. В.

Особенности пространственно-временной организации текста русской волшебной сказки 1635

Ляшенко А. А., Кормазина О. П.

Жанр воспоминания в речи молодежи: к вопросу о проявлении оценочности..... 1638

Мадаени А. А., Пуляки П., Мохсен Б.

Анализ двухкомпонентных притяжательных конструкций в русском и персидском языках при выражении принадлежности 1640

Мазлитдинова Д. Т.

Два перевода «Маттео Фальконе»..... 1643

Матназаров Т. У., Кузякова Д., Хоречко У. В.

Способы образования званий, должностей и профессий в китайском языке (на примере сайтов технических высших учебных заведений Китая) 1645

Медведева Д. А.

Феноменология безумия и преступления в творчестве Ф. М. Достоевского 1647

Митяева А. П.

Ассоциативный эксперимент как способ конструирования концепта «бизнес»..... 1651

Мусабек Н. Д., Есенова П. С.

Сравнение как средство художественной выразительности (на материале рассказа Р. Сейсенбаева «Честь») 1653

Никанорова Ю. В.

Общая картина восприятия гоголевского творчества в Германии XIX в.: «Поэт жизни действительной»..... 1656

Поздеева Г. П.

Внешнее сравнение конструкций «существительное, обозначающее парные предметы, + глагол» в селькупском и северносамодийских языках 1658

Поздеева Г. П.

Функционально-семантическое микрополе собирательности и его способы выражения на материале диалектов селькупского языка.... 1661

Попова Д. Е.

Основные составляющие единицы традиционной китайской медицины 1663

Попова Д. Е., Хоречко У. В.

Анализ трудностей, возникающих при переводе терминов традиционной китайской медицины 1666

Привороцкая Т. В., Клименко Е. Н.

Функционирование служебных слов древнекитайского языка в текстах китайских СМИ..... 1668

Прохорова О. Н., Близнюк Е. И.

Проблема гениальной личности в романе Дэниела Киза «Flowers for Algernon»..... 1671

Рашидов А. М., Куимова М. В.

About stylistic devices in literature (through the example of William Shakespeare's plays) 1674

Рашидова А. Ф.

About some difficulties of literary translation.....1675

Савилова С. Л., Нгуен Кунь Ань Особенности семантики фразеологических единиц с компонентом голова во вьетнамском и русском языках 1676	Стешина Е. Г., Сботова С. В., Стаброва А. А. Использование свободного ассоциативного эксперимента при обучении иностранному языку 1697
Савилова С. Л., Чанг Тхюи Зыонг, Нгуен Тхи Ань Жанры интернет-коммуникации студенческого сообщества 1679	Фаттоева З. Р. Problems of phonosemantics in modern English 1699
Сагеева Я. П., Ким Е. В. Китайские сложносокращенные слова как особая часть китайской лексики 1681	Хао Цзяньчжуан, Кошелева Е. Ю. Фразеологизмы китайского и русского языков, содержащих зоонимы: сопоставительный анализ 1701
Саммер А. Б. Некоторые структурные особенности концепта «ум» 1683	Холтман К., Кошелева Е. Ю. The iTEP examination as a new way to evaluate the level of English proficiency 1703
Саморокова Ю. А. Семантика фамилий в создании образа персонажа 1686	Чубинец А. А., Хоречко У. В. Особенности терминообразования в современном техническом китайском языке (на основе литературы сферы машиностроения) 1706
Серышева Ю. В., Агаб С. Е. Психолингвистический эксперимент как метод исследования языковых явлений 1688	Щитов А. Г., Щитова О. Г., Нгуен Тхи Тхуи Чам Возраст человека во фразеологической картине мира русских и вьетнамцев (на материале пословиц) 1708
Серышева Ю. В., Даваасурэн Ш. Структурно-семантические типы полипрефиксальных глаголов в древнегреческом языке 1690	Щитова О. Г., Щитов А. Г., Цзэн Шуаншуан Полевая модель концепта «Информационные технологии» в русской и китайской лингвокультурах 1712
Стешина Е. Г., Сботова С. В., Пряхина В. Л. Лингвокультурные концепты в обучении иностранному общению 1694	

ФИЛОЛОГИЯ

Лексико-фразеологические трудности поэтического текста для студентов национальных групп высших учреждений Узбекистана

Курбаниязова Динара Сапарбоевна

Самаркандский архитектурно-строительный институт (Узбекистан)

В статье поднимается вопрос углубленного изучения языка произведений русской художественной литературы и в первую очередь — языковых трудностей разного порядка, препятствующих восприятию заложенной в произведении информации и верной оценке его эстетического заряда, а также решения этого вопроса, чему должен способствовать всесторонний научный анализ языковых трудностей, результаты которого могут быть использованы с различной полнотой в вузовском преподавании русского языка и литературы, в обучении нерусских учащихся основам лингвистического анализа художественного текста.

Ключевые слова: *литературно-художественная функция, эстетический заряд, лексико-фразеологическая трудность, устаревшие слова, поэтические символы, перифрастические наименования, термины, индивидуально-авторские новообразования и употребления, стилистически отмеченная лексика, архаизмы.*

Успешное владение русским языком как вторым родным невозможно без понимания его литературно-художественной функции.

Именно в художественных произведениях язык предстает во всем своём наиболее совершенном виде, и именно через язык предстает во всем своем богатстве и многообразии, в своем наиболее совершенном виде, и именно через язык выражаются сущность произведения, мысли и чувства автора, способные оказывать большое идейно-эстетическое и нравственное воздействие на формирование личности студента.

В связи с этим несомненную актуальность для национальных групп приобретает в настоящее время вопрос углубленного изучения языка произведений русской художественной литературы и в первую очередь — языковых трудностей разного порядка, препятствующих восприятию заложенной в произведении информации и верной оценке его эстетического заряда.

Решению этого вопроса должен способствовать всесторонний научный анализ языковых трудностей, результаты которого могут быть использованы с различной полнотой в вузовском преподавании русского языка и литературы, в обучении нерусских учащихся основам лингвистического анализа художественного текста.

Русская литература с ее высокими традициями гуманизма, гражданственности, реализма всегда были одним из ведущих предметов в высшей школе. Однако изучение художественных произведений XIX века, в осо-

бенности поэтических, вызывало и вызывает серьезные трудности.

Это обусловлено прежде всего тем, что язык русской литературы прошлого включает много стилистически и семантически неясных слов и выражений — так называемых лексико-фразеологических трудностей значительно осложняющих понимание художественного текста учащимися национальных групп.

Возникает, таким образом, объективная необходимость в исследовании произведений русской художественной литературы с точки зрения содержащихся в них характерных лексико-фразеологических трудностей, в выявлении минимума лексико-фразеологических трудностей, без снятия которых невозможно плодотворное изучение русской литературы XIX века студентами национальных групп, в определении путей преодоления этих трудностей.

Обращение к работам, так или иначе затрагивающим проблемы лексико-фразеологических трудностей языка художественной литературы, свидетельствует об их многоплановости и неоднородности.

Это работы, содержащие анализ языка и стиля отдельных произведений с целью обеспечения правильного понимания их учащимися национальных групп; это исследования, посвященные определению теоретических принципов и задач лингвистического анализа и комментирования художественного текста, применимые как в русской, так и национальной аудитории.

Исходным материалом для проведенного исследования явились слова и выражения, извлеченные главным образом из стихотворений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова как наиболее ярких и выдающихся представителей русской поэтической мысли первой половины прошлого века.

Своеобразное ядро трудностей составили единицы отобранные из произведений, входящих в программы национальных групп по русскому языку и литературе, а также включаемых в дополнительную литературу и упоминающихся в связи с биографией и творчеством этих поэтов.

В основе списка изученных произведений стихотворения «К Чаадаеву», «В Сибирь», «Деревня», «Я памятник себе воздвиг...» и др. А. С. Пушкина; «Смерть поэта», «Родина», «Бородино», «Тучи» и др. М. Ю. Лермонтова.

В результате анализа всех выбранных единиц определились следующие типы лексико-фразеологических трудностей: устаревшие слова, поэтические символы, перифрастические наименования, термины, индивидуально-авторские новообразования и употребления, стилистически отмеченная лексика.

Данные количественной проверки показывают, что наиболее существенную часть (65%) в общей совокупности трудных наименований составляют устаревшие слова.

Задача описания полной системы типичных лексико-фразеологических трудностей, характерных для произведений первой половины XIX столетия, — задача масштабная и не может быть решена в рамках одной работы.

Остановимся поэтому для начала на устаревших словах, как широко представленном, типичном для поэзии XIX века примере лексико-фразеологических трудностей.

По мнению исследований, устаревшие слова (как и индивидуально-авторские образования и употребления) вызывают при чтении художественной литературы на неродном языке наибольшие трудности.

В отношении русской литературы XIX века можно сказать, что плодотворное и глубокое ее изучение возможно лишь при знании и понимании учащимися нерусских групп значений отдельных устаревших единиц, единиц периферии языка. Не случайно на этом вопросе заостряется внимание в «Методике преподавания русского языка в национальной группе»: «особенностью русского языка в национальных группах является... то, что часть теоретических сведений, сообщаемых учащимися, носит чисто образовательный характер. Так, например, старшекурсники знакомятся с некоторыми наиболее характерными фактами литературной речи XIX века, особенно с устаревшими фактами в области лексики, что необходимо для успешного изучения русской классической литературы» [1].

Устаревшие слова, встречающиеся в поэзии XIX века, многочисленны и далеко неоднородны по своим свойствам. В связи с этим целесообразно рассмотреть их по группам и подгруппам наименований. Как известно,

наиболее серьезным и принципиальным отличием устаревших слов друг от друга является разница в причинах их архаизации. По этому признаку противостоят друг другу две группы наименований — историзмы и архаизмы.

Историзмы — это слова пассивного запаса русского литературного языка, которые обозначают исчезнувшие явления действительности, предметы. Трудности, порождаемые историзмами, связаны со следующими моментами. Историзмы являются единственным выражением исчезнувших понятий и не имеют в современном русском языке соответствующих синонимических наименований, подбором которых можно было бы ограничиться при их объяснении изучающим русский язык как неродной.

Историзмы принадлежат лексике непереводаемой, безэквивалентной, то есть к словам, план содержания которых невозможно сопоставить с какими — либо иноязычными лексическими понятиями.

Добавим, что степень языковой догадки в случае с историзмами очень низкая, поэтому преодоление трудностей здесь наиболее результативного через популярные, доступные комментарии различного рода, в том числе страноведческие.

В поэзии первой половины XIX века историзмы — явление нередкое. Однако список таких наименований, отобранных из тех произведений, которые входят в программы национальных групп, невелик. Связаны они главным образом, с военной сферой: кольчуга, пищаль, праща, драгун, улан, кивер, редут; а также: ямщик, верста (в значении «вестовой столб») и др. историзмом и одновременно архаизмом является слово отрок (ср.: 1. Младший член дружины в Древней Руси — историзм; 2. Мальчик в возрасте от ребенка до юноши — архаизм). Из перечисленных единиц в потенциальный словарь учащихся национальных групп может быть включено слово ямщик («кучер на почтовых лошадях»), часто встречающееся как в поэтических, так и в прозаических произведениях прошлого века:

Что-то долго слышится родное

В долгих песнях ямщика:

То разгулье удалое,

То сердечная тоска.

(А. С. Пушкин. «Зимняя дорога»).

Архаизмы — наименования явлений, предметов, вещей, вытесненные в процессе употребления в языке другими обозначениями, — наиболее многочисленный и разнообразный среди устаревших языковых единиц пласт наименований. Трудности, возникающие в связи с архаизмами, снимаются, как правило, подбором к ним синонимов, ибо архаизмы, являясь словами языковой периферии, всегда имеют в активном употреблении синонимичные им наименования (и нередко — несколько). Наибольшую трудность для учащихся национальных групп представляют архаизмы, по отношению к которым (как и по отношению к историзмам) можно говорить о малой степени вероятности языковой догадки. Мы имеем в виду архаизмы собственно-лексические, которые «вытеснены в пассивный

словарный запас словами с другой производной основой» [2], и архаизмы семантические, то есть «слова, существующие в современном русском литературном языке, но имеющие устаревшие значения» [2, с. 151].

Собственно-лексические архаизмы относятся к числу лексических архаизмов — слов, устаревших целиком по форме и значению. Это, например, слова пажить (пастбище), кудесник (волшебник, колдун), затвор (место заключения), око (глаз), очи (глаза), волхв (колдун, порицатель), уста (губы), внимать (1. Слышать; 2. Слушать внимательно), чело (лоб), перст (палец), зеницы (глаза), отверзться (открыться), десница (правая рука), темница (тюрьма), витийство (красноречие), светлица (комната), наперсник (друг), булат (меч), челн (лодка), доколь (пока).

Литература:

1. Методика преподавания русского языка в национальной школе. — Л., 1986, с. 371.
2. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка. — М., 1972, с. 150.

Образование терминов в китайском языке путем полного заимствования (на примере водородной энергетики)

Лебедева Ирина Олеговна, студент;

Хоречко Ульяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Мы продолжаем цикл работ, посвященных процессам терминообразования в китайском языке, которые находятся под прямым влиянием экономического и промышленного развития КНР [8,9]. Успехи экономических и технологических преобразований базовых отраслей промышленности в Китае уже привели к решению проблем преодоления технологической отсталости, эффективному включению Китая в международную систему разделения труда, к мощному экономическому росту приоритетных отраслей экономики и технологическим достижениям мирового класса во многих современных областях техники. Промышленное производство, экономика энергоресурсов, финансовая инфраструктура и финансовый рынок, внешнеэкономическая деятельность, инвестиционные процессы в науку и информационные технологии развиваются в Китае опережающими, по сравнению с мировыми, темпами.

В связи с этим укрепляется сотрудничество Китая с Россией, так как в прошлом веке СССР оказывал активную «братскую поддержку» китайскому народу. Стоит отметить, что технические достижения СССР были положены в основу китайской промышленности. Так, на территории Китая было построено множество советских заводов, и СССР охотно принимал китайских студентов с целью их подготовки и дальнейшей работы на производстве. Дружеские отношения между Китаем и современной Россией сохранились и сейчас. Происходит обо-

Вспомним к примеру, стихотворение А. С. Пушкина «Пророк», высокое, торжественно патетическое звучание которого достигается во многом концентрацией мастерски подобранных поэм архаизмов. Ср.: «Моих зениц коснулся он. Отверзлись вещие зеницы... И внял я неба содроганье, И горный ангелов полет... И дольней лозы прозябанье... И он к устам моим проник... И жало мудрыя змеи В уста замерзшие мои Вложил десницею кровавой...»

Знакомство с наиболее распространенными, широко представленными во многих стихотворных произведениях XIX века устаревшими наименованиями, знание их семантических и стилистических особенностей — необходимое условие правильного понимания, плодотворного изучения русской классической поэзии прошлого столетия.

юдный обмен знаниями, достижениями и инновациями. Ежегодно сотни студентов российских и китайских вузов участвуют в программе академического обмена, многие из них затем остаются в принимающей стране для обучения в магистратуре, аспирантуре и докторантуре. Китай заинтересован в российских специалистах, по этой причине Министерство образования КНР продолжает открывать новые возможности для обучения в лучших вузах страны.

Активный обмен студентами предполагает углубленное изучение китайского языка не только теми учащимися, кто в будущем собирается стать переводчиком, но и теми, кто получает техническую специальность. В настоящее время востребованным является знание языка и какой-либо отрасли, например, химической, топливной, деревообрабатывающей и др. Здесь, стоит отметить, что любая отрасль промышленности не сможет функционировать и обеспечивать производство необходимой продукцией, если в стране плохо развит энергетический комплекс.

Энергетику также называют «хлебом промышленности», так как ни одно промышленное предприятие или даже обычный жилой дом не может быть пригоден для эксплуатации, если отсутствует источник энергии. При высоком уровне развития промышленности и техники потребление энергии значительно возрастает, поэтому по количеству производимой и используемой энергии судят о технической и экономической мощи отдельно взятого

государства. Как известно, в природе находятся огромные запасы энергии, однако далеко не все источники энергии являются возобновляемыми, к тому же способы их добычи, обработки и использования наносят вред не только окружающей среде, но и самому человеку. Так, например, ученые предупреждают об истощении запасов нефти и природного газа, об опасности, которую несет вырубка лесов, о вреде, который наносит сжигание угля, и т.д. Предполагалось, что выходом из создавшегося положения станет атомная энергетика, однако на данный момент атомные электростанции потеряли статус источника дешевой и экологически чистой энергии, так как в качестве топлива используется дорогостоящая и трудно добываемая урановая руда.

В связи с этим развился большой интерес к альтернативным источникам энергии, в числе которых появилось такое бурно развивающееся направление энергетике, как водородная энергетика, в основе которой лежит использование водорода в качестве энергетического аккумулятора. В качестве исходного сырья был выбран водород, так как он наиболее распространен, как на поверхности земли, так и в космосе. К тому же, теплота сгорания водорода наиболее высока, а продуктом сгорания в кислородной энергетике является вода, которая вновь вводится в оборот водородной энергетике, что существенно снижает затраты на производство [1].

Таким образом, можно считать водородную энергетику перспективным направлением. Это доказывают многочисленные научные статьи, которые публикуются не только в российских, но и в зарубежных журналах, в том числе и в китайских [2,3,4]. Как следствие, для дальнейшего успешного развития данного направления энергетики необходим обмен опытом, с целью оптимизации производства водорода как источника энергии в мировом масштабе. В свою очередь такой обмен опытом невозможен без деятельности переводчиков, в полной мере владеющих терминологией отрасли. Как отмечают многие лингвисты, технический перевод представляет особую трудность, так как многие терминологические единицы не заносятся в словари, а узкоспециализированных словарей на данный момент очень мало, большинство из них находится в процессе создания. Поэтому исследование процессов терминологического образования в китайском языке, несомненно, способствует укреплению отношений между Россией и Китаем.

Нельзя не отметить и тот факт, что тема уже была неоднократно затронута в работах студентов Томского Политехнического университета. Мы продолжаем изучать проблемы перевода терминов и терминологических сочетаний с китайского на русский, описанные в таких статьях, как: «Способы и источники заимствований в терминологической лексике китайского языка (на примере лексики нефтегазовой отрасли)», автор Е. А. Яковлева [5], «Особенности образования терминов и терминологических сочетаний нефтедобывающего оборудования (на примере китайского языка)», автор Л. И. Хафизова. [6] Перечис-

ленные материалы в очередной раз доказывают актуальность и значимость данной темы.

В наших работах мы неоднократно в качестве основы исследования брали классификацию способов терминологического образования в китайском языке, предложенную И. В. Кочергиным [7]. Согласно данной классификации, термины образуются тремя способами: полным, семантическим и фонетическим заимствованием. Полное заимствование отличается совпадением плана содержания и плана выражения слова или словосочетания. Если при переходе из языка в язык план содержания термина совпадает, а различие идет в плане выражения, то термин образован путем семантического заимствования. В ходе фонетического заимствования при помощи китайских иероглифов передается звучание термина на языке-доноре. В данном исследовании упор был сделан на терминологические единицы энергетической отрасли производства водорода, образованные путем полного заимствования. Перевод терминов на русский язык, полученных в ходе выборки из статей по производству полимеров, написанных на китайском языке [2,3,4], был проверен Кривцовой Ксенией Борисовной, химиком-инженером первой категории, инженером-исследователем ИХН СО РАН, окончившей Томский Государственный университет по специальности «Химия нефти и нефтехимия».

Переходя к непосредственно анализу, следует сказать, что в ходе первичной выборки всего было выбрано сто девяносто пять терминов, но в данной статье будет приведен разбор только девять терминов. В дальнейшем планируется продолжение исследования терминологии водородной энергетике.

Рассмотрим термин «водородная хрупкость» 氢脆 qīngcuì, где 氢 qīng — «водород», а 脆 cuì — «хрупкость». Глядя на перевод каждого иероглифа в отдельности, можно сказать, что это пример полного заимствования, так как план выражения совпадает с планом содержания.

Обратимся к термину 半导体 bāndǎotǐ «полупроводник», где 半 bān имеет значение «половина», а в сложных словах соответствует приставкам «пол-», «полу-», 导 dǎo — «проводить», и 体 tǐ — «тело». Буквальный перевод «наполовину проводящее тело», и таким образом, 半导体 bāndǎotǐ является полным эквивалентом русскому термину «полупроводник». Подобным примером является и 集电器 jídiànqì токоприемник, где 集 jí — «собирать», 电 diàn — «электричество», и 器 qì — «аппарат, устройство», то есть «устройство по сбору электричества», чем по сути и является токоприемник. Также стоит обратить внимание на другой термин, содержащий иероглиф 电 diàn — «электричество». 电极 diànjí с переводом «электрод» помимо иероглифа «электричество» содержит иероглиф 极 jí «полюс». Электрод является не чем иным как электрическим полюсом, который в зависимости от заряда будет назван анодом (полюс с положительным зарядом) или катодом (полюс с отрицательным зарядом).

Другими наглядными примерами полного заимствования служат 碱洗 jiǎnxǐ «щелочная очистка», где 碱 jiǎn — «щелочь», а 洗 xǐ — «мыть, отмывать» и 强碱

qiángjiǎn «сильная щелочь», где 强qiáng — «сильный», и 碱jiǎn — «щелочь».

Рассмотрим другую терминологическую единицу 固定床gùdìngchuáng «неподвижная постель» (в обогащении) или «неподвижный слой», где 固定gùdìng — «неподвижный, наглухо закрепленный» (при более подробном разборе 固gù «укрепленный, неизменный, стабильный», 定dìng «оставаться на месте, застывать»), и 床chuáng — «кровать, ложе».

Обратимся к следующему примеру, отражающему особенности полного заимствования: 密封垫mìfēngdiàn «уплотнительная прокладка», где 密 — «прилегающий, вплотную», 封fēng — «запечатывать; плотно закрывать; закупоривать», 垫diàn — «прокладка».

Последним рассматриваемым примером является 可见光kějiànguāng «видимый свет», где 可kě показывает возможность совершения действия, 见jiàn — «видеть», и 光guāng — «свет». В аспекте производства водорода термин «видимый свет» означает, что такое излучение видно не только специальным прибором, но и человеческому глазу.

Литература:

1. Гамбург, Д. Ю., Семенов В. П., Дубовкин Н. Ф. Справочник «Водород. Свойства, получение, хранение, транспортирование, применение». Москва «Химия» — 1989 г. — с. 672
2. 白雪峰. «紫外光分解硫化氢制氢的研究». 影像科学与光化学 № 2, vol.26, — 2008 г. — с. 132–137
3. 白雪峰. «H₂S分解制氢技术研究进展». 石油化工 № 3, vol.38, — 2009 г., с. 225–233
4. 春程. «制氢方法简介»/[Электронный ресурс]— <http://wenku.baidu.com/view/425f2664783e0912a2162a73.html> (20.04.2015)
5. Способы и источники заимствований в терминологической лексике китайского языка (на примере лексики нефтяной отрасли) [Текст] / Е. А. Яковлева [и др.] // Молодой ученый. — 2015. — № 9. — с. 1451–1454.
6. Хафизова, Л. И. Особенности образования терминов и терминологических сочетаний нефтедобывающего оборудования (на примере китайского языка) [Текст] / Л. И. Хафизова, У. В. Хоречко // Молодой ученый. — 2015. — № 10. — с. 1447–1450.
7. Кочергин, И. В. «Очерки лингводидактики китайского языка». АСТ — 2006 г. — с. 106–126.
8. Лебедева, И. О. Образование терминов в китайском языке путем полного заимствования на примере отрасли производства полимерной продукции [Текст] / И. О. Лебедева, А. Э. Сенцов, У. В. Хоречко // Молодой ученый. — 2015. — № 7. — с. 960–962.
9. Лебедева, И. О. Образование терминов в китайском языке путем семантического заимствования на примере отрасли производства полимерной продукции [Текст] / И. О. Лебедева, А. Э. Сенцов, У. В. Хоречко // Молодой ученый. — 2015. — № 7. — с. 962–965.

Особенности пространственно-временной организации текста русской волшебной сказки

Лебедева Кристина Владимировна, студент
Ульяновский государственный университет

Сказка, представляющая собой особый эпический жанр, всегда вызывала интерес у исследователей, и это в полной мере оправдано. Сказка является об-

В заключение стоит отметить следующее: проникновение большого количества иноязычных терминов в китайский язык не является отрицательным фактом, наоборот, он обогащает язык, делая его более емким, выразительным. Входя в китайский язык, иностранные лексические единицы подвергались переоформлению в соответствии с внутренними законами его развития. Таким образом, для успешного перевода китайской технической терминологии, которая не имеет эквивалентов в русских словарях, необходимо придерживаться определенного алгоритма. В первую очередь следует ознакомиться с эквивалентами терминов в родном языке, после чего провести лексико-семантический анализ слов и в случае возникновения сложностей при переводе обратиться к контексту.

Основываясь на том, что на настоящий момент развитию водородной энергетики уделяется большое внимание, можно утверждать, что в китайском языке будут продолжаться появляться новые термины. В связи с чем, изучение и обобщение знаний в сфере китайского терминоведения является перспективным и актуальным направлением.

разцом духовных, культурных, эстетических ценностных ориентиров народа её создавшего, в ней бережно хранится многовековое идейное наследие, посредством ко-

торого отражается менталитет и национальная культура. Удивительно, как удалось сказке соединить в себе вымысел с реальностью; невероятные сказочные персонажи, красочные сюжеты переплетаются с базовыми философскими смыслами: в текстах многих сказок весьма лаконично описана идеальная модель мироустройства, с чётко обозначенным местом человека в данной системе, и это выражено в столь гармоничной композиционной структуре с использованием яркого языкового материала. Иными словами, сказка являет собой чудесный образец художественной образности и искусства слова.

В сравнении с другими фольклорными жанрами структурно сказка организована наилучшим образом, она находится в подчинении специфических фольклорных законов, влияние которых на другие жанры оказывается не столь существенным. Основными структурными компонентами любого сказочного текста являются пространство и время, поэтому изучение именно этих элементов композиции является непременным условием глубокого понимания содержательной стороны текста сказки.

Характерные признаки организации повествования, присущие русской волшебной сказке, были подробно описаны выдающимся русским фольклористом Владимиром Яковлевичем Проппом. Согласно мнению Владимира Яковлевича, пространство является основным композиционным элементом, именно в пространстве совершаются все действия героя, тогда как времени, выступающего в качестве реальной формы мышления, словно нет совсем. В. Я. Проппом был установлен не только сам факт пространственного преобладания в тексте сказки, но также были описаны и особенности композиции сказок. Основой повествования классической волшебной сказки является путешествие главного героя, которое подробно описано только лишь в местах остановок героя, таких как, например, избушка в лесу, иное царство и др. Зная эту особенность композиции классических сказок, можно выразить пространственное перемещение героя в виде формулы: «родной дом — иное царство — родной дом». Однако герой в процессе своего движения может совершать и дополнительные, предусмотренные сюжетом сказки остановки, которые не вносят никаких изменений в структуру формулы, например: «родной дом — избушка — иное царство — родной дом».

Согласно традиционным представлениям сказочный герой всегда движется в одном направлении, он никогда не отклоняется от выбранного курса и не возвращается в ранее посещённые им места. Поэтому такое движение называют однонаправленным. Метафорически композиционную структуру классической сказки можно представить в виде бус: нитка — это линия перемещения главного героя сказки, а бусинки — это те локусы, которые постепенно посещает герой, они последовательно нанизываются на «нитку» путешествия героя, создавая тем самым удивительную в своей простоте композицию волшебной сказки. Традиционно сказочная структура требует, чтобы герой покинул родной дом и отправился с какой-то целью

в иное царство. Цель путешествия всегда строго обозначена в сюжете сказки, достижение этой цели способствует возвращению героя домой, где он женится или воцаряется. Следовательно, неотъемлемыми признаками любого путешествия являются, во-первых, наличие конкретной цели, а, во-вторых, уход героя из родного дома с конечным возвращением в него, что делает локус родного дома окаймляющим элементом формулы путешествия.

Все сказочные путешествия могут быть поделены на три больших класса: истинное, ложное и внесюжетное путешествие. Истинное путешествие полностью представлено в классической формуле сказочного путешествия. Ложное путешествие, как и истинное, начинается уходом героя из дома с определённой целью, однако затем герой возвращается снова домой, поскольку ему не удаётся с первого раза достигнуть поставленной цели; он совершает ещё одно путешествие, которое становится уже на этот раз истинным, выполняет свою задачу и возвращается домой. Внесюжетное путешествие ставит перед главным героем задачу, которая не предусмотрена традиционной формулой классического развития сюжета.

Традиционно в русской волшебной сказке описано только одно путешествие, и оно как раз и является истинным. Логично считать, что ложное путешествие, при его наличии, должно предшествовать истинному путешествию, при этом значительно изменяя композицию сказки. Значение и место в композиции сказки внесюжетного путешествия остаётся неоднозначным: такое путешествие, как и истинное, имеет определённую цель, но ни эта цель, ни место, куда должен отправиться герой, чтобы её достичь, не учтены сюжетным рядом сказки. Внесюжетное путешествие встречается, как правило, в оригинальных, отличающихся новаторством сказках, делая их при этом более интересными. Итак, именно пространство лежит в основе путешествия главного героя, а, следовательно, и в композиционном построении классической волшебной сказки.

Теперь перейдём к рассмотрению временной организации сказочных текстов. Для сказочного фольклора характерны свои специфические приёмы изображения времени, которые существенно отличаются от принятых в художественной литературе. Отечественными фольклористами выделяются следующие основные особенности построения сказочного темпоса: а) условность — историчность; б) закрытость — открытость; в) равномерность — неравномерность; г) направленность; д) завершенность [5]. Сказки, являясь продуктами воображения, фантазии, описывая события, происходившие в очень давние времена, создают упорядоченное поле времени. Реалистичность происходящего в сказке не является её главным признаком, но сказку следует понимать как модель мироустройства, организации пространства и времени, являющиеся самоорганизованными, независимыми, замкнутыми и не выходящими за пределы сюжета компонентами.

Русский сказочный текст характеризуется совершенно особой темпоральной структурой, характерные

черты которой связаны с особенностями построения всей композиции внутри этого жанра. Известные русские фольклористы — В. Я. Пропп, Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов — определили, что в темпоральной структуре русских сказок присутствуют и динамические, и статические элементы [3]. Динамические эпизоды отличаются постоянным развитием сюжета повествования и действий героя. В противовес динамике, статика волшебной сказки скрыта в наличии частей, которые обеспечивают связь динамических сюжетобразующих элементов с элементами, не задействованными в непосредственном развитии действия.

Благодаря этим специфическим особенностям построения сюжета в сказке зарождается особый хронотоп. Статические элементы отражены в неопределённо — отдалённом времени, которое было названо Н. М. Герасимовой, относительным, поскольку в нём прослеживается авторская позиция, рассказчик противопоставляет своё время времени действия героев. В противоположность относительному времени существует абсолютное событийное время, вобравшее в себя динамические черты сказки [1].

Многие фольклористы отмечают такое свойство сказочного времени как замкнутость. Начало сказки складывается из небытия, отсутствия времени и событий, и завершается сказка намеренно подчеркнутой остановкой времени, констатацией наступившего отсутствия событий (благополучие, свадьба, пир, смерть). Действие сказок начинается своё развитие из вечности, временной неопределённости, а затем, постепенно раскрывая некоторые детали пространственно-временной организации, возвращается в вечность. Реализация концепта «вечность» в сказках указывает не столько на вечный ход событий, сколько на неизменность создавшегося «правильного» порядка вещей и отношений между людьми. Интересно, что основу развития сказочного сюжета представляет своеобразный циклический путь героя, который берёт своё начало из вечности, движется к относительной определённости во времени, а затем снова возвращается в вечность, которая рассматривается как единственно правильный, справедливый и счастливый жизненный путь героев. В этих фиксированных темпоральных формулах запечатлён навечно сложившийся порядок вещей и ход мыслей, а также идеи о всеобщем благоденствии и идеальном миропорядке. Тем самым, эстетически гармоничная временная организация сказки построена на мечтах о вечном счастье, удаче, составляющих основу всей жизни героев.

По мнению многих ученых-филологов, темпоральная структура сказочного текста выражается следующими

традиционными формулами: во-первых, с помощью наречий и прилагательных, имеющих временное значение неопределённо-большой длительности (долго-долго, много-много и др.) Эти формулы помогают также создать ощущение пространственной таинственности в тексте сказки. Во-вторых, сказка использует числительные, которые предназначены для того, чтобы охарактеризовать значение обобщённого количества («три», «десять», «тридцать»): «... шёл он дорогою, а больше стороною три месяца и пришел к иному королевству»..., «... ехал он ровно тридцать дней и тридцать ночей, и приехал в китайское государство.»... Использование таких числительных служит некому магическому ритуалу для перевода героя в «иной» мир, в область непознанного. В-третьих, словесные формулы, посредством которых демонстрируется неопределённость длительности (ни много ни мало, много ли мало ли, долго ли коротко ли). В-четвертых, время в сказке предстаёт как способ организации продолжительности перемещения героя. Это достигается при помощи определенных логических формул преодоления времени разного рода деятельностью. Время часто предстаёт на уровне предметов и чувств, оно обозначается через конкретные категории ощущений: «... уж железные башмаки истаптываются, железный колпак изнашивается, костыль ломается, просвира изглодана, а красная девица все идет да идет, а лес все чернее, все чаще...» [5].

Удивительным образом сказке удаётся представить универсальность времени, разное его ощущение разными героями, а также само его выражение. Временные характеристики сказочного текста передаются как посредством особых лексических формул, создающих внутреннюю структуру сказки, так и посредством философских идей. На уровне древних взглядов человека сказка закрепила идею глубины и непостижимости времени, а также тесную связь пространства и времени. Залогом сохранения значимости сказки для многих поколений является заложенная в ней мысль о замкнутости, цикличности и вечности представленных в ней идей.

Подводя итог, следует отметить, что без изучения особенностей структуры сказочного повествования, взаимодействия различных компонентов текста невозможно постижение глубины фольклорного текста. Пространство и время, как основные структурные компоненты сказочного текста, отражают идейные философско-культурологические особенности народа его создавшего. И, как известно, каждый текст создан для прочтения в будущем, следовательно, народная сказка, как выражение народного духа, являет собой своеобразный «заговор» на сохранение национального характера будущих поколений.

Литература:

1. Герасимова, Н. М. Пространственно-временные формулы русской волшебной сказки — Русский фольклор. Л., 1978.
2. Комлева, Г. А. Пространственная композиция фольклорной сказки: сборник научных трудов Карельского государственного университета — 67–73 с.

3. Мелетинский, Е.М., Неклюдов, С.Ю., Новик, Е.С., Сегал, Д.М. Структура волшебной сказки. — М.: Рос­сийск. гос. гуманитарн. ун-т, 2001.
4. Пропп, В.Я. Морфология волшебной сказки — М.: Лабиринт, 2001.
5. Суслов, А.А. Темпос русской волшебной сказки: сборник научных трудов Томского государственного универ­ситета систем управления и радиоэлектроники.

Жанр воспоминания в речи молодежи: к вопросу о проявлении оценочности

Ляшенко Алина Александровна, студент
Кормазина Ольга Петровна, ассистент
Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

Как известно, одним из актуальных направлений со­временной антропологической лингвистики является теория ре­чевых жанров; к числу активно разрабатываемых аспектов данной теории относится монографическое описание от­дельных речевых жанров.

Объектом данного исследования стал речевой жанр воспоминания, который традиционно изучался на мате­риале речи диалектоносителей старшего поколения. Ма­териалом для нашего исследования послужили записи воспоминаний 18 информантов — студентов Дальнево­сточного федерального университета гуманитарных и тех­нических специальностей. Средний возраст информантов 20–26 лет, что соответствует общепринятому понятию молодёжи. Записи сделаны дома у студентов (в обще­житии), в университете, в кафе, на улице.

Мы проанализировали тексты воспоминаний моло­дёжи, основываясь на таких семантических категориях, как диктумное содержание и модусное значение, в част­ности, проявление в текстах воспоминаний категории оценочности.

В ходе анализа собранного материала мы пришли к выводу, что всё диктумное содержание текстов воспо­минаний можно разделить на две тематические группы: 1) воспоминания о детстве 2) воспоминание о ситуациях, происходивших в недавнем прошлом. Настоящая статья посвящена описанию второй группы.

Рассказы информантов о недавних событиях, проис­ходивших несколько лет назад (то есть в юности), стоит рассматривать скорее как фатические, а не как информа­тивные. Говорящий рассказывает собеседнику о той или иной ситуации для того, чтобы передать эмоциональный настрой или же для того, чтобы вызывать ответную ре­акцию (сочувствия, переживания) [7, с.15]. Тематика таких рассказов разнообразна, в анализируемых нами текстах можно выделить темы «Учёба», «Путешествия», «Взаимоотношения со сверстниками».

Модусное значение — категория, в которой прояв­ляется отношение говорящего к содержанию своего вы­сказывания. Одной из модусных категорий является оце­ночность. Как отмечают исследователи, оценка занимает особое место в представлении модели мира человека, она

является вторичным фильтром для картины мира (пер­вичный — языковое сознание). С помощью оценки че­ловек выражает своё отношение к тому или иному пред­мету, лицу, ситуации [2, с.40].

В рассказах-воспоминаниях события могут оцени­ваться говорящим как с положительной, так и с отри­цательной точки зрения с помощью языковых средств разных уровней.

Фонетический уровень представлен такой характе­ристикой, как растяжение гласных. Данная характери­стика присутствует как в описании событий с положи­тельной оценкой (Я помню в прошлый Новый год /был **тако-о-ой** салют здоровский), так в описании событий с отрицательной оценкой (**Бо-о-же/как вспомню/я** си­дела с какой-то бабушкой/ и вот она о жизни своей рас­сказывала//).

К фонетическому уровню относится и использование фразового ударения (чаще — при выражении отрица­тельной оценки). Например: (говорит с напором) Ага/ на улице **дубак** такой/ а она меня на **колесо** потащила/ я **околела** там вся/а **она** сидит/ **улыбается**//.

На лексическом уровне положительная оценка прояв­ляется в использовании диминутивов — слов с уменьши­тельно-ласкательными суффиксами: *здоров-ск-ий, ро­зов-еньк-ий, песоч-ек, каме-шек, подруж-к-и*.

Наиболее ярко категория оценки проявляется на лек­сическом уровне. Лексемы, выражающие положительную и отрицательную оценку в текстах воспоминаний молодых людей, мы разделили на три группы: стилистически ней­тральная лексика, разговорная экспрессивная лексика, молодёжный жаргон (см. табл. 1).

Также, можно отметить, что отрицательная оценка в воспоминаниях молодёжи нередко бывает представлена обценной лексикой.

На синтаксическом уровне одним из основных при­ёмов является пропуск слова. Достаточно часто исполь­зуется указательное местоимение *такой* вместе с со­ответствующей интонационной конструкцией, для того, чтобы собеседник мог догадаться об оценке сам, и го­ворящему не пришлось произносить окончание фразы вслух.

Таблица 1

Положительная оценка			Отрицательная оценка		
Стилистически нейтральная лексика	Разговорная экспрессивная лексика	Молодёжный жаргон	Стилистически нейтральная лексика	Разговорная экспрессивная лексика	Молодёжный жаргон
Отлично Удобно Было весело Смешно Великолепно	Здоровский Отличненький	Ржака Прикольный Круто Фишка (в знач. предполагаемая выгода)	Отвратитель-но Ужасно Некрасиво Тупые Шабаш Облили (плохо высказались)	Злющая Клянчили Наорала Харкнул Дура Пёрли (красили) Малявка Дебилы	Фигня Спереть (переложить вину) Пилить (идти)
Всё было круто/ весе-ло...//	Вот/ пекин-ские/ за полторашку всего взяла/ когда в Ше- ньяне была/ от- личненькие такие...//	Что-то она ещё такое при- кольное го- ворила про папу...//	Это все было так тесно/ связано/ так некрасиво/ от- вратитель-но/ в итоге я уе- хала...//	Я просто съе- хала/ потому что она на меня наорала...//	Д1 — у неё пропали деньги.// Д2 — я помню ты тогда расска- зы-вала// Д1 — она всё хотела на тебя это спереть...//

Подобный приём характерен как для положительной, так и для отрицательной оценки; различие проявляется лишь в интонации. Приведём примеры.

Отрицательная оценка: *Но там, вообще, даже посмотреть не на что/ там такое... (понижение интонации) [ужасное] //.*

Положительная оценка: *Белый медведь лежал/ а я к нему/ потому что он был ну тако-ой... (повышение интонации) [милый] //.*

Кроме того, в разговорной речи для выражения оценки нередко используются и стилистические фигуры: гиперболы, метафоры, которые отражают субъективное отношение говорящего к ситуации [5, с.152].

Метафоры возникают на основе внеязыковых ассоциаций, отражают эмоциональные реакции человека: Знаешь/когда они вот такие **Л-ка** [о размере брюк]/ мне хотелось сказать/ «а давайте **в мешки** поиграем!». В приведённом примере размер брюк соотносится с мешком, в котором можно прыгать, тем самым говорящий старается вызвать у собеседников смех.

Гипербола в разговорной речи служит для экспрессивного усиления сказанного: Как мы тут жили? / нет/ мы **выживали...**//. Здесь гипербола позволяет говорящему передать крайне резкую, негативную оценку событий из прошлого.

Исследователи отмечают, жанр воспоминания может представлять собой своеобразный итог прошлой жизни, формирующий антитезы «раньше-теперь», которые соотносятся с полюсами «хорошо — плохо» [3, с.169]. Такое

противопоставление мы обнаруживаем и в текстах воспоминаний молодёжи.

Например:

(подруги Н. и С. ходят по магазинам)

Н. Надо зайти будет// И в «Глорию» тоже/ хотя сомневаюсь что / в ней что-то хорошее ещё есть/ надо джинсы тёплые купить//

С. Я там работала/там нет тёплых джинс/ даже зимой//

Н. А раньше/ помните какой магазин был? / Там были джинсы/ все!

С. Я маленькая была/ там все варианты джинсов были.../

Н. (с хвастовством) Я покупала свои джинсы в «Глории»/ **а сейчас ***** (негативно)** какая-то.../

С. Китайская//

С точки зрения говорящих, продукция магазина (джинсы) раньше была намного лучше, чем сейчас; данная оценка находит отражение в следующем противопоставлении: *А раньше/ помните какой был? [хороший] — А сейчас.../ [плохой].*

Важно отметить, что также в рассказах-воспоминаниях молодого поколения присутствует антитеза «раньше — теперь», но уже соотносимая с полюсами «плохо — хорошо».

Как на первом курсе мы тут [на острове] жили? / нет/ мы **выживали/ хорошо**, что щас на острове учимся//

В приведённом примере студентка оценивает ситуацию в прошлом отрицательно с помощью экспрессивной

гиперболы (выживали не в прямом значении, а в том, что было трудно жить в первый год обучения в университете) и при помощи оценочной лексики — хорошо.

Как я раньше имбирь называла *мылом*? Как я это сделать вообще (смех) / *божественный* имбирь назвать мылом//

В данном фрагменте девушка оценивает ситуацию с помощью лексики «мыло», которая подразумевает отрицательную оценку; также здесь снова используется гипербола для выражения положительной оценки (божественный — вкусный).

Таким образом, проанализировав тексты воспоминаний представителей молодого поколения, мы пришли к выводу, что для выражения оценки вспоминаемого события информанты прибегают к использованию различных приёмов, характерных для каждого языкового уровня: фонетический — растяжение гласных, фразовое ударение, лексиче-

ский — диминутивы, лексемы с оценочным значением, обценная лексика, синтаксический — пропуск слова, а также часто используют в разговорной речи такие стилистические фигуры, как гиперболы и метафоры. Воспоминание — итог прошлой жизни, формирующий антитезу «раньше — теперь», которая может быть сопоставлена с полюсами «хорошо — плохо», а также «плохо — хорошо». Особая эмоциональность, экспрессивность разговорной речи связана с природой непринуждённого, раскованного повествования: говорящий может свободно выражать отношение к миру, событиям, ситуациям, к лицам

В заключение, можно сказать о преобладании отрицательной оценки в речи молодёжи. Прежде всего это связано с психологическими особенностями подростков и молодого поколения. Проблема выражения оценочности в живой речи остаётся по-прежнему малоизученной и требует дальнейшего исследования.

Литература:

1. Борисова, И. Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика. Изд. 3-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 320 с.
2. Гынгазова, Л. Г. Жанр оценки в языке личности // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. — с. 40–49.
3. Гынгазова, Л. Г. О речевом жанре воспоминания (на материале языка личности) // Актуальные направления функциональной лингвистики. Материалы Всероссийской научной конференции «Языковая ситуация в России конца XX века» (г. Кемерово, 1–3 декабря 1997). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 167–174.
4. Демешкина, Т. А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. — 190 с.
5. Капанадзе, А. А. Способы выражения оценки в устной речи // Разновидность городской устной речи: Сб. научн. тр. М.: Наука, 1988. с. 151–156.
6. Китайгородская, М. В., Розанова Н. М., Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. — М.: Научный мир, 2005–493 с.
7. Лагута, Н. В. О речевом жанре воспоминания // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. — Благовещенск: АмГУ, 2005. — Вып. 3.
8. Толковый словарь русского языка: В 4 т / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940.

Анализ двухкомпонентных притяжательных конструкций в русском и персидском языках при выражении принадлежности

Мадаени Аввал Али, кандидат филологических наук;
Пуляки Парване, аспирант;
Мохсен Бейги, аспирант
Тегеранский университет (Иран)

Категория принадлежности как универсальное явление по своей природе является высказыванием о тех свойствах и тенденциях, которые присущи любому языку и разделяются всеми говорящими на этом языке [5, с. 31]. Анализ материалов разносистемных языков подтверждает, что в языке имеются различные средства выражения отношений принадлежности, т.е. выражение понятия принадлежности/обладания можно найти во всех языках, однако передается это значение весьма различными способами.

Анализ языкового материала дает основание полагать, что реальные отношения принадлежности передаются определенной совокупностью грамматических средств. Система средств выражения принадлежности в персидском языке соответствует с языковыми характеристиками структура данного языка. Персидский язык есть язык флективно-аналитический и в нем отсутствует категорий падежа и рода. Таким образом категория принадлежности, как и большинство понятий в персидском

языке выражается аналитическими или синтетическими способами.

Лингвисты (Шариат 1364; Салехи 1371; Афшар 1372; Нобахар 1372; Аржанг 1374; Анвари и Ахмадигиви 1386; Фаршидвард 1384; Гариб 1385; Батени 1372), единогласно утверждают, что значение принадлежности при помощи персидских грамматических средств выражается двумя способами: а) изафетные и полуизафетные сочетания; личные, определительно-возвратные и взаимные местоимения), а также слитные местоимения, и б) глаголов обладания и служебных слов, которые входят в состав определённых лексико-семантических конструкций). Мы классифицируем данные средства на именные (а) и предикативные средства выражения принадлежности (б).

Анализ языкового материала дает основание полагать, что в русском языке также существует такая классификация. При этом последователи петербургской школы функциональной грамматики называют предикативную и атрибутивную принадлежность двумя центрами функционально-семантического поля посессивности [2, с. 99]. Они классифицируют средств выражения принадлежности в русском языке на две подгруппы: атрибутивные и предикативные.

Основными лексико-грамматическими показателями принадлежности в атрибутивных словосочетаниях русского языка являются притяжательные и возвратные местоимения, притяжательные и относительные прилагательные с суффиксами -ин/-ын, — ов/ -ев и -ьск-, существительные в форме родительного падежа и существительные в форме дательного падежа [12, с. 242]. Помимо вычисленных средств, собственно притяжательных, существуют и особые, так называемые вторичные, атрибутивные средства, которые выражают и другие, дополнительные, смысловые нюансы. К ним в русском языке относятся, в частности, предложно-падежные формы с оттенком принадлежности. К предикативным средствам выражения принадлежности относятся в основном глаголы обладания и, а также русская структурная схема «у кого есть что» [2, с. 101].

Проведенный нами анализ на материалах двух языков показал, что в исследуемых языках можно так отметить, что с функциональной точки зрения выражения принадлежности они почти не отличаются, а с точки зрения их структур между ними существует типологические сходства и различия. Выяснилось, что при выражении категории принадлежности атрибутивными сочетаниями в русском языке и именными конструкциями в персидском языке, содержание функционально-семантической категории принадлежности в обоих, как правило, находит свое выражение в двухкомпонентной притяжательной конструкции.

В обоих языках компонент притяжательной конструкции, обозначающий предмет обладания (объект обладания) будет выраженный, как правило, существительным. Объектом обладания может быть словами,

которые могут включаться в сферу существования лица-субъекта. Например, имена, обозначающие члены тела, предметы, находящиеся в тесной связи с человеком, отношения родства и т.д. Однако компонент, обозначающий обладателя (субъект обладания), в каждом языке может быть выраженным по-своему; в русском языке — это может быть:

а) любое существительное, оформленное формантом родительного падежа: комната сына, рука старушки, бабушка Веры.

б) притяжательные местоимения: моя туфля, его отец, мой костюм, наш враг, их ручка.

в) возвратное местоимение «свой»: свои родители, своя гармонь, своя мама, свой дом.

г) притяжательные прилагательные с суффиксом -ин (-ын), — ов (-ев): Маринин сын, Иванова свадьба, Павкина служба, Натальины сестренки.

д) относительные прилагательные с суффиксом — ьск-: крестьянский сын, хоромы княжеские, отцовский дом, боярские дети, дворянские дочери.

е) любое существительное, оформленное формантом дательного падежа: Катерине жизнь, тебе язык, мне сын.

А в персидском языке:

а) любое существительное без всяких оформлений: “خانه ی دوست” [ханэ-йэ дуст] — дом друга; “حقوق پدر” [хоғуғ-э пэдәр] — зарплата отца.

б) личные местоимения: “دوست من” [дуст -э мән] — мой друг; “خواهر شما” [хахәр — э шома] — ваша сестра.

в) определительно-возвратное местоимение: “پدر خویش” [пэдәр-э хиш] — свой отец; “مداد خودم” [мэдад-э ход-әм] — свой карандаш.

г) взаимное местоимение.

д) слитные местоимения: “دوستم” [дуст-әм] — мой друг; “دانشجویم” [данэшджу-йәм] — мой студент.

Из всего вышеуказанного можно сделать следующие выводы:

В русском языке существительное, обозначающее обладателя предмета, оформляется окончанием родительного падежа и предмета обладания не имеет формального показателя (Книга мальчика новая). Наоборот, в персидском языке только предмет обладания имеет формальное средство выражения принадлежности, а это показатель изафета [4, с. 176].

В персидском и русском языках, когда существительное употребляется в функции обладателя, тогда дистрибутивные свойства членов притяжательной конструкции идентичны и в постпозиции. Однако в притяжательной конструкции, в которой обладатель выражен другими выше перечисленными частями речи, порядок расположения компонентов в русском языке в препозиции, а в персидском в постпозиции.

В персидском языке принадлежность в зависимости от стилистической потребности общения выражается аналитическим, аналитико-синтетическим способами.

Поскольку в данном языке отсутствует притяжательных местоимений, вместо них при выражении при-

надлежащие употребляются личные, определено-возвратные и взаимные местоимения, которые выполняют функцию принадлежности [6, с. 110]. Кроме этого персидские слитные местоимения также участвуют в формировании аналитико-синтетического способа принадлежности. Данные местоимения присоединяются к предмету обладания, как аффиксы агглютинативного типа [3, с. 266–270].

Синтаксические связи между компонентами сочетаний различны: в русском языке функционируют связи управления (ей в глаза) и согласования (моя книга), а в персидском языке наблюдается специфический тип связи, определяемый в персидском языкознании как изафет. Лицо и число обладателя в персидском языке выражается с помощью местоимений энклитика или контекста.

Согласование в русском языке происходит в роде и числе; в этом языке можно говорить о двух категориях числа в сфере обладания: а) число субъекта обладания; б) число объекта обладания. Но подобное явление в форме 3-го лица не отражается (Ср.: моя книга — мои книги, его (ее) книга — его (ее) книги).

Обладатель, выраженный притяжательным прилагательным на — ин (-ын), — ов (-ев), а также относительные прилагательные с суффиксом -ьск- согласуются с существительным, употребляемым в позиции предмета обладания в роде и числе (Павкин маузер, Павкина служба, мамыны книги, дворянские дочери). Однако в персидском языке такого согласования не наблюдается, ибо эквиваленты данных средств, в этом языке являются изафетными конструкциями: Павкина служба “خدمت پاوکین” [хэдмәт-э павкин]; мамына книга “کتاب مامان” [кә-таб-э маман].

В отличие от русского языка, в персидском языке, в которой отсутствует категорий рода, синтаксические связи между компонентами сочетаний выражается особый вид связей под названием изафета. В изафетных конструкциях не выражается род членов сочетаний, а только с помощью местоимений (т.е. аналитический способ) выражается лицо и число обладателя.

Всё вышеотмеченные типологические сходства и различия были в рамках атрибутивных и именных словосочетаний, которые выражают принадлежность. Основными лексико-грамматическими показателями принадлежности в атрибутивных словосочетаниях русского языка являются притяжательные и возвратные местоимения, притяжательные и относительные прилагательные, существительные в форме родительного падежа.

В русском языке помимо вычисленных средств, собственно притяжательных, существуют и особые, так называемые вторичные, атрибутивные средства, которые выражают и другие, дополнительные, смысловые нюансы. К ним в русском языке относятся, в частности, предложно-падежные формы с оттенком принадлежности. По словам Арутюновой в русском языке более естественно употреблять конструкцию «лицо у него», чем «его лицо» [1, с. 225].

Эквиваленты данных средств, в персидском языке больше всего бывают изафетными и полуизафетными конструкциями, а также способом присоединения слитных местоимений к предмету обладания

Конструкция «у + родительный падеж посессора» в персидском языке выражается присоединением слитных местоимений к предмету обладания:

— Голова у меня кружится. “سرم گیج می رود” [сәр-әм гидж мирәвад]

— Волосы у него абсолютно чёрные. “موهانش کاملاً سیاه هست” [мух-аш камәлән сиях хәстән].

— Возьми ручку у меня со стола. “خودکارم رو از رو میز بردار” [ходкар-әм ро әз ру миз бәрдар].

— У него мама больная. “مادرش مریضه” [мадәр- эш маризә].

Конструкция «от + родительный падеж посессора» в персидском языке выражается способом изафета:

— Мама читала ему письмо от отца. “مادر برایش نامه ی پدر را خواند” [мадәр бәрайәш намә- йә пәдәр ра ханд].

— Ручка от чемодана сломалась. “دستگیره ی چمدان شکسته است” [дәстгирә — йә чәмәдан шәкәстә әст].

Конструкция «Д. п. одушевленного существительного + В. п. (с предлогом или без предлога) существительного» в персидском языке выражается способом присоединением слитных местоимений к предмету обладания изафета, и ещё можно добавит предлоги, обозначающее место или лицо, на которое направлено какое-либо действие, иными словами выбирается конструкция, которая имеет возможность выразить локально-посессивное значение.

— Я брошу тарелку тебе в голову. “بشقاب رو میزنم تو” [бошқаб ро мизнәм ту сәр- әт].

— Мне попала соринка в глаз. “خاکریزه افتاد تو چشمم” [ха-кризә офтад ту чәшм -әм].

Конструкция «из/с+ родительный падеж посессора», в персидском языке будет выражена с помощью изафетных конструкций и полуизафетных конструкций с предлогом “از” [әз]:

— Рабочие из соседней фабрики зарабатывают на два раза больше.

“دو برابر بیشتر درآمد دارند کارگران کارخانه بغلی” [каргәран-э кархане бәйәли до бәрабәр биштәр дәрамад дарәнд].

— Кроме представителей разных городов России приехала целая делегация из Ирана. «به غیر از نمایندگان شهرهای مختلف روسیه، یک هیئت کامل از ایران هم آمده بود» [бә гәйр әз нәмай-әндәгн-э шәхрха-йә мохтәләф-э русийә йәк хәйәт-э камәл аз иран хәм амәдә буд].

Как было отмечено все эти вторичные атрибутивные средства, в русском языке собственно не выражают принадлежность и только имеют оттенки принадлежности. Следует обратить особое внимание на то, что хотя при переводе данных конструкций, в персидском языке употребляется средства выражения принадлежности, но здесь тоже речь не идёт о принадлежности, и другие дополнительные смысловые нюансы выражаются (предназначенность, вид и материал, уподобление, метафоричность локационная принадлежность и т.д.) [11, с. 74–75].

Литература:

1. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. — М.: Изд-во Наука, 1976.
2. Бондарко, А. В. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность/ под ред. — СПб. Изд-во Наука, 1996.
3. Будагов, Р. А. Несколько замечаний о понятии отношения в грамматике. — В кн.: Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию акад. И. И. Мещанинова. — М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1960, с266–270.
4. Будагов, Р. А. Что такое развитие и совершенствование языка? — М.: Изд-во Наука, 1977.
5. Джозеф Гринберг, Чарльз Осгуд, Джеймс Дженкинс Меморандум о языковых универсалиях. Новое в лингвистике (языковые универсалии), вып. У, перевод с английского, Изд-во «Прогресс», М., 1970, СЗІ-44.
6. Махутиан, Ш. (1999). Грамматика персидского языка с точки зрения ратификации. — Тегеран: Изд-во «Нашре марказ».
7. Мешкатодинни, М. (2006) Грамматика персидского языка: Слова и словосочетания. — Тегеран: Изд-во «САМТ».
8. Мостафави, П. (2013). Анализ структуры принадлежности в современном персидском языке// Литература и языки. № . 6. Тегеран, С 102–168.
9. Нешат, М. (1989). Число и количество в персидском языке. — Тегеран: Изд-во «Амиркабир».
10. Рубинчик, Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка. — М.: Изд-во Восточная Литература, 2001.
11. Самани, М. (2001). Основы языка. — Тегеран: Изд-во «Нашре марказ».
12. Современный русский язык, часть I (под редакцией Д. Э. Розенталя). Изд-во Высшая школа, — М., 1976.

Два перевода «Маттео Фальконе»

Мазлитдинова Дилноза Туйгуновна, старший преподаватель
Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека

The given article is about the peculiarities of translation of one work by two interpreters from Russian language into Uzbek. This is a novel “Matteo Falcone” of a famous French writer of XIX century Prosper Merime, translated into Uzbek by A. Sharafiddinov and Nurbek.

Одним из способов оценки перевода является сравнение нескольких переводов одного и того же произведения. Имея дело с несколькими вариантами передачи на родной язык одного и того же подлинника, мы сравниваем и оцениваем их по отношению друг к другу, определяем лучший из них и обосновываем его превосходство. Для этого прежде всего необходимо установить творческие методы переводчиков, т.е. авторов различных вариантов перевода. Ввиду того, что каждый переводчик видит мир собственными глазами и интерпретирует оригинал по-своему, не было и нет двух совершенно одинаковых переводов одного и того же произведения. Это всем известно. Известно и то, что каждый переводчик является творческой индивидуальностью. И в предлагаемом им способе воспроизведения подлинника отражается, как и в оригинальном творчестве, его мировоззрение, опыт и талант, не говоря уже об уровне его знаний как языка подлинника, так и родного языка. «Не увидеть всего этого и требовать абстрактной беспристрастности от переводчика — это не только наивно, но и нереально». (1, 162)

Небезынтересно рассмотреть проблему воссоздания образа в переводе двух узбекских переводчиков произведений одного из крупных французских писателей

Проспера Мериме, ибо «... нельзя ожидать от общей теории художественного перевода никаких конкретных решений частных вопросов, никаких готовых рецептов или патентованных средств». (1, 140)

Речь идет о переводчиках Нурбеке и А. Шарафиддинове, которые воссоздали на узбекском языке двух известных новелл французского писателя — «Маттео Фальконе» и «Таманго». Эти две новеллы интересны тем, что в них, в отличие от других новелл, из «скучной жизни буржуазии», созданы образы героических персонажей.

Новелла «Маттео Фальконе» играет особую роль в творчестве великого французского писателя. Она была не только первой новеллой писателя, опубликованной в печати (5 мая 1829 года, журнал «Ревю де Пари»), но и новеллой, принесшей ему настоящую славу.

Главным героем новеллы является корсиканец Маттео Фальконе. Хотя он долгое время остается «за кадром», неординарное событие, описанное в произведении, связано именно с его действиями, его реакцией на предательство сына, «надежды семьи и продолжателя рода».

После краткого описания окрестностей корсиканского городка Порто-Веккьо в экспозиции новеллы писатель знакомит читателя с Маттео Фальконе: «Представьте

себе человека небольшого роста, но крепкого, с вьющимися черными, как смоль, волосами, орлиным носом, тонкими губами, большими живыми глазами и лицом цвета невыделанной кожи». (2, II, 6) Это портрет героя.

Узбекский перевод данного описания в исполнении А. Шарафиддинова:

“Уни урта бўйли, лекин бакувват, жингалак сочлари кора мойдан тим кора, кирра бурун, лаблари юпка, кузлари тийрак, юзи ошланмаган терининг рангидаги бир одам деб тасаввур қилаверинг.” (3, 230)

Изображение Маттео Фальконе Нурбеком выглядит так:

“Буйи пастрок, бирок бакувват, кирра бурун, мумдек кора сочи жингалак, лаби юпка, кузлари катта, уйноки, юзининг ранги ошланган териға ухшаш кишини куз олдингизга келтиринг.” (4, 4)

Лаконично портретное описание Маттео Фальконе у Мериме. Одно предложение дает читателю почти исчерпывающее представление о внешности этого персонажа. Но приведенные нами два узбекских варианта этого описания отличаются друг от друга. Одно из отличий заключается в совершенно противоположном изображении цвета кожи Маттео. Если у А. Шарафиддинова Маттео человек “лицом цвета невыделанной кожи” — “юзи ошланмаган терининг рангидаги бир одам”, то у Нурбека его лицо “цвета выделанной кожи” — «ошланган териға ухшаш». Эпитеты “ошланган” и “ошланмаган” противоречат друг другу, исключают один другого, являются антонимами.

При сопоставлении этих двух переводов с оригиналом выясняется, что перевод А. Шарафиддинова верен, соответствует не только русскому варианту, но и оригиналу. Но не будем сразу обвинять Нурбека. Дело в том, что если перевод А. Шарафиддинова осуществлялся с русского варианта О. Лавровой, то Нурбек использовал менее верный перевод анонимного русского переводчика с издания “Избранных новелл” Проспера Мериме 1953 года.

Вот как выглядит описание портрета Маттео Фальконе в этом издании:

“Представьте себе человека небольшого роста, но крепкого, с черными как смоль курчавыми волосами, с тонкими губами, орлиным носом, большими живыми глазами и лицом цвета дубленой кожи (курсив наш — Д.М.).

Как видно, узбекский переводчик Нурбек повторил ошибку своего русского коллеги, в результате чего лицо Маттео получило совсем противоположный цвет, чем в действительности. Кроме того, Нурбек допустил и ряд других неточностей в описании деталей портрета главного героя новеллы.

Так, если русские переводчики относительно роста Маттео употребляют прилагательное “небольшого” и А. Шарафиддинов переводит его как “ўрта бўйли”, то в переводе Нурбека о Маттео говорится “буйи пастрок” (низковатый). И тот, и другой вариант имеет право на существование, т.к. просто разными словами передается, в общем, одно и то же понятие.

“Большие живые глаза” Маттео переводится А. Шарафиддиновым и Нурбеком соответственно “кўзлари

тийрак” и “кўзлари катта, уйноки”. Хотя у Шарафиддинова опущено прилагательное “большие”, “кўзлари тийрак” — “зоркие глаза” соответствуют оригиналу и вписываются в контекст, т.к. в дальнейшем Мериме описывает Маттео как местного стрелка:

“Меткость, с которой он стрелял из лука, была необычайной даже для этого края, где столько хороших стрелков. Маттео, например, никогда не стрелял в муфлону дробью, но на расстоянии ста двадцати шагов убивал его наповал выстрелом в голову или в лопатку — по своему выбору. Ночью он владел оружием так же свободно, как и днем. Мне рассказывали о таком примере его ловкости, который мог бы показаться неправдоподобным тому, кто не бывал на Корсике. В восьмидесяти шагах от него ставили зажженную свечу за листом прозрачной бумаги величиной с тарелку. Он прицеливался, затем свечу тушили, спустя минуту в ночной темноте он стрелял и три раза из четырех пробивал бумагу.” (2, II, 6)

Таким образом, переводя “живые глаза” как “тийрак кўзлар”, А. Шарафиддинов подготавливал следующее предложение, связывая умение Маттео стрелять метко с его “зоркими глазами”.

Нурбек, в отличие от Шарафиддинова, перевел “большие живые глаза” слово в слово и допустил ошибку при выборе узбекского эквивалента прилагательного “живые” — “уйноки”. Хотя “уйноки” переводится на русский язык как “живой”, но оно имеет значение, близкое русскому “игривый”. Но “уйноки” также обозначает “легкий, легкомысленный” и, особенно. В комбинации со словом “кўзлар”, имеет отрицательное значение: — буквально: “легкомысленные глаза, легкомысленный взгляд”, т.е. упор делается больше на легкомыслие, игривость.

Следовательно, его применение в данном контексте явилось неточностью переводчика и создало у узбекского читателя не совсем верные черты портрета Маттео Фальконе, хотя говорить о полном искажении образа здесь не следует.

Но описание образа не заканчивается этим. У Маттео четверо детей. После троих дочерей жена Джузеппе родила ему и долгожданного сына.

“Дочери были удачно выданы замуж: в случае чего отец мог рассчитывать на кинжалы и карабины зятьев”. (2, II, 6–7)

Верно перевел это А. Шарафиддинов:

“Қизларини яхши жойларга узатди; бирон хавф-хатар тугилса, ота куёвларининг ханжари ва милтиқларига таяниши мумкин эди”. (3, 231)

Перевод Нурбека:

“Қизлари эрга тегиб, тиниб-тинчиб кетишганди, агар зарур бўлиб қолса, у куёвларидан ханжар билан карабин олишга кўзи етарди”. (4, 5)

Если А. Шарафиддинов сохранил и передал все в отношении отца и его зятьев, имеющееся в оригинале (тут в русском варианте), то этого нельзя сказать о переводе Нурбека. В переводе первого переводчика Маттео

в случае надобности может рассчитывать на помощь и поддержку своих зятьев, в переводе второго — он может получить у них кинжалы и карабины. Работая над переводом, Нурбек не задался вопросом о том, что же будет делать один Маттео со всеми этими кинжалами и тремя карабинами плюс к тому, что имелось у него самого.

Таким образом, в отличие от героя новеллы Маттео Фальконе «человека небольшого роста, с большими живыми глазами и лицом цвета невыделанной кожи, который может, в случае чего, рассчитывать на кинжалы и карабины зятьев», переводчик Нурбек создал образ человека «низковатого роста, с большими легкомысленными глазами и лицом цвета дубленой кожи, который, в случае необходимости, может получить у своих зятьев их кинжалы и карабины».

Не только в передаче портретных характеристик героя, в воссоздании его образа совершил ошибку переводчик Нурбек. Ему не удалось верно передать и единственное описание домашней обстановки корсиканца в этой «экзотической» новелле П. Мериме.

Сравните:

“... жилье любого корсиканца представляет из себя одну квадратную комнату. Вся обстановка состоит из стола, скамей, сундуков, хозяйственной утвари и принадлежностей для охоты”. (5, 12)

Перевод Нурбека:

“... хар қандай корсикаликнинг уйи бир хонадан иборат бўлади. Бу уйнинг бор жиҳози — каравот ўрнида ҳам хизмат қилувчи стол, скамейка, сандиқ ва рўзғор билан ов қилишга зарур бўлган нарсалардангина иборат эди”. (4,5 — курсив наш — Д.М.)

Литература:

1. Гачечиладзе, Г. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. — М.: Советский писатель, 1980.
2. Мериме, П. Собрание сочинений в 4-х томах. — М.: Издательство “Правда”, 1983.
3. Мериме, П. Қарл IX салтанатининг йилномаси. — Т.: Ғафур Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 1978.
4. Мериме, П. Таманго. Ҳикоялар. — Т., 1961.
5. Мериме, П. Избранные новеллы. — М.: ГИХЛ, 1953.
6. Литературная газета. 1 ноября 1989 г.

Если обратить внимание на выделенное, то получится, что стол у корсиканцев служит и кроватью!!! Эта грубая ошибка не только снижает художественную ценность картины, нарушает обстановку и создает неверное представление о жизни и быте народа.

Слова “каравот ўрнида ҳам хизмат қилувчи” — “служащий и вместо кровати” отсутствуют в русском варианте и тем более в оригинале и являются результатом, мягко говоря, невнимательности переводчика Нурбека. И нельзя не согласиться с М. Цецхадзе, сказавшим, на международной конференции писателей, переводчиков и критиков в Алма-Ате, что “произошла подмена понятий. Вместо перевода художественной литературы мы занимаемся художественным переводом литературы, о качестве которой не имеем ни малейшего представления в силу незнания языка.” (6, курсив наш — Д.М.)

В идеале диалог литератур должен вестись без посредников, как любая беседа, когда можно взглянуть друг другу в глаза. Хотя в республике вырос целый ряд специалистов, хорошо знающих язык оригинала и хорошо владеющих родным языком, мы еще часто им мало доверяем.

Однако в середине и третьей четверти XX века в условиях отсутствия ярких талантов, способных перевести произведения художественной литературы непосредственно с языков оригинала, не могла быть приостановлена, и работа через язык-посредник. Прав был Диониз Дюришин, когда говорил о переводе «со второй руки», т.е. о переводе через язык-посредник, через подстрочник, как о явлении позитивном, являющимся средством межнациональной коммуникации, взаимовлияния и взаимообогащения литератур.

Способы образования званий, должностей и профессий в китайском языке (на примере сайтов технических высших учебных заведений Китая)

Матназаров Тимур Уткирович, студент;

Кузякова Дарья, студент;

Хоречко Ульяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

На сегодняшний день, тема данной работы, является достаточно актуальной, поскольку она связана с развитием одного из самых древних языков мира — китайским, который на протяжении тысячелетий несет культуру,

традиции своего народа и является одним из самых сложных и оригинальных языков мира.

Ранее мы уже касались изучения проблем словообразования в китайском языке в статье “Словообра-

зовательные модели интернет-коммуникации в китайском языке» [1]. Технический прогресс не стоит на месте, каждый год появляются все новые и новые технологии. Следовательно, пополняется словарный запас языка различными техническими терминами, новыми профессиями.

Актуальность данной темы также связана с недостаточно изученной темой, посвященной словообразованию званий, титулов, степеней, должностей в китайском языке. Для анализа наиболее востребованных словообразовательных форм названий должностей, званий, титулов, степеней в китайском языке, нами были исследованы три технических высших учебных заведения Китая:

1) 辽宁科技大学 Liaoning university of technology Liaoningский технический Университет [2]

2) 中国科学技术大学 University of Science and Technology of China Университет науки и техники Китая [3]

3) 北京科技大学 University of Science and Technology Beijing Университет науки и техники Пекина [4]

При анализе нами было выявлено 70 названий титулов, степеней, званий, должностей и профессий. Полученные словообразовательные варианты были выделены по принципу, описанному нами ниже. К каждому из вариантов мы привели ряд примеров.

1. Образование названий должностей с помощью родового слова 主任 [zhǔrèn]

副主任 [fùzhǔrèn] — 副заместитель + 主任начальник = заместитель директора;

系主任 [xìzhǔrèn] — 系факультет + 主任начальник = декан;

教育主任 [jiàoyù zhǔrèn] — 教育просвещение + 主任начальник = сотрудник по вопросам образования;

物流工程系主任 [wùliú gōngchéng xì zhǔrèn] 物流логистика + 工程инженерные работы + 系主任декан = декан факультета инженерной логистики.

2. Образование названий должностей с помощью родового слова 教授 [jiàoshòu]

讲座教授 [jiǎngzuò jiàoshòu] 讲座кафедра (в вузе); лекторство; профессура + 教授профессор = заведующий кафедрой/лектор;

教授 [jiàoshòu] — профессор;

副教授 fùjiàoshòu — 副заместитель + 教授 профессор = доцент.

3. Образование названий должностей с помощью родового слова 专家 [zhuānjiā]

国家级专家 [guójiā jí zhuānjiā] — 国家государство + 级чин + 专家специалист = национальный эксперт;

首席专家 [shǒuxī zhuānjiā] — 首席председательское место + 专家специалист = старший эксперт.

4. Образование названий должностей с помощью родового слова 办公室 [bàngōngshì]

副院长办公室 [fù yuánzhǎngbàngōngshì] — 副заместитель + 院长директор + 办公室 канцелярия = зам декана управления;

教务财务办公室 [jiàowù cáiwù bàngōngshì] — 教务учебные дела + 财务финансы + 办公室 канцелярия = сенат по финансам и управлению;

物流工程系主任办公室 [wùliú gōngchéng xì zhǔrèn bàngōngshì] деканат логистического проектирования.

5. Образование названий должностей с помощью родового слова 老师 [lǎoshī]

化学老师 — [huàxué lǎoshī] — 化学химия + 老师преподаватель = преподаватель химии;

数学老师 [shùxué lǎoshī] — 数学математика + 老师преподаватель = преподаватель математики;

地球化学老师 [dìqiú huàxuélǎoshī] — 地球化学 геохимия + 老师преподаватель = преподаватель геохимии;

地理信息系统老师 [dìlìxìnxìtǒng lǎoshī] 地理信息系统 географические информационные системы + 老师преподаватель = преподаватель по географическим информационным системам;

大气科学老师 [dàqì kēxué lǎoshī] — 大气科学 науки об атмосфере + 老师преподаватель = преподаватель по атмосферным наукам;

电子信息科学与技术老师 [Diànzǐ xìnxi kēxué yǔ jìshù lǎoshī] — 电子信息科学与技术электроинформационные технологии + 老师преподаватель = преподаватель по электроинформационным технологиям.

6. Образование должностей при помощи суффикса 长 [zhǎng]

zhǎng главный — «родовая морфема служащая в образованиях названиях должностей»;

学院院长 [xuéyuàn yuàn zhǎng] — 学院институт + 院长 директор = директор института (декан факультета);

副教务长 [fù jiàowùzhǎng] — 副заместитель + 教务长 заведующий учебной частью = заместитель проректора;

常务副院长 — [chángwù fù yuàn zhǎng] — 常务административные дела + 副заместитель + 院长ректор = проректор;

校长 — [xiàozhǎng] — 校учебное заведение + 长 главный = ректор.

7. Образование должностей при помощи суффикса 士 [shì]

学士 [xuèshì] — 学обучаться + 士образованный человек = бакалавр;

硕士 [shuòshì] — 硕большой + 士образованный человек = магистр;

副博士 [fùbóshì] 副заместитель + 博начитанный + 士образованный человек = кандидат наук;

博士 [bóshì] 博начитанный + 士образованный человек — доктор наук.

8. Образование должностей при помощи суффикса 生 [shēng]

大学生 [dàxuéshēng] — 大университет + 学обучаться студент университета;

研究生 [yánjiūshēng] — 研究исследовать + 生ученик = аспирант.

9. Образование должностей при помощи полусуффикса 师 [shī]

Для начала определимся с понятием полусуффикса. Полусуффикс (半后缀 banhouzhui) — «постпозитивная полусуффиксальная морфема. Создаваемые этим способом слова выражают самые разнообразные понятия:

лиц, занятых различной деятельностью, всевозможные предметы и вещи, их признаки, а также различного рода изменения и процессы» [6].

专任教师 [zhuānrèn jiàoshī] = 专 специальный 任 состоять в качестве кого-либо + 教师 наставник = преподаватель;

教师 [jiàoshī] — 教 обучать + 师 мастер = преподаватель;

讲师 [jiǎngshī] — 讲 лекция + 师 мастер = старший преподаватель (лектор).

10. Другие словообразовательные варианты

博士后 [bóshìhòu] — 博士 доктор наук + 后 после = постдокторантура;

书记 — [shūjì] — 书 книга + 记 запись = секретарь;

副书记 — [fù shūjì] — 副 заместитель + 书记 секретарь = заместитель секретаря;

核科学技术学院领导 — [hé kēxué jìshù xuéyuàn yuàn lǐngdǎo] 核 ядро + 科学 отрасль науки + 技术 техника + 学院 институт + 院 мастерская + 领导 иди в главе = руководитель факультета ядерной науки и техники.

В результате анализа лексики сайтов технических вузов Китая было выявлено 70 примеров названий титулов, степеней, званий, должностей, профессий. Выявленные словообразовательные формы были рассмотрены по двум аспектам, в первую очередь было выявлено общее количество проанализированных слов, затем мы их разбили по способам словообразования. В количественном аспекте

это выглядит следующим образом: из 70 примеров: Образование названий должностей с помощью родовидового слова 主任 [zhǔrèn] (4); Образование названий должностей с помощью родовидового слова 教授 [jiàoshòu] (3); Словообразование с родовидовым словом 专家 [zhuānjiā] (2); Словообразование с родовидовым словом 办公室 [bàngōngshì] (3); Образование названий должностей с помощью родовидового слова 老师 [lǎoshī] (36); Образование должностей при помощи суффикса 长 [zhǎng] (7); Образование названий должностей с помощью суффикса 士 [shì] (5); Образование названий должностей с помощью суффикса 生 [shēng] (2); Словообразование с полусуффиксом 师 [shī] (3); Другие словообразовательные элементы (5).

Как показал анализ исследуемого материала, самым распространенным способом словообразования оказались родовидовые — 老师 [lǎoshī] (36 штук); на втором месте способ, при котором использовался суффикс 长 [zhǎng] (7 штук); наименьшие способы словообразования с помощью: 办公室 [bàngōngshì] (3) 生 [shēng] (2 примера), 专家 [zhuānjiā] (2 примера) 记 [jì] (1 пример), 后 [hòu] (1 пример). Проанализировав название должностей технических высших учебных заведения Китая, мы выявили, что из 70 выявленных примеров, 36 примеров названий должностей образуется с помощью 老师 [lǎoshī], это объясняется тем, что родовидовое слово 老师 считается универсальным для употребления в большинстве проанализированных случаев.

Литература:

1. Матназаров, Т. У. Словообразовательные модели интернет-коммуникации в китайском языке [Текст] / Т. У. Матназаров, У. В. Хоречко, Л. М. Болсуновская // Молодой ученый. — 2015. — № 8. — с. 1139–1141.
2. <http://www.lnit.edu.cn>
3. <http://en.ustc.edu.cn>
4. <http://www.ustb.edu.cn>
5. <http://www.renmin.ru/dictionary/?id=327420#>
6. Горелов, В. И. Лексикология китайского языка. — М.: АСТ, Восток-Запад, 1984—53с.

Феноменология безумия и преступления в творчестве Ф. М. Достоевского

Медведева Диана Анатольевна, старший преподаватель
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

«Слушайте, я их всех сосчитал: учитель, смеющийся с детьми над их богом и над их колыбелью, уже наш. Адвокат, защищающий образованного убийцу тем, что он развее своих жертв и, чтобы денег добыть, не мог не убить, уже наш. Школьники, убивающие мужика, чтоб испытать ощущение, наши, наши. Присяжные, оправдывающие преступников сплошь, наши. Прокурор, трепещущий в суде, что он недостаточно либерален, наш, наш. Администраторы, литераторы, о, наших много, ужасно много, и сами того не знают! С другой стороны, послу-

шание школьников и дурачков достигло высшей черты; у наставников раздавлен пузырь с желчью; везде тщеславие размеров непомерных, аппетит зверский, неслыханный... Знаете ли, знаете ли, сколько мы одними готовыми идейками возьмем? Я поехал — свирепствовал тезис Litre, что преступление есть помешательство; приезжаю — и уже преступление не помешательство, а именно здравый-то смысл и есть, почти долг, по крайней мере благородный протест. «Ну как развитому убийце не убить, если ему денег надо!» Но это лишь ягоды. Рус-

ский бог уже спасовал пред «дешевкой». Народ пьян, матери пьяны, дети пьяны, церкви пусты, а на судах: «двести розог, или тащи ведро». О, дайте, дайте, взрасти поколению. Жаль только, что некогда ждать, а то пусть бы они еще попьаннее стали!» [1. Т. 10. С.324] — в этих словах Петра Верховенского звучит страшный приговор Достоевского современной эпохе, они же — отражение амбивалентности концепции безумия, явленной нам самой культурой и откровенно вскрытой русским романистом.

Достоевский в своих произведениях неоднократно обращается к проблеме связи безумия и преступления — болезнь Раскольникова, исступление Рогожина, эпиплексия Смердякова и так далее. Достоевский намечает разные модели этого соотношения, причем движение от одной модели до другой для него — живое движение русского общественного самосознания, исторический процесс. Закономерно этот процесс отражен и в его произведениях: Раскольников находится в поле действия идеи Литтре (время, когда Верховенский «уезжал»), событийное же время «бесов» (когда Верховенский «вернулся») — характеризуется уже другим отношением к проблеме. Это проецируется не только на разницу исторических вех, но и на разницу поколений революционеров, нигилистов и т.д.

Имея дело с феноменами безумия и преступления, мы можем говорить о двух основных аспектах бытования этих явлений в их совокупности. С одной стороны, Достоевский поднимает вопрос тождественности преступника сумасшедшему в плане психофизическом, с другой же — сама сущность преступления как отклонение от основного закона природы, ставящая под угрозу существование человечества как вида в целом, сопоставляется Достоевским с понятием безумия как нарушения нормальной, естественной связи элементов действительности.

Посредством слов Верховенского Достоевский выносит на обозрение сущность современной ему эпохи, и в общем контексте безумного художественного мира Достоевского в новом свете предстает комплекс явлений, которые принято считать отклонениями этическими и относить к области морали и нравственности. С этой точки зрения мы ясно видим, что подобное состояние бытия есть ни что иное, как всечеловеческое безумие, как со стороны того, кто его творит, так и относительно тех, кто его принимает, однако согласно перечню признаков, по которым социум разделяет понятие безумного и нормального, оно уже давно перетекло в норму мира, пусть и «жестокую». Наступил момент, «когда весь мир уже на другую дорогу вышел и когда сущую ложь за правду считаем да и от других такой же лжи требуем» [1. Т. 14. С.273]. И сложно в таких условиях сохранить образ истины и веры без риска прослыть сумасшедшим: «Вот я раз в жизни взял да и поступил искренно, и что ж, стал для вас точно юродивый» [1. Т. 14. С.273].

Р.Г. Назиров [2. С.83] говорит, что появление подобных аномалий в текстах Достоевского обусловлено общим состоянием эпохи, которую Достоевский считал

кризисной, неестественной и больной, прежде всего этически. А в больном мире преобладают больные люди. Как следствие, сознание героев Достоевского не может не быть катастрофическим. Герои стремятся скрыться от неправильного, опостылевшего мира, «уйти в себя», как следствие — возникает боязнь открытых пространств (агорафобия), когда же они оказываются не в силах выдержать груз собственных мыслей (Иван: «Тоска до тошноты, а определить не в силах, чего хочу. Не думать разве...» [1. Т. 14. С.242]), они стремятся прочь из дома, на воздух, и агорафобия сменяется клаустрофобией. Все это психологически верно показывает нам истоки фобии и невроза, но оправдывает ли психическая болезнь преступление, или преступление вызывает нарушения душевного здоровья человека?

Нет сомнения в том, насколько глубоко Достоевский был озадачен решением вопроса взаимосвязи безумия и преступления. Следует оговорить, что в данном случае мы говорим о преступлении в общем понимании, как о форме делинквентного поведения человека. Словами Н.С. Таганцева: «Как показывает само наименование «преступление» <...> такое деяние должно заключать в себе переход, преступление за какой-то предел, отклонение или разрушение чего-либо» [3. С.24]. Уже в этой формулировке нельзя оставить без внимания акцент на преодолении неких границ, с чем мы сталкиваемся при попытке поиска хоть какой-то общей дефиниции безумия, а именно — безумия, как всего, выходящего за пределы нормы на любом ее уровне: психологическом, бихевиористическом, этическом, физиологическом и так далее. Яснее всего эта проблема раскрывается в двух поздних романах Достоевского — «Бесы» и, конечно, «Преступление и наказание». Принципиально, что в одном случае заголовок и тематика соотносятся с одержимостью бесами, что Достоевским мыслится, как одна из граней безумия, в другом же в название прямо вынесена тематическая составляющая романа — преступление, совершенное Раскольниковым. И Раскольников же становится первым, на чью долю выпадает попытка разрешить вышеобозначенные противоречия. Раскольников уверен, что «сам же преступник, и почти всякий, в момент преступления подвергается какому-то упадку воли и рассудка, сменяемых, напротив того, детским феноменальным легкомыслием, и именно в тот момент, когда наиболее необходимы рассудок и осторожность. По убеждению его, выходило, что это затмение рассудка и упадок воли охватывают человека подобно болезни, развиваются постепенно и доходят до высшего своего момента незадолго до совершения преступления; продолжают в том же виде в самый момент преступления и еще несколько времени после него, судя по индивидууму; затем проходят так же, как проходит всякая болезнь. Вопрос же: болезнь ли порождает самое преступление или само преступление, как-нибудь по особенной натуре своей, всегда сопровождается чем-то вроде болезни? — он еще не чувствовал себя в силах разрешить». [1. Т. 6. С.58]

И тогда рационалистическое мышление Раскольникова находит лазейку: «с ним лично, в его деле, не может быть подобных болезненных переверотов, что рассудок и воля останутся при нем, неотъемлемо, во всё время исполнения задуманного, единственно по той причине, что задуманное им — «не преступление»». [1. Т. 6. С.59] В данном случае роль здравого смысла и рационализма в целом состоит в потворстве безумным мотивам преступника. Достаточно вспомнить лишь беседу Раскольникова с офицером: «как ты думаешь, не загладится ли одно, крошечное преступленье тысячи добрых дел? За одну жизнь — тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен — да ведь тут арифметика!» [1. Т. 6. С.54] — голый рационализм, способный обосновать любое зло на планете.

Также стоит обратить внимание и на то, что в момент принятия человеком решения нарушить законы естества, из тени выходит еще одна сущность: «это когда я в темноте-то лежал и мне все представлялось, это ведь дьявол смущал меня? <...> я совсем не смеюсь, я ведь и сам знаю, что меня черт тащил<...>Черт-то меня тогда потащил, а уж после того мне объяснил, что не имел я права туда ходить, потому что я такая же точно вошь, как и все! <...>А старушонку эту черт убил, а не я», [1. Т. 6. С.321] — слышим мы признание Раскольникова.

Достоевский понимает преступление как безумие в том смысле, что в преступлении человек переходит предел самой человеческой природы, становится нетождественным себе, теряет свое естество («Я себя убил, а не старушонку!»). Сообразно с этой мыслью Достоевский представляет безумие в конкретных образах, выносит наружу внутренние противоречия, которые полагают основу безумию. На примере Раскольникова мы особенно ясно наблюдаем исходную точку преступления — пересечение, казалось бы, несовместимых начал: страдания и решимости, граничащей с бунтом. Преступление Раскольникова началось не с идеи, не с бытовых лишений и потребности в средствах, а с чувства, оно пошло из сердца: «Соня, у меня сердце злое, ты это заметь: этим можно многое объяснить... Я озлился... Именно озлился (это слово хорошее!). Я тогда, как паук, в угол забился». [1. Т. 6. С.320] А озлился он из-за несправедливости мира, из-за неприятия Богом его добрых дел и намерений, и уже эта обида, это страдание перешло в идею, которая хоть каким-то образом объясняла эту несправедливость, в страшную решимость нарушить устройство мира — ну раз он и так не совершенен.

В этом ключе особое значение имеет эпизод разговора Порфирия с Разумихиным:

« — Началось с воззрения социалистов. Известно воззрение: преступление есть протест против ненормальности социального устройства — и только, и ничего больше, и никаких причин больше не допускается, — и ничего!..

— Вот и соврал! — крикнул Порфирий Петрович. Он видимо оживлялся и поминутно смеялся, смотря на Разумихина, чем еще более поджигал его.

— Н-ничего не допускается! — с жаром перебил Разумихин, — не вру!.. Я тебе книжки ихние покажу: всё у них потому, что «среда заела», — и ничего больше! Любимая фраза! Отсюда прямо, что если общество устроить нормально, то разом и все преступления исчезнут, так как не для чего будет протестовать, и все в один миг станут праведными. Натура не берется в расчет, натура изгоняется, натуры не полагается!». [1. Т. 6. С.196—197] Здесь мы можем наблюдать зачатки идеи Раскольникова, но он идет дальше в построении своих умозаключений, так как признать свое преступление результатом того, что «среда заела» для его слишком низко и недопустимо в силу того, что ставит его поступок наряду с перечнем прочих грабежей, насилия и так далее. Это же в свою очередь рушит весь фундамент умопостроений Раскольникова, который зиждется на утверждении, что это убийство — не преступление. Раскольников озвучивает свою теорию: «не то что великие, но и чуть-чуть из колеи выходящие люди, то есть чуть-чуть даже способные сказать что-нибудь новенькое, должны, по природе своей, быть непременно преступниками, — более или менее, разумеется. Иначе трудно им выйти из колеи». [1. Т. 6. С.200] Здесь Раскольников говорит о той подверженности общим правилам и канонам, которые скрывают в человеке его самого, и в какой-то мере преодолеваются самим Достоевским в его произведениях и посредством его героев, но, в отличие от мысли Достоевского, идея Раскольникова пропагандирует не внутреннюю свободу самовыражения, а анархическое бесчинство, которое оказывается лишь мнимой свободой, поработавшая самого человека, породившего ее. Раскольников жаждал преступлением продемонстрировать свою волю, а попал в плен идее, которая вела его на преступление, как на казнь: «точно он попал клочком одежды в колесо машины, и его начало в нее втягивать», он «всем существом своим вдруг почувствовал, что нет у него ни свободы рассудка, ни воли и что все вдруг решено окончательно» [1. Т. 6 С.52]

Более того, из признания самого Раскольникова мы узнаем, что уже на начальном этапе его теория терпит фиаско. Рассуждая о сумасшествии преступников, он уверен в возможности избежать подобного состояния ввиду своей исключительности, однако оказывается лишь одним из многих: «Дней за пять до этого дня я ходил как сумасшедший. Никогда не скажу, что я был тогда и в самом деле сумасшедший, и не хочу себя этой ложью оправдывать. Не хочу, не хочу! Я был в полном уме. Я говорю только, что ходил как сумасшедший, и это правда было. Я всё по городу тогда ходил, так, слонялся, и до того доходило, что даже в забытье в какое-то впадал. Это, впрочем, могло быть отчасти и от голоду, потому что, уже целый месяц, право, не знаю, что ел... Я болен делался, и если б это продлилось еще долее, то с ума бы сошел, или всё на себя доказал, или... уж и не знаю, что было бы». [1. Т. 6. С.301]

В дальнейшем в процессе следствия «некоторые (особенно из психологов) допустили даже возможность того, что и действительно он не заглядывал в кошелек, а по-

тому и не знал, что в нем было, и, не зная, так и снес под камень, но тут же из этого и заключали, что самое преступление не могло иначе и случиться как при некотором временном умопомешательстве, так сказать, при болезненной мономании убийства и грабежа, без дальнейших целей и расчетов на выгоду. Тут, кстати, подоспела новейшая модная теория временного умопомешательства, которую так часто стараются применять в наше время к иным преступникам. К тому же давнишнее ипохондрическое состояние Раскольникова было заявлено до точности многими свидетелями, доктором Зосимовым, прежними его товарищами, хозяйкой, прислугой. Всё это сильно способствовало заключению, что Раскольников не совсем похож на обыкновенного убийцу, разбойника и грабителя, но что тут что-то другое». [1. Т. 6. С.411] В данном случае мы видим не только иронию Достоевского относительно активного вхождения психиатрического элемента в практику судопроизводства, но и сам принцип вычленения нарушения психики, основанные на несоответствии поступков человека актуальной прагматике: «Болезненное и бедственное состояние преступника до совершения преступления не подвергалось ни малейшему сомнению. То, что он не воспользовался ограбленным, зачтено частью за действие пробудившегося раскаяния, частью за несовершенно здоровое состояние умственных способностей во время совершения преступления. Обстоятельство нечаянного убийства Лизаветы даже послужило примером, подкрепляющим последнее предположение: человек совершает два убийства и в то же время забывает, что дверь стоит отпертая! Наконец, явка с повинною, в то самое время, когда дело необыкновенно запуталось вследствие ложного показания на себя упавшего духом изувера (Николая) и, кроме того, когда на настоящего преступника не только ясных улики, но даже и подозрений почти не имелось (Порфирий Петрович вполне сдержал слово), всё это окончательно способствовало смягчению участи обвиненного». [1. Т. 6. С.411] Ранее эту позицию представляет Разумихин: «Я пришел только узнать лично и окончательно: правда ли, во-первых, что ты сумасшедший? Про тебя, видишь ли, существует убеждение (ну, там, где-нибудь), что ты, может быть, сумасшедший или очень к тому склонен. Признаюсь тебе, я и сам сильно был склонен поддерживать это мнение, во-первых, судя по твоим глупым и отчасти гнусным поступкам (ничем не объяснимым), а во-вторых, по твоему недавнему поведению с матерью и сестрой. Только изверг и подлец, если не сумасшедший, мог бы так поступить с ними, как ты поступил; а следственно, ты сумасшедший.» [1. Т. 6. С.338].

Однако по мысли Достоевского, невозможно разделять преступление и сумасшествие, так как само «личное хотение» совершить преступление уже является безумием, поведенческие же и медицинские симптомы — лишь внешнее отражение общего диагноза, коим является безумие — болезнь не умственная, но душевная.

В «Бесах» Ставрогин еще в начале романа после ретроспективной биографической справки сообщает Липутину: «я в самом деле... был нездоров<...> да неужели вы и в самом деле думаете, что я способен бросаться на людей в полном рассудке? Да для чего же бы это?» [1. Т. 10. С.44], а вся идея Верховенского строится на исключительности Ставрогина, который должен «поднять у них знамя» [1. Т. 10. С.201], стать главным убийцей, а обусловлено это стремление «необыкновенной способностью к преступлению» [1. Т. 10. С.201] со стороны Ставрогина. И хотя сам лично Ставрогин совершает лишь одно преступление, ставшей основой исповеди, но ответственность за цепь насилия, охватившего город, косвенным образом ложится на плечи Ставрогина, что он ясно сознает: «Я не убивал и был против, но я знал, что они будут убиты, и не остановил убийц» [1. Т. 10. С.407]. Верховенский, по своему обыкновению, поддерживает интригу сумасшествия: «Да поймите же по крайней мере, что он сумасшедший теперь человек! — кричал изо всей силы Петр Степанович, — ведь все-таки жена его убита. Видите, как он бледен... Ведь он с вами же всю ночь пробыл, ни на минуту не отходил, как же его подозревать?» [1. Т. 10. С.407]. Итогом подобного смешения страдания и дерзости и являются безумные видения Ставрогина и его последующее самоубийство, что тоже является безумием относительно человеческого естества.

Преступники, как и сумасшедшие на протяжении всей мировой истории, как сознательно, так и нет, оказываются исключены человечеством из общего рода людского и представляют собой некое обособленное существование — античеловечество, где каждый преступник, как и каждый безумец, узнает другого, например, встретившись с Раскольниковым, Свидригайлов сразу опознает его как такого же убийцу: «Давеча, как я вошёл и увидел... тут же и сказал себе: «Это тот самый и есть!» [1. Т. 6. С.67].

Как мы можем наблюдать, посредством бытования в текстах феномена безумия Достоевский открывает завету не только человеческой психологии, но также вопросов веры, свободы и, несомненно, преступления. Так как главной проблемой в работе с феноменом безумия является сложность в принятии его единственно верной и при этом всеобъемлющей дефиниции, а творчество Достоевского представляет нам как варианты понимания безумия в ключе психо-физиологическом, клиническом, когда безумие мыслится болезнью телесной, так и в метафизическом плане — как отклонение от самого естества бытия, то сущность взаимодействия безумия и преступления также остается непреодолимо амбивалентной. Вопрос, поднимаемый Достоевским, — безумие ли порождает преступление или преступление лишает человека истинно человеческого, повергая его в безумие, — оставлен им открытым. Но всем, кто, глядя на полный ужасов мир Достоевского, в котором царит хаос насилия, теряет веру в спасение от всеобщего мрака безумия и преступления, великий классик предлагает выход про-

стой и давно известный: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, [так] и вы да любите друг друга» [4]. И «полюбите жизнь больше, чем смысл ее» [1. Т. 14. С.2].

Литература:

1. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972—1990.
2. Назиров, Р. Г. Творческие принципы Ф. М. Достоевского. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1982. 160 с.
3. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. Т. 1. — М., 1994. 317 с.
4. Ин 13:34

Ассоциативный эксперимент как способ конструирования концепта «бизнес»

Митяева Анна Павловна, старший преподаватель
 Национальный исследовательский Томский политехнический университет

На рубеже XX и XXI веков термин *концепт* устойчиво закрепился в активном лингвистическом тезаурусе. Но до сих пор не сформулировано однозначное определение данного термина. Концепты — это абстрактные единицы, отражающие приобретенные знания, опыт, результаты всей деятельности человека и обобщающие сведения об окружающем мире в виде определенных единиц.

Ю. С. Степанов определяет концепт как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [1. с. 43].

Когнитивисты по-разному конструируют концепты, но все сходятся во мнении, что концепт является собой неоднородное, многослойное образование. Анализируя, сравнивая и соединяя разные концепты в процессе своей мыслительной деятельности, человек формирует новые концепты, составляющие в совокупности языковую картину мира. По мнению В. А. Масловой, структура концепта «включает помимо понятийной основы социо-психо-культурную часть, которая не столько мыслится носителем языка, сколько переживается им; она включает ассоциации, эмоции, оценки, национальные образы и коннотации, присущие данной культуре» [2. с. 36].

Общепризнанным является то, что анализ результатов когнитивной деятельности происходит через изучение отдельного концепта или концептуальной области. В ряду методов реконструкции языкового сознания особое место отведено ассоциативному эксперименту как средству, позволяющему максимально приблизиться к мыслительным стереотипам различных представителей исследуемого языка.

Ассоциативный эксперимент — это метод, направленный на обнаружение ассоциаций, языковых клише, сложившихся в сознании испытуемого в процессе его

жизнедеятельности. Ассоциативный эксперимент помогает определить содержание концепта в когнитивном сознании носителя языка, распределить образующие концепт признаки и выстроить ассоциативный слой концепта. Следовательно, данный прием является эффективным способом приближения к языковому сознанию индивида. Ядро языкового сознания составляют наиболее частотные ассоциации, имеющие наибольшее число когнитивных связей.

По мнению исследователя Н. В. Уфимцевой «ассоциативный эксперимент является ценным и при понимании индивидуальных особенностей различных культур, поскольку с помощью данного исследовательского приема можно судить об особенностях функционирования языкового сознания человека. Ассоциативный метод можно рассматривать также как специфичный для данной культуры и языка «ассоциативный профиль» образов сознания, интегрирующий в себе умственные и чувственные знания, которыми обладает конкретный этнос» [3. с. 67].

Л. Е. Бессонова полагает, что «построение новой ассоциативной парадигмы концептуальной теории позволяет получить информацию о способах концептуализации языка и мира человека, о содержании и структуре концептов как комплексных мыслительных единиц, выявить не только концептуально значимые когнитивные признаки, но и образные, ценностные составляющие концептов» [4. с. 148].

Существует несколько разновидностей ассоциативного эксперимента, которые используются для анализа содержательной стороны концепта и выделения образующих его когнитивных признаков. *Свободный* ассоциативный эксперимент — это быстрая, моментальная реакция на слово-стимул. *Направленный* ассоциативный эксперимент отличается тем, что испытуемый в ответ на слова-стимулы отвечает не любым пришедшим в голову словом, а так, как этого требует инструкция экспериментатора. Например, слово-реакция должна быть

определенной частью речи, или являться синонимом / антонимом слова-стимула. В *цепном* ассоциативном эксперименте испытуемым предлагается выдать неограниченное количество реакций, но за ограниченный промежуток времени. Таким образом, во всех разновидностях ассоциативного эксперимента, кроме свободного, для анализа привлекаются ассоциации, следующие за первой.

Данный метод помогает получить разнообразный языковой материал, являющийся необходимым для построения ассоциативного слоя концепта. Ассоциативные поля различны у представителей молодого и старшего поколений; отличаются у мужчин и женщин; разнятся у представителей разных профессий и т.д. Поэтому набор ассоциаций у каждого человека свой. Полученные реакции в своей совокупности дают возможность составить подробное представление о том, что лежит в сознании каждого испытуемого за каждым из концептов культуры.

С целью исследования смыслового наполнения концепта *бизнес*, вербализованного в современной речевой практике двух возрастных групп, нами был проведен цепной ассоциативный эксперимент. В нем приняли участие 50 студентов и 50 сотрудников Томского политехнического университета. В процессе эксперимента использовался прием письменного опроса на русском языке. Информантам был предъявлен опросный лист, в котором предлагалось записать 10–15 ассоциаций на слово-стимул. В результате эксперимента было получено 896 реакций на слово-стимул *бизнес*.

На этапе трактовки и статистической обработки ассоциативных реакций были установлены признаки ассоциативного поля концепта *бизнес*, что позволило предпринять попытку его конструирования. Также был подсчитан процент позитивных и негативных реакций на слово-стимул в опросных листах юного и старшего поколения.

Для языкового сознания юного поколения XXI века (первая возрастная группа) понятие *бизнес* вызывает, прежде всего, следующие ассоциативные реакции: деньги, как всеобщая форма стоимости всех товаров (32 реакции); работа, как трудовая деятельность (25 реакций); автомобиль/ машина/ иномарка, как непреходящий атрибут бизнесмена (20 реакций); свое дело (16 реакций); конкуренция и деловые связи (14 реакций); карьера (12 реакций); офис (11 реакций).

Кроме этого, в половине (50%) студенческих опросных листов встречаются негативные реакции на слово *бизнес*. У четырнадцати студентов из пятидесяти возникла ассоциация *коррупция*, у семи — *взятки*, у шести — *рэкет*, у пяти — *преступность*. Средняя доля отрицательных реакций в этой возрастной группе по сравнению с положительными невелика и составляет 7,4%.

Отсюда следует, что большая часть опрошенных студентов относится к понятию *бизнес* положительно, как к неперемнной составляющей современной жизни, способной помочь получить работу, сделать карьеру, организовать свое дело, заработать деньги и осуществить все, что нужно для получения признания и успешности. Но

наряду с положительными, в половине опросных листов еще встречаются отрицательные ассоциации на интересующую нас лексему.

Для языкового сознания старшего поколения понятие *бизнес* связано со следующими ассоциативными реакциями: деньги (25 реакций); доходы (15 реакций); налоги (13 реакций); предпринимательство/предприимчивость (10 реакций); кредиты (9 реакций).

В 75% опросных листов сотрудников ТПУ старше 35 лет наряду с устоявшимися на сегодняшний день нейтральными реакциями, присутствуют негативные ассоциации на слово-стимул *бизнес*. Для старшего поколения, чье языковое сознание формировалось на стыке двух эпох — советской и новой России — слово *бизнес* зачастую ассоциируется с *риском* (15 реакций), *проблемами* (13 реакций), *криминалом*, *преступностью* (8 реакций), *обманом* (7 реакции), *долгами* (6 реакции), *банкротством* (5 реакции). Встречаются в опросных листах и такие единичные ассоциации, как *нечистоплотность*, *стяжательство*, *интриги*, *мошенничество*, *угнетение*, *классовость*, *откат*, *крыша*, *алкоголизм*. Возможно, эти реакции — ответ на проблемы в ведении бизнеса на современном этапе. Средняя доля отрицательных реакций во второй возрастной группе несколько выше, чем в первой, и составляет 14,1%.

Следовательно, в сознании людей старшего поколения, не имеющего отношения к занятию бизнесом, наряду с нейтральными и положительными ассоциациями на слово-стимул *бизнес*, еще присутствуют ассоциации резко отрицательные, сохранившиеся с советского прошлого и с периода становления новой России, когда способы ведения бизнеса еще не были цивилизованными. Возможно также, что в подобных реакциях нашли отражения сегодняшние экономические проблемы. Примечателен тот факт, что ядро ассоциативного слоя концепта *бизнес* в сознании информантов разных возрастных групп во многом совпадает. Для носителей русского языка обеих групп в ядро входят лексемы *деньги*, *доходы*, *работа*, *свое дело*, *карьера*, *налоги*. Выявленные же отрицательные реакции по причине их небольшой средней доли отходят на периферию номинативного поля изучаемого концепта, и их вербализация различна в первой и второй возрастных группах (1 группа: *коррупция*, *взятки*, *рэкет*, *преступность*; 2 группа: *проблемы*, *криминал*, *обман*, *долги*, *риск*). В том, что ассоциаты с отрицательной коннотацией в группах опрошенных разнятся, отражены возрастные особенности старшего поколения. Взрослые люди с большей осторожностью и серьезностью относятся к понятию *бизнес* (*проблемы*, *обман*, *долги*, *стресс*, *дефолт*, *инфаркт*, *кошмар* и т.п.), тогда как молодежь во многом руководствуется, на наш взгляд, примерами из прессы, кино- и телефильмов (*коррупция*, *рэкет*, *преступность*, *бандиты*, *крыша*).

Таким образом, на современном этапе развития языка нейтральные и положительные реакции, полученные в результате ассоциативного эксперимента на слово-стимул *бизнес*, являются многочисленными и устойчивыми ас-

социациями и составляют инвариантную часть ассоциативного слоя исследуемого концепта. Отрицательные реакции представлены в меньшем процентном соотношении, чем положительные, и входят в вариативную часть концепта *бизнес*. Большая часть полученных в ходе эксперимента ассоциаций вербализована речевыми штампами, клише, языковыми стереотипами настоящего времени, а также иностранными словами, заимствованными в постперестроечное время. Исследователь О. Г. Щитова обозначила подобные слова как *ксенолексемы*. «Под иноязычными новациями, или новейшей ксенолексикой, мы понимаем слова иноязычного происхождения, проникшие в русский язык начиная с конца 80-х гг. XX в. по настоящее время» [5. с. 27]. Что касается содержания данного понятия, то туда «входят слова иноязычного происхождения, находящиеся как на самых ранних, так и на поздних этапах ассимиляции в языке-реципиенте (принимающем языке): иноязычные вкрапления, иностранные слова (варваризмы), экзотизмы, заимствованные слова» [6. с. 279].

Таким образом, совокупность полученных реакций помогает составить представление о том, какие смыслы

лежат за исследуемым концептом для современных носителей культуры. Ассоциативное поле полученных в ходе эксперимента реакций является богатым по содержанию, разнообразным по семантике и грамматическим признакам (слова, словосочетания, устойчивые выражения). Реакции-слова в ответах информантов преобладают над реакциями-словосочетаниями и реакциями — устойчивыми выражениями. Наиболее распространённым видом реакций (775 реакции — 86,5%) является имя существительное. Менее частотными являются прилагательные (79 реакций — 8,9%) и несогласованные определения (28 реакций — 3,2%). Меньше всего испытуемые отвечали с использованием устойчивых выражений (8 реакций — 0,9%) и глаголов (4 реакции — 0,5%).

Проведенный анализ позволяет заключить, что ассоциативное поле концепта *бизнес* в сознании представителей современной культуры является неоднородным и обладает набором отличительных признаков. В нем присутствуют и позитивные и негативные реакции, но в целом ассоциативный слой исследуемого концепта окрашен положительно.

Литература:

1. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. — М.: Академический проект, 2001—590 с.
2. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика. — М.: Тетра Системс, 2004. — 256 с.
3. Уфимцева, Н. В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. Сборник статей. — М., 1996. — С.139—162.
4. Бессонова, Л. Е., Зелинская А. Ю. Структурно-семантическое содержание ассоциативного поля концепта образование (из опыта проведения экспериментальных методик) // Учёные записки ТНУ, Т. 17 (56). — 1: Филологические науки. — Симферополь, 2004. — с. 142—150.
5. Щитова, О. Г. Лексикографические источники изучения функциональной эквивалентности иноязычных новаций в русском языке начала XXI в. // Вестник Томского государственного университета. — 2012. — № 355. — с. 27—30 [Электронный ресурс]. URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/355/image/355-027.pdf> (дата обращения: 12.03.2015).
6. Щитова, О. Г. Новейшая ксенолексика в русской речи XXI века: к определению объема понятия // Вестник науки Сибири. Серия 9. Филология. Педагогика. — Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2012. — № 1 (2). — с. 278—286 [Электронный ресурс]. URL: <http://sjs.tpu.ru/journal/article/view/237/234> (дата обращения 26.04.2015).

Сравнение как средство художественной выразительности (на материале рассказа Р. Сейсенбаева «Честь»)

Мусабек Наргиз Дархановна, студент

Есенова Пернекуль Сагинтаевна, кандидат филологических наук, доцент
Кызылординский государственный университет имени Коркыт Ата (Казахстан)

Известный казахстанский писатель, видный общественный деятель Роллан Сейсенбаев занимает особое место в современной казахской литературе. Р. Сейсенбаев — автор романов «Лестница в никуда», «Трон Сатаны», «Если хочешь жить», «Ночные голоса», «Мертвые бродят в песках», многих повестей и рассказов, целого ряда пьес, спектакли по которым идут на

театральной сцене. Творческий мир писателя уникален. В своих произведениях он размышляет о смысле человеческой жизни, о взаимоотношениях человека и природы, о Родине, о будущем человека.

Роллан Сейсенбаев родился в 1946 году в Абайском районе Семипалатинской области. Область, где в 1947 году был создан по решению Совета Министров

СССР Семипалатинский испытательный ядерный полигон. Из официальных источников известно, что было проведено 124 испытания. Всего на полигоне произведено около 500 ядерных взрывов. 29 августа 1991 года полигон был официально закрыт.

Именно Роллан Сейсенбаев поведал миру о трагедии Семипалатинского полигона в рассказе «День, когда рухнул мир». По мнению автора рассказа, события, которые происходили в середине 20 века, не отошли в прошлое, они напоминают о себе: рост больных раком, врожденные аномалии, увеличение детской смертности, уменьшение продолжительности жизни. Рассказ звучит как призыв к человечеству — не повторять ошибок прошлого, утверждать гармонию на Земле. Об этом говорит и герой рассказа: «Главное, чтоб земля жива осталась и люди, ее населяющие».

В Семипалатинске был создан Международный клуб Абая — духовный и культурный центр, где можно организовывать встречи с известными людьми — талантливыми писателями и поэтами. По инициативе Р. Сейсенбаева, был открыт Дом Абая в Лондоне на личные средства писателя.

По идее Роллана Сейсенбаева, был создан журнал литературы народов мира — «АМАНАТ». Как известно, Президент Казахстана Н. А. Назарбаев поддержал инициативу Р. Сейсенбаева. «АМАНАТ» сегодня читают в Казахстане, России и в дальнем зарубежье, каждый его номер полностью посвящен литературе одной страны.

Исследователи творчества Р. Сейсенбаева отмечают оригинальность и своеобразие творческой манеры писателя. М. Ауэзов пишет: «Слово Р. Сейсенбаева не блуждает на подступах к действительности, но выходит на нее стремительно, улавливает и отражает явление адекватно, с высокой степенью точности. Можно в этой связи говорить не только об определенном свойстве природного дарования писателя, но и об особой, всерьез им продуманной и последовательно реализуемой, творческой программе, приводящей слово в соответствие с собственной целью» [1, с.492].

Творчество Р. Сейсенбаева пронизано гуманизмом и интернационализмом. Его герои — люди различных национальностей, но писатель одинаково относится ко всем, считая, что братство народов — превыше всего. Очень интересен в этом плане рассказ Р. Сейсенбаева «Честь».

Речь в рассказе идет о казахских батырах, войнах и пленных джунгарах. Если обратиться к истории, в 18 веке между казахами и джунгарами началась война. В сознании казахов образ джунгаров предстает как символ врага. В произведении «Честь» писатель как бы «ломает» установившийся стереотип. В рассказе автор описывает пленных джунгар — прекрасную танцовщицу и превосходного музыканта, которые стараются сохранить честь и достоинство, проявляют мужество среди опьяненных слепой жадностью расправы казахских воинов: «... держи выше голову, сестренка! Нас поставили на колени, но мы умрем с непоушенной головой...».

Рассказ очень интересен не только по содержанию, но и по использованию писателем средств художественной выразительности. М. Ауэзов отмечает: «С первых шагов в литературе Р. Сейсенбаев свободен от многословной описательности... Художественно-выразительные средства его существенно модернизированы» [1, с.492].

В данной статье нами сделана попытка проанализировать используемые писателем сравнения, являющиеся одним из художественно-изобразительных средств языка.

Авторы «Словаря-справочника лингвистических терминов» дают следующее определение термина «сравнение»: «Троп, состоящий в уподоблении одного предмета другому на основании общего у них признака» [2, с.337].

Рассказ «Честь» начинается с плача одинокого аула уаков: народ оплакивал батыра Кушикбая. Плач народа писатель сравнивает с воем зверей, используя сравнение, выраженное оборотом со сравнительным союзом: «О время, беспокойное кровавое время, когда людской плач звучит громче, *чем вой степного зверья*, и нет ни надежды, ни веры, ни сил, чтобы жить дальше».

При описании матери, потерявшей сына, автор рассказа использует прием контраста: скорбь, печаль матери и «опьяняюще чистый» весенний воздух. И тут же далее писатель описывает луну, «черное небо», «кровавые слезы», чтобы еще раз подчеркнуть момент скорби народа и матери. При описании состояния матери Р. Сейсенбаев использует сравнение ассоциативного характера: «Да, я оставила в степи могилу сына, но сжался надо мной и пойми меня — я плачу и рыдаю, *как верблюдица, потерявшая верблюжонка*, не одна я плачу, вместе со мною плачет весь аул». Мать все время обращается к «желтой» степи, делится с ней своим горем, не перестает задавать вопрос: «Почему ты не взяла меня, старую, выжившую из ума, — ведь мои дряхлые кости давно ждут покойного места у тебя? Разве хорошо поступила ты, забрав моего единственного, мою кровиночку, моего мальчика, которого так и не дождалась его двадцать лет».

Мать Кушикбая, Айганым, размышляет о жизни, она понимает, что в судьбе каждого человека бывают как светлые, радостные моменты, так и тяжелые, трудные: «О жизнь, жизнь, строгая жизнь, твои радости коротки, *как брачная ночь!* О жизнь, жизнь, безжалостная жизнь, твои печали нескончаемы, *как поминальная ночь!*» Сравнения в предложениях выражены оборотами со сравнительными союзами и раскрывают жизненный опыт героини.

Особое место в рассказе занимает сцена, где пленный джунгар играет на музыкальном инструменте — сырнай: «И зазвучали, зазвучали среди сонной тишины чарующие звуки сырная...». Писателем использованы следующие интересные сравнения: «Эта печальная, эта нежная, эта сладкая мелодия не улетала вверх, *как дым от костра в безветренную ночь*, а стелилась по земле, проникала во все уголки сонной безмолвной степи». «Вдруг мелодия кюя зазвенела нежно и мягко,

как горный ручеек, и Кушикбай вспомнил детство, беззаботное детство, когда он гонялся по степи за зайцами на первом своем коне». «Джунгар Биши отдал этой музыке всего себя. Нежной и чистой, как первый луч солнца, была его прежняя мелодия, а эта — неистовствовала, клокотала, угрожала». Р. Сейсенбаев считает, что музыка должна объединять людей, пробуждать в них лучшие чувства: «И действительно — все, замерев, глядели на музыканта и слушали его волшебную музыку». Автор вкладывает свою мысль в раздумья девушки-джунгарки: «Музыке ничего не нужно для того, чтобы жить, и она понятна каждому, у кого есть голова и сердце. Ведь недаром говорят, что народ славен не только своими батырами и мудрецами, но и своей музыкой. И сейчас, в решающий момент, когда речь идет о жизни и смерти, вместо сабли батыра, вместо слов мудрого достаточно вот этой простой мелодии...».

В данном предложении при помощи сравнений передаются чувства плененной девушки, ее стремление сохранить собственное достоинство: «Уж лучше лежать без сознания, как эти несчастные жигиты, или быть закованной в кандалы, чем пережить свое бесчестье, — думала она». Иными мыслями охвачен Тобет, «злой, узкоглазый, сохраняющий суровое выражение на своем смуглом лице»: «... на девушку смотрел так, точно собирался живьем проглотить ее».

Казах сравнивает джунгара с коршуном: «Проклятый джунгар сидит за нашей спиной, как коршун. Среди бела дня он крадет наших коней и грабит наши аулы».

Сравнения использованы в тексте также для описания внешности персонажей. Например, при описании глаз девушки-джунгарки: «Черные, как смородина, глаза ее были устремлены к звездному небу, а крепко сжатые губы что-то тихо шептали». Другое описание: «И без того маленькие глаза его совсем спрятались, когда он прищурился, и вид у него сделался как у дремлющего волка».

Для описания внешности джунгара используется сравнение «как сажа котла», которое подчеркивает недоброжелательное отношение казахского воина к джунгару: «Тобету нужно одно, ему нужна черная, как сажа котла, голова Анархоя». Другой пример, выражающий пренебрежение к девушке-джунгарке: «А насладившись девчонкой, я задеру ей платье на голову, посажу на самого тощего коня со спиной, острой, как меч, и отправлю без седла в аул к джунгарам!»

Литература:

1. Ауэзов, М. О творчестве Роллана Сейсенбаева // Сейсенбаев Р. Ш. Дни декабря. Повести. Рассказы. — М.: Известия, 1986. — С.492–494.
2. Розенталь, Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Просвещение, 1985. — 399с.
3. Сейсенбаев, Р. Ш. Дни декабря. Повести. Рассказы. — М.: Известия, 1986. — 496с.

Чтобы подчеркнуть твердость, непоколебимость и мужество батыров, их обычно сравнивают с горой: «На коне сидел черный и огромный, как горный валун, богатырь». Для них «нет в этой жизни ничего вернее и надежнее стрелы, копья и острия кинжала». Сравнение в последнем предложении выражено формой сравнительной степени прилагательного.

То, что воины-батыры — обычные люди, и им не чуждо все человеческое, выражают следующие сравнения: «Уа, алла! Благодарь!» — кричали крепкие мускулистые батыры, фыркая и радуясь как дети. «И казалось, что они напрочь забыли тяжелые дни далекого похода. Смертельные взмахи копья под луной, хрип и стоны раненых, клятвы именем предков в разгар кровавого боя — все это осталось в их памяти, как мимолетное мгновение вчерашнего дня».

Сравнения в художественном тексте подчеркивают эмоциональность героев: «Эй, да что ты мямлишь, как баба. Говори! — рассердился Кушикбай. Юноша поднял на него глаза, полные слез».

Пейзаж в рассказе играет немаловажную роль. Мы помним состояние природы в момент смерти батыра: «В эту темную ночь рухнуло все: все надежды, вся вера, все силы». Но вот прошли первые минуты безысходности и горя: нужно жить, впереди неведомая новая жизнь. И природа будто-то почувствовала это: «Заморосил дождь. Ласковый первый дождь новой весны. Люди вздохнули. Распрямились согнутые плечи, тверже стала осанка».

Жители аула приняли решение: покинуть родные места в поисках пристанища и крова. И природа снова «отреагировала»: «Кочевье удалилось, и в долину подул холодный северный ветер, тревожно зашумел камыш, заготовали, захлопали крыльями гуси. Луна затерялась в тучах, и лишь тоскливый волчий вой да хлопотливый гусиный гогот сопровождали рассвет, пришедший на обезлюдевшую землю».

Таким образом, сравнение — одно из самых распространенных средств художественной выразительности. Они выражают душевное настроение героев, глубину их чувств, служат средством описания образов.

Устами джунгарки автор рассказа Роллан Сейсенбаев призывает всех: «хватит губить себя, хватит губить народ. Степь — обширна и добра, и места в ней для счастливой жизни хватит всем».

Общая картина восприятия гоголевского творчества в Германии XIX в.: «Поэт жизни действительной»

Никанорова Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Открытие Гоголя как литературного явления произошло в Германии уже в самом начале его творческого пути и принесло ему признание, по мнению Э. Райснера «<...> практически одновременно с Пушкиным и Лермонтовым» [здесь и далее перевод мой. — Ю.Н.] [10, с. 213]. Немецкому слависту вторит и автор статьи «Гоголь перед судом иностранной литературы» Е. С. Некрасова: «Европа, не интересовавшаяся нами до встречи с Тургеневым, — узнала о существовании Гоголя, его повестей, комедии «Ревизор» и даже поэмы «Мертвые души» еще при жизни самого Гоголя» [2, с. 553].

За несколько лет до выхода в свет первого немецкого перевода его произведений имя Гоголя появляется на страницах журнала «Magazin für die Literatur des Auslandes», редактором которого был друг Генриха Гейне, поэт и переводчик Иозеф Леманн (1801–1873). В 50-м номере журнала от 25 апреля 1834 г., опираясь на заметку в «Северной пчеле», некий корреспондент сообщает о планах Гоголя написать историю Украины. Вероятно, это одно из самых первых упоминаний о писателе в немецкой печати. Годом позже, в библиографическом отделе сообщалось о выходе «Арабесок» [11, с. 216].

В течение 1838–1847 гг. немецкий журнал «Magazin für die Literatur des Auslandes», основанный по предложению А. Фон Гумбольдта как приложение к прусской государственной газете, не раз упоминает Гоголя на своих страницах и включает его имя в определенный историко-литературный контекст. В статье «Новейшая русская литература» он рассматривается «<...> как самый известный из ныне живущих русских писателей <...>» [5, с. 247] со времен Пушкина и Марлинского. Популярный немецкий критик и переводчик Роберт Липперт, который был пропагандистом наследия Белинского в Германии [1, с. 78], в объемной статье с характерным заглавием «Взгляд на русскую литературу в 1846 и 1847 годах» одним из первых обратил внимание немецкого читателя на сходство и различия Гоголя и Достоевского, образно назвав сочинения Гоголя «эстетической статистикой России» [4, с. 169].

Традиция Белинского и «Отечественных записок» получает свое развитие и на страницах появившегося в начале 1840-х гг. в Берлине журнала «Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland», редактором которого был известный естествоиспытатель и русофил Георг Адольф Эрман. В первом же номере этого издания появилась замечательная статья знатока русской культуры и переводчика Карла Августа Фарнгагена фон Энзе «Новейшая русская литература». Высоко оценивая самобытный и яркий талант Гоголя, своеобразный синтетизм

его художественной манеры, сочетающей «<...> героическую и идиллическую жизнь, дикую природную силу и изящество, <...> широкий и мягкий юмор» [6, с. 233–234], автор вводит Гоголя в традицию европейской культуры, сравнивая его с Жан-Полем Рихтером.

Эта мысль Фарнгагена фон Энзе о соотношении гоголевского таланта с ярчайшими представителями литературы Германии получит впоследствии свое развитие через сравнение художественной манеры русского писателя с творчеством немецких романтиков (Шамиссо, Тик, Гофман). Кроме этого, некоторые исследователи отмечали влияние на Гоголя В. Скотта и Ч. Диккенса. Подобные сравнения закрепляли в немецкой критике стойкие сравнения Гоголя с европейскими образцами, порождая шаблонность восприятия его творчества, но вместе с тем фиксировали и масштаб творческой индивидуальности писателя.

Имя Гоголя появляется и на страницах журнала «Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft», выходившего с 1843 г. в Лейпциге и посвященного проблемам искусства и науки. Издание во многом опиралось на «Отечественные записки», а потому не случайно в первый же год своего выхода в разделе «Литературные записки из России» в нем была помещена обзорная статья о современной литературе России, где речь шла о полемике вокруг поэмы Гоголя «Мертвые души». По всей вероятности, ее автором был редактор журнала Ян Петер Иордан, знаток славянских языков и литератур [12].

В год смерти писателя журнал отозвался на печальное событие некрологом, в котором Гоголь назывался «<...> талантливейшим русским мастером изображения характеров» [8, с. 19]. Из произведений писателя автор статьи, скрывшийся за подписью «W— —», отметил только «Мертвые души», сопроводив краткое изложение фабулы поэмы небольшим отзывом о ней.

Особое место в прижизненной немецкой критике о Гоголе занимает лейпцигская газета «Blätter für literarische Unterhaltung», которая, начиная с 1836 г., регулярно сообщала о гоголевских произведениях, сопровождая информацию отзывами и даже переводческими опытами. Так, почти сразу же после премьеры гоголевской комедии «Ревизор» в Александринке анонимный петербургский корреспондент подробно рассказывает об этой постановке и говорит об авторе комедии как о большом таланте, предвещающем гениального писателя. Рассматривая предшествующее творчество Гоголя, критик сообщает о его «юмористических сочинениях», где передана «<...> вернейшая картина народной жизни двух малороссийских провинций <...>», но именно в «Ревизоре» он

предчувствует развитие таланта писателя, который «<...> может стать со временем нашим самым превосходным комиком» [7].

В декабре того же года в разделе «Русская литература» появляется другая заметка о Гоголе, подписанная криптонимом «Z», где сообщается о выходе в свет «Вечеров» и «Миргорода». Z. в частности пишет: «Другой популярный и очень талантливый писатель — это Николай Гоголь. В своих рассказах и сказках он старается также как и Луганский [В.И. Даль. — Ю.Н.] подражать народной речи, ограничиваясь при этом особенностями одной отдельной провинции: Малороссии» [14].

В декабре 1837 г. тот же Z. публикует в «Blätter» небольшую статью под названием «Малороссийская литература», где Гоголь вновь предстает как талантливейший писатель «малороссийских тем», «<...> подобных которому Украина до сих пор не знала» [13, с. 1408].

Постепенно складывается первый литературный портрет Гоголя как самобытного юмориста и непревзойденного художника малороссийской провинции. Однако уже в оценке «Ревизора» начинают проступать новые черты его таланта как знатока человеческих характеров и комического писателя.

Помимо журнальных и газетных статей имя Гоголя становится известным в Германии из энциклопедических словарей и многочисленных историй мировой и русской литературы. Наиболее значимой среди них на тот период стала вышедшая в 1837 году книга немецкого литератора и публициста Генриха Кёнига «Literarische Bilder aus Russland» (на русском языке — «Очерки русской литературы». СПб., 1862). Это была первая публикация на немецком языке о русской литературе, рассматривающая отдельных писателей в их неразрывной связи с историко-культурным развитием России. «Духовным отцом» книги стал Н. А. Мельгунов, хотя языковое оформление, несомненно, принадлежало Кенигу. Сам он не знал русского языка и так и не смог его выучить, несмотря на настойчивые призывы Мельгунова, т.к. считал, что русский беден против самобытного содержания европейских языков.

«Очерки» были поделены на 14 разномастных глав по жанрам / литературным эпохам и направлениям. Гоголь бы отнесен в главу X «Новеллисты» вместе с Марлинским и князем Одоевским. Г. Кениг дал довольно полную для того времени рецензию на творчество Гоголя,

упомянув повести «Миргорода» и комедию «Ревизор» и снабдив раздел некоторыми биографическими сведениями. Как и многие немецкие критики, Г. Кениг видел в писателе, прежде всего, автора малороссийских тем, замечательного юмориста, чья страсть — «комическая бессмыслица», а вовсе не бичующая сатира. По его мнению, талант Гоголя был «редкостно-самобытным» явлением не только русской, но и мировой литературы.

В конце раздела о писателе Г. Кениг обращается к гоголевскому стилю, который «<...> в отличие от последующих писателей слишком малохудожественен <...>». Автор добавляет: «<...> мы не хотим прямо сказать, что язык Гоголя напоминает малороссийский, но лишь даем понять, что его стиль сам по себе слишком неправильный и небрежный» [3, с. 70]. Последнее замечание явно шло от Мельгунова, поскольку сложно судить о стилистических тонкостях, совершенно не зная языка. Однако первое слово о стиле было произнесено.

Одна из последних статей, посвященных Гоголю в рассматриваемый период, появилась в лейпцигской газете «Blätter für literarische Unterhaltung» уже после смерти писателя под заголовком «Nikolaus Gogol» и стала своего рода некрологом. Ее автор размышляет о роковой судьбе литературных гениев России, в том числе и Гоголя, замечая, что и он разделил судьбу Пушкина, которого «<...> превзошел по свежести и своеобразию поэтической сущности <...>, но упал с раненым сердцем на самом пике своего взлета <...>, окончив своей мучительной смертью муки неизлечимо больной души» [9, с. 129]. Статья примечательна не только своим впечатляющим объемом, довольно обстоятельной биографической справкой и эмоциональным стилем. Важнее был тот факт, что критик мог судить о творчестве Гоголя в полном объеме — как об авторе нашумевших в России «Выбранных мест» и «Авторской исповеди», и как о человеке, который провел последние годы своей жизни в глубоких духовных поисках.

Наступило время пристальнее всмотреться в творческий путь писателя, осмыслить его жизнь и судьбу и природу таланта. И в этом смысле своеобразным репрезентантом загадки Гоголя стала его поэма «Мертвые души». Немецкая журнальная критика 1836–1853 гг. и книга Г. Кенига подготовили интерес к восприятию этого произведения как своеобразного творческого завещания писателя и феномена русской словесной культуры.

Литература:

1. Кулешов, В. И. Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (первая половина). М.: Изд-во Московского университета, 1965. 461 с.
2. Некрасова, Е. С. Гоголь перед судом иностранной литературы // Русская старина. 1897. Т. 5. Кн. 9. С.553–570.
3. Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slawen. Literarische Bilder aus Russland. Herausgegeben von H. Koenig. T.1: Text der Ausgabe von 1837. Giessen, 1979. S.66–70.
4. Blicke auf die russische Literatur // Magazin für die Literatur des Auslandes. 1847. Bd. 31. № 62. S. 169–170.
5. Die neueste russische Literatur // Magazin für die Literatur des Auslandes. 1838. Bd. 13. № 62. S. 247–248.
6. Farnhagen von Ense K.A. Die neueste russische Literatur // Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. — 1841. — Bd. 1. — S. 231–238

7. Korrespondenzbericht aus Petersburg // Blätter für literarische Unterhaltung. 1836. Bd.2. Beilage № 17 zum 30.11. 1836. S. 1471.
8. Nikolaj Wasilewicz Gogol. (Nekrolog) // Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft. Bd.1. 1852/1853. H.1. S. 19–23.
9. Nikolaus Gogol // Blätter für literarische Unterhaltung. 1853. Bd.1. № 6. S. 128–129.
10. Reissner, E. N. V. Gogol' und die natürliche Schule // Reissner E. Deutschland und die russische Literatur (1800–1848). — Berlin, 1970. — S.213–224.
11. Russland. Bibliographie // Magazin für die Literatur des Auslandes. 1835. № 54. S. 216–217.
12. W. Literarische Notizen aus Russland // Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft. Jg.4 (1846). H.11/12. S.443–448.
13. Z. Kleinrussische Literatur // Blätter für literarische Unterhaltung. 1837. Bd.2. № 346. S. 1408–1409.
14. Z. Russische Literatur // Blätter für literarische Unterhaltung. 1836. Bd.2. № 351. S. 1471.

Внешнее сравнение конструкций «существительное, обозначающее парные предметы, + глагол» в селькупском и северносамодийских языках

Поздеева Галина Петровна, старший преподаватель
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

В статье приводятся результаты внешнего сравнения типов конструкций «существительное, обозначающее парные предметы + глагол» в диалектах селькупского языка и северносамодийских языках. Были выявлены общие закономерности согласования в данных языках и реконструированы стратегии согласования для прасамодийского состояния.

Ключевые слова: внешнее сравнение, синтаксическая реконструкция, диалекты селькупского языка, северносамодийские языки, существительные, называющие парные предметы.

В данном исследовании приводятся результаты внешнего сравнения типов согласования в конструкции «существительное, обозначающее парные предметы + глагол» в селькупском языке с аналогичными конструкциями северносамодийских (нганасанского, энецкого и ненецкого) языков.

По мнению исследователей-лингвистов О.К. Казакевич [1], Н.П. Максимова [3, 4] изучавших данную проблему на материале диалектов селькупского языка, общей характерной особенностью данного типа существительного (для северных и южных селькупских диалектов) является форма SG, указывающая как на пару одинаковых предметов, так и на каждый из них по отдельности [2, с. 168].

Тем не менее, в южных селькупских диалектах были выявлены случаи употребления формы PL данного типа существительного и единичные случаи формы DU [3].

Для выявления всех возможных типов согласования существительных, обозначающих парные предметы, и гла-

голов нами был проглоссирован и проанализирован фактический языковой материал по селькупскому языку.¹ Результаты, полученные в ходе анализа текстовых материалов в селькупских диалектах² представлены в таблице 1.

Тщательный анализ данных всех диалектных групп селькупского языка позволил реконструировать две стратегии для праселькупского состояния:

— существительное, называющее парные предметы SG + глагол SG;

— существительное, называющее парные предметы SG (не в позиции субъекта).

Следовательно, в праселькупском языке имя существительное, называющее парный предмет, всегда употреблялось в SG, независимо от падежа. Форма SG была типична также и для глагола.

Кроме того, выявлены инновации, которые произошли в данном типе конструкции от праселькупского к современным диалектам.

¹ Для анализа языкового материала северной группы диалектов были использованы данные «Северноселькупского словаря» Е.А. Хелимского [http://helimski.com/Taz_Selkup_Dictionary], тексты «Очерков по селькупскому языку. Тазовский диалект. Том 2» (тазовский диалект), неопубликованные текстовые материалы архива Л.А. Варковицкой (1941 г.) (баишенский говор). Материалом эмпирической базы диалектов центральной и южной групп явились полевые записи архива А.П. Дульзона лаборатории языков народов Сибири ТГПУ. Центральная группа диалектов представлена текстовыми примерами полевых записей, собранных в д. Тюхтерево (тома 38, 49, 50, 52), с. Напас (тома 2, 18, 19, 20, 23, 40, 54). В данную группу также вошли текстовые данные из «Сказок нарымских селькупов» (1996 г.). Для анализа южной группы диалектов были использованы полевые записи из с. Иванкино (тома 9, 10, 39, 51, 55), с. Усть-Озерное (тома 4, 5, 36, 45, 46), а также текстовые примеры из «Сказки про черного царя» (1964 г.) записанной в с. Парабель и «Кетских сказок» (1966 г.).

² Результаты анализа текстовых данных распределены согласно диалектному делению селькупского языка, приведенного в статье автора [5, с. 31].

Таблица 1. Типы конструкций с именем существительным, называющим парные предметы в диалектах селькупского языка [6, с. 164]

Существительное, называющее парные предметы + глагол	сев.		нарым.	тым. (центр)	иван.	тым. (юж)	кет.
	баиш.	таз.					
сущ. PL гл. PL	-	-	-	-	+	-	-
сущ. PL гл. SG	-	-	-	-	-	-	+
сущ. PL + СИС PL/ СИС с нулевым глаголом связкой	-	-	-	-	+	-	-
сущ. SG гл. SG	+	+	+	+	+	+	+
сущ. SG +. СИС SG/ СИС с нулевым глаголом связкой	+	-	+	+	+	-	+
сущ. SG (не в позиции субъекта)	+	+	+	+	+	+	+
сущ. PL (не в позиции субъекта)	-	-	-	-	+	-	+
Исключения:	сущ PL+ гл SG		сущ SG + гл PL	сущ PL+ гл PL			сущ PL + гл PL
	сущ SG + гл PL						сущ SG + гл PL

Северная и центральная группы диалектов представлены двумя архаичными стратегиями:

- существительное, называющее парные предметы SG + глагол SG;
- существительное, называющее парные предметы SG (не в позиции субъекта).

В Иванкинском говоре, кроме двух сохранившихся архаичных стратегий, фиксируются формы PL, как для имени существительного, так и для согласующегося с ним глагола, то есть произошли две инновации:

- употребление формы PL для имени существительного независимо от падежной формы;
- глагольная форма PL, которая в этом говоре употребительна только для существительного в соответствующем числе.

В южном кетском диалекте, в отличие от праселькупского, появляется форма PL наименований парных предметов, независимо от падежа. Примечательно, что данная инновация идентична и для Иванкинского говора. Однако, как в кетском, так и в тымском диалекте глагольная форма остается архаичной, т.е. SG [6, с. 164].

Для подтверждения архаичности употребления в данной конструкции формы SG, как для существительного, называющего парные предметы, так и для глагола SG были привлечены данные северносамодийских языков. Это уже имеющиеся данные по энецкому, нганасанскому и ненецкому языкам [7, 9, 10, 11], а также материалы, любезно предоставленные нам специалистами, занимающимися полевыми исследованиями северносамодийских языков (В. Ю. Гусев — нганасанский³, А. Б. Шлуинский — энецкий⁴, М. К. Амелина — ненецкий⁵)

Нганасанский язык

Таблица 2. Типы конструкций с именем существительным, называющим парные предметы в нганасанском языке

Типы конструкций «Существительное, называющее парные предметы + глагол»	Существительное, называющее парные предметы PL + глагол PL
	Существительное, называющее парные предметы DU + глагол DU
	Существительное, называющее парные предметы DU + глагол PL
	Существительное, называющее парные предметы SG + глагол SG
	Существительное, называющее парные предметы SG (не в позиции субъекта)
	Существительное, называющее парные предметы DU (не в позиции субъекта)

³ Личные сообщения В.Ю. Гусева

⁴ Энецкие примеры предоставлены А.Б. Шлуинским и взяты из корпуса естественных текстов на лесном диалекте энецкого языка, созданном в рамках проекта «Документация энецкого языка: оцифровка и анализ архивных материалов и полевая работа с последними носителями» (Б. Комри, О.В. Ханина, А.Б. Шлуинский) при финансовой поддержке международного фонда «Программа документации языков, находящихся под угрозой исчезновения» (“Endangered Languages Documentation Programme”, ELDP) при Институте Азии и Африки Лондонского университета.

⁵ Ненецкие примеры представлены полевыми материалами из с. Красное Приморско-Куйского сельсовета Заполярного района Ненецкого автономного округа Архангельской области (04.03-22.03.2012г.), записанными у Ледковой Зои Семеновны.

Энецкий язык

Таблица 3. Типы конструкций с именем существительным, называющим парные предметы в энецком языке

Типы конструкций «Существительное, называющее парные предметы + глагол»	Существительное, называющее парные предметы PL+ глагол PL
	Существительное, называющее парные предметы SG + глагол SG
	Существительное, называющее парные предметы PL (не в позиции субъекта)
	Существительное, называющее парные предметы SG (не в позиции субъекта)
	Существительное, называющее парные предметы DU (не в позиции субъекта).

Ненецкий язык

Об употреблении существительных, обозначающих парные предметы, в ненецком языке упоминается в «Материалах и исследованиях по языку ненцев» [8, с. 40], где говорится, что наименования парных предметов в ненецком языке используются во множественном числе.

Как мы видим, Н.М. Терещенко отмечает лишь PL имени существительного, не упоминая о числе согласования с глаголом. Для этого были привлечены данные М. К. Амелиной, согласно которым наименования парных предметов в ненецком языке могут иметь форму не только PL, но и SG.

Таблица 4. Типы конструкций с именем существительным, называющим парные предметы в ненецком языке (гыданский диалект)

Существительное, называющее парные предметы PL+ глагол PL
Существительное, называющее парные предметы SG+ глагол SG

Сопоставив полученные данные северносамодийских языков и стратегии согласования выявленные для праселькупского языка, были реконструированы следующие стратегии согласования данной конструкции для прасамодийского языка:

- существительное SG + глагол SG;
- существительное SG (не в позиции субъекта);
- существительное PL + глагол PL

Таблица 5. Внешнее сравнение типов конструкций «имя существительное, называющее парные предметы + глагол» в селькупских диалектах и северносамодийских языках

сущ./глагол	Нганасанский	Энецкий	Ненецкий	Праселькупский
SG/SG	+	+	-	+
DU/DU	+	-	-	-
DU/PL	+	-	-	-
PL/PL	+	+	+	(+)
сущ.SG (не в позиции субъекта)	+	+	+	+
сущ.DU (не в позиции субъекта)	+	+	-	-
сущ.PL (не в позиции субъекта)	+	+	-	-

Внешнее сравнение типов конструкций «имя существительное, называющее парные предметы + глагол» в селькупских диалектах и северносамодийских языках, показывает, что существительные могли иметь формы как SG, так и PL. С праселькупским языком выявлена общая закономерность: существительное SG + глагол SG. Можно предположить, что стратегия «существительное PL + глагол PL» также является общей для прасамодийского (данный тип согласования выявлен на материале с. Иванкино и с. Усть-Озерное) и, вероятно, он является либо праселькупским архаизмом,

либо инновацией, заимствованной из прасамодийского языка.

Список сокращений:

DU — двойственное число

PL — множественное число

SG — единственное число

гл. — глагол

СИС — составное именное сказуемое

сущ. — существительное

Сокращения названий языков и диалектов:

баиш. — баишенский говор

иван. — иванский диалект
кет. — кетский диалект
нар. — нарымский диалект
сев. — северная группа диалектов

таз. — тазовский диалект
тым. — тымский диалект
центр. — центральная группа диалектов
юж. — южная группа диалектов

Литература:

1. Казакевич, О.А. Две женщины, семь теснин и тридцать воинов (О выражении количественности в фольклорных текстах северных селькупов) //
2. Логический анализ языка. Количественный аспект языка. М.: Индрик, 2005., с. 384–399.
3. Кузнецова, А.И. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект А.А. Кузнецова, Е.А. Хелимский, Е.В. Грушкина. — М.: МГУ, 1980. — Т. 1. — 408 с.
4. Максимова, Н.П. Категория числа у имен существительных собирательного значения в селькупском языке // Структура самодийских и енисейских языков. — Томск, 1985. — с. 43–48.
5. Максимова, Н.П. Категория числа в селькупском языке // Языки народов Севера Сибири. — Новосибирск, 1986. — с. 93–101.
6. Поздеева, Г.П. Диалекты селькупского языка: верификация общепринятых классификаций и новый взгляд на диалектное членение. // Урало-алтайские исследования. Москва: Институт языкознания Российской академии наук, 2013, № 1 (8). с. 20–34.
7. Поздеева, Г.П. Конструкции «существительное, обозначающее парный предмет + глагол» в диалектах селькупского языка. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013, № 12 (30). с. 161–165.
8. Терещенко, Н.М. Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка / Н.М. Терещенко. — Л.: Гос. учеб. — пед. изд-во мин-ва просвещения РСФСР, 1947. — 270 с.
9. Терещенко, Н.М. Материалы и исследования по языку ненцев / Н.М. Терещенко. — М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. — 232 с.
10. Терещенко, Н.М. Нганасанский язык // Языки народов СССР. — М., 1966. — Т. 3: Финно-угорские и самодийские языки. — с. 416–438.
11. Терещенко, Н.М. Энецкий язык // Языки народов СССР. — М., 1966. — Т. 3: Финно-угорские и самодийские языки. — с. 438–457.
12. Терещенко, Н.М. Нганасанский язык / Н.М. Терещенко. — Л.: Наука, 1979. — 322 с.

Функционально-семантическое микрополе собирательности и его способы выражения на материале диалектов селькупского языка

Поздеева Галина Петровна, старший преподаватель
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Данное исследование категории собирательности в диалектах селькупского языка основывается на функционально-семантическом (полевым) подходе. В структуре микрополя выделяют ядро и периферию и описываются разноуровневые средства выражения данной категории (морфологические, словообразовательные, лексические).

Ключевые слова: функционально-семантическое микрополе собирательности, ядро, периферия, диалекты селькупского языка.

Категория собирательности является языковой универсалией как формой выражения количественности. Она характеризует множество как целостность, совмещающая в себе при этом черты единичных и множественных понятий. Для понимания данной категории наиболее целесообразным является функционально-семантический (полевой) подход, позволяющий наиболее полно исследо-

вать ее внутреннее строение и функционирование. На материале диалектов селькупского языка категория собирательности на принципе функционально-семантического поля не рассматривалась.

Собирательность (вещественных, абстрактных существительных) была рассмотрена Н.П. Максимовой при изучении морфологических признаков единичности, двой-

ственности и множественности в южных селькупских диалектах [3] и Е. А. Хелимским, который выделил особое категориальное значения числа — собирательную форму в северном тазовском диалекте [2, с. 169].

Структура микрополя состоит из *ядерной* и *периферийной* зон. Состав ядерной зоны ФСП собирательности формируют лексемы, характеризующиеся максимальной концентрацией признаков собирательности, поскольку они являются неисчисляемыми существительными, имеют морфемные показатели собирательности, а также способны выявлять единство или множественность в рамках совокупности [1, с. 27; 8, с. 80, 91].

Ядро функционально-семантического микрополя собирательности в селькупском языке включает несколько лексических групп, которые представлены неисчисляемыми существительными, оформленными морфологическими показателями, а также группы лексем со значением неразделительной собирательности. Данные лексемы употребляются только в форме единственного числа и не сочетаются с количественными числительными (являются неисчисляемыми):

1) Существительные, обозначающие названия лиц и живых существ сочетаются с составным показателем -Lmy. Эти сочетания имеют собирательное значение: qumyLmy 'люди, толпа людей', ljaLmy 'ребята, детвора', sbryLmy 'зверье'. Значение нерасчленимой собирательности имеют и неодушевленные существительные с этим показателем: рfLmy 'деревья, группа деревьев, лес, дрова, древесина', mltyLmy 'чумы, группа чумов, стойбище', р7Lmy 'камни, группа камней, каменистое место' (таз.) и т.д. [2, с. 170].

В нарымском диалекте южных селькупов (обских чумылькупов) собирательные существительные с данным аффиксом также употреблялись в речи: п7jmdaLmy 'некто сладкое, сладости', sbryLmy 'зверье', madyLmy 'стойбище' (об. Ч).

2) Следующая группа лексем, входящая в ядерную зону ФСП собирательности — это небольшая группа существительных, обозначающих растительность. Характерным признаком данной группы для южных диалектов являются аффиксы -sa, — Aa, — Xa: *мургозан* 'черемушник' (кет.) [5, с. 132], *шуугозак* — 'раkitник' (об. Ш) [5, с. 300], *тртршак* — 'кедрач', *гвенажак* 'березняк' (вас.) [5, с. 80]. В тазовском диалекте суффиксам -sa/-Aa/-Xa соответствуют суффиксы, выделенные в результате морфемного анализа, но не участвующие в настоящем времени в процессах образования новых слов (единичные или редкие): -ny qny 'березовый лес' (где, qa 'береза'), — sy qyAu 'густой березняк' [2, с. 334–335].

3) Ядерную зону ФСП собирательности также составляют *вещественные* и *абстрактные* существительные. Существительные *вещественного* значения в сель-

купском языке употребляются преимущественно в форме единственного числа. По сути дела они нейтральны по отношению к категории числа, поскольку обозначают вещества или материалы, которые сами по себе не расчленяются на отдельные единицы, поддающиеся счету: *вещественно-собирательные* существительные: s2g2 'снег', 7t 'вода, сок' [2, с. 130], ты 'береста', си 'глина, земля' (таз.) [2, с. 130], *арма* 'овес, просо' (об. Ч) [5, с. 61]; *гав* 'чешуя, кора, скорлупа' (кет, вас) [5, с. 39]; weVi 'мясо' [8, с. 296], Ачq, Ачк2 'соль' [8, с. 217], кц22, кйз2 'железо' [8, с. 91] и др. *Абстрактные существительные*, обозначающие предметно мыслимые качества, состояния, действия типа: og 'сила', teni 'ум', il2psa 'жизнь' (таз.) [3, с. 96] также часто нейтральны по отношению к счету.

Околоядерную зону микрополя собирательности формируют существительные с показателем единичности -laka. В ряде случаев этот показатель придает существительным значение совокупности однородных элементов, составляющих единое целое: tš туlaka 'челюсть', пккуг-laka 'книга, тетрадь' (таз.) [2, с. 338], туqqyllaka 'связка, вязанка' (таз.) [2, с. 337]; *гнелака* 'березняк' (ел) [5, с. 108]; *кумылака* 'народ' (тур.) [5, с. 53].

Периферийный слой состоит из лексем, называющих совокупности, лексемы, носители смысла собирательности, как правило, это глаголы, образованные от собирательных существительных, допускающие формы обоих чисел, а также глаголы, образованные путем прибавления суффиксов к основе существительных:

1) Глаголы (со значением «производить заготовки чего-либо, собирать воедино что-либо»), образованные прибавлением суффиксов -Nug или -A к основе существительного: saltyNugqo 'заготавливать пни' (salty 'пень') (таз.) и тыtyAqo 'собирать бересту' (ты 'береста') (таз.) [2, с. 345] ke×ptāšqo 'собирать черную смородину', turaji×šqo ~ turan'i×šqo 'собирать красную смородину'; tō kašqo 'охотиться на гусей', kurgāškašqo 'охотиться на куропаток', aqsi×li×šqo 'собирать грибы'; loqašqo сеo 'охотиться на лис'; toriğišqo ои 'собирать ягоды' [6].

2) Лексемы, носители смысла собирательности: глаголы со значением собирательности: slguqo 'связать, привязать', taqqylqo 'собрать', jap (~ l'ap) tatti×qo 'сойтись, собраться вместе'; тыttuqo 'нанизать' (таз.) [2, с. 340] гвадэдигу — 'набрать' (об.С) [5, с. 78] вадргу, ватргу 'собрать, набрать' (об.Ч, вас., тым.) [5, с. 22] lakašiqo 'образовать единое целое, скучиться; скомкаться'; lakaŋqo 'сложить в кучу, скомкать'; ke×ci×qo 'сцепить, соединить, взять на буксир, сложить в стопку'; ke×calqo 'нарастить, дополнить, удлинить (путем присоединения дополнительных частей)'; carsiqo 'насадить на роженю для жарки, изжарить на рожене'; carsiṗil' qeli 'жареная (изжаренная на рожене) рыба ('чопса)'; εti×ŋqo 'разбить стойбище, поставить чумы' (тур.); εti×ŋri×qo 'стоять

¹ Лингвистическая экспедиция автора в с. Парабель Парабельского района Томской области (июнь 2011 г.). Языковой материал записан у Коробейниковой Ирины Анатольевны.

стойбищем (тур.); *pärqi×lti×qo* ‘набить (напр., подушку пухом)’; *kesilimriqo* ‘двигаться вереницей’ (таз.) [6].

3) Наречия со значением расположения в пространстве расположенных совокупностей предметов: *ккьслтык* ‘цепью, в ряд’, *tontaltyk* ‘в затылок, шеренгой’, *пунтык* ‘вплотную, рядом’, *иккугNnnty* ‘вместе, кучно’ (*иккуг-тунуп*, *иккугтунты*), *ккьслтык* ‘цепью, в ряд, вереницей’, *tontaltyk* ‘в затылок, шеренгой’, *qыtaltyk* ‘подряд’, *p7гук* ‘кольцом’ (таз.) [2, с. 282].

4) Существительные с суффиксом места действия -то, который образует существительные от глагольных основ на -г: *минугqo* ‘промышлять’ *минугто* ‘охотничьи угодья’; *апугqo* ‘кушать’ *апугто* ‘водопой, место, где питаются звери’; *такугто* ‘место для собраний’ *атугто* ‘место для рыбной ловли, атарма’ (таз.) [2, с. 339].

5) Существительные, называющие парные предметы: *тор2* ‘нога, ноги’, *иТ2* ‘рука руки’, *тоLVi* ‘лыжа, лыжи’, *саji* ‘глаз, глаза’ (таз.) [2, с. 98; 4].

Литература:

1. Акуленко, В. В. О выражении количества в семантике языка // Категория количества в современных европейских языках. Киев, 1990. с 7–40.
2. Кузнецова, А. И. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект А. А. Кузнецова, Е. А. Хелимский, Е. В. Грушкина. — М.: МГУ, 1980. — Т. 1. — 408 с.
3. Максимова, Н. П. Категория числа в селькупском языке // Языки народов Севера Сибири. — Новосибирск, 1986. — с. 93–101.
4. Поздеева, Г. П. Конструкции «существительное, обозначающее парные предметы + глагол» в диалектах селькупского языка. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013, № 12 (30). с. 161–165.
5. Селькупско-русский диалектный словарь / отв. ред.: В. В. Быконя, Н. Г. Кузнецова, Н. П. Максимова. — Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2005. — 348 с.
6. Северноселькупский словарь [Электронный ресурс] / сост. е. А. Хелимский. — Электрон. дан. — [Б. м., б. г.]. — URL: http://helimski.com/Taz_Selkup_Dictionary (дата обращения: 23.01.2012).
7. Степанова, А. В. Функционально-семантическое поле количественности в разноструктурных языках (на материале английского, русского и чувашского языков): Дис... канд. филол. наук. Чебоксары, 2007. — 198 с.
8. Erdelyi, I. Selkupisches Wortverzeichnis. Tas-Dialekt, Budapest, 1969, — 326s.

Основные составляющие единицы традиционной китайской медицины

Попова Дарья Евгеньевна, студент;

Хоречко Ульяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

В данной работе мы продолжаем исследование терминологической базы традиционной китайской медицины, которое было начато нами ранее в статье «Терминология китайской медицины. К постановке вопроса» [1].

У каждой цивилизации складывались свои уникальные методы врачевания, своя медицина. Не секрет, что люди ходили по свету и искали более действенные способы избавления от болезней. Однако, методы традиционной китайской медицины были избраны как особенные, и до сих

В результате анализа текстовых и словарных источников, основанного на функционально-семантическом (полевым) подходе, можно заключить, что категория собирательности в диалектах селькупского языка представлена разноуровневыми средствами (морфологическими, словообразовательными, лексическими).

Список сокращений:

ФСПС — функционально-семантическое поле собирательности

вас. — васюганский диалект

кет. — кетский диалект

нар. — нарымский диалект

об. С — обские говоры Сюсюкум

об. Ч — обские говоры Чумьлькуп

об. Ш — обские говоры Шешкуп

таз. — тазовский диалект

тур. — туруханский диалект

пор постигаются умами множества людей, как специалистов, так и любителей. Медицина древнего Китая занимает особое место в мировом медицинском сообществе. Ее нельзя сопоставить ни с одной другой. Она обладает своей спецификой, отражающей национальное мировосприятие.

В данной статье мы рассмотрим основные единицы, входящие в состав традиционной китайской медицины, для того, чтобы понять процессы, происходящие в орга-

низме, с точки зрения китайского врачевания, и организм в целом.

В основу традиционной китайской медицины (далее ТКМ) легли стихийно-материалистические воззрения древних философов. Здоровье воспринималось как результат гармонии Инь 阴 (yin) и Ян 阳 (yang) и пяти стихий У-СИН 五行 (wuxing), а болезнь — как нарушение их плавного взаимодействия. Появление множества болезней объяснялось воздействием явлений природы на организм, а также его особенностями.

ИНЬ-ЯН является одной из концепций древней китайской натурфилософии. Изначально «инь» подразумевало «северный, находящийся в тени», а «ян» — «южный, залитый солнцем склон горы». Позднее инь стало восприниматься как негативное, холодное, темное и женское, а ян — как позитивное, светлое, теплое и мужское начало. С того момента, как данное учение стало детерминированной доктриной, вещи и явления, которые имели естественные дополнительные противопоставления, смогли классифицироваться как инь и ян согласно не только своей природе, но также взаимосвязи и взаимодействию между собой.

В медицине ИНЬ И ЯН выступают классификаторами частей тела, внутренних органов и физиологических веществ, и их движением в теле вверх-вниз (上 shang, 下 xia), вовнутрь или наружу (内 nei, 外 wai), и являются основными составляющими единицами ТКМ. Все это сочетается с пониманием основных физиологических процессов, сформированных из рудиментарных анатомических наблюдений.

Также можно выделить еще одну группу терминов традиционной китайской медицины, которые относятся к философской категории «инь — ян», и являются характеристиками физического состояния человека:

熱 — 寒 re — han (жар и холод) — данная пара терминов представляет собой явления объективной реальности, которые также отражены в русском языке и закреплены в философском терминологическом аппарате.

濕 — 燥 shi — zao (сырость — сухость) — данные явления также являются частью философской терминологической лексики, в следствии чего имеют свои прямые эквиваленты в языке перевода.

Еще одной основной концепцией, на которой строится ТКМ, стала теория пяти элементов, или У-СИН 五行 (wuxing), которая включает в себя пять категорий окружающего мира: дерево 木 mu, огонь 火 huo, земля 土 tu, металл 金 jin и вода 水 shui. Пять элементов имеют различные свойства, однако взаимосвязаны друг с другом и имеют прямую зависимость. Двумя неотъемлемыми свойствами Пяти Элементов являются активация и угнетение 反克 fanke. Так, дерево активизирует огонь (木+火), огонь-землю (火+土), земля-металл (土+金), металл-воду (金+水), вода-дерево (水+木). При угнетающей связи, дерево угнетает землю (木-土), земля — воду (土-水), вода-огонь (水-火), огонь — металл (火-金), металл-дерево (金-木). Основные идеи та-

ковы: каждый внутренний орган относится к определенному элементу, при повреждении какого-либо органа происходит реакция со стороны других органов, что называется трансмиссией заболевания. В соответствии с теорией У-СИН, данная передача может осуществляться по активирующим и угнетающим связям.

Следующая группа единиц относится к общеупотребительной лексике в переводящем языке (китайский язык описывает всю медицину в осязаемых терминах). Так, термины 金 «металл», 水 «вода» и т.д., обозначают определенные категории и вызывают вполне четкие ассоциативные ряды, основывающиеся именно на ощущениях. На данный момент существует проблема, связанная с адекватным пониманием такого вида терминов ввиду разного подхода китайских и западных врачей к человеческому организму и представлений о способах лечения.

水 shui (Вода) — данный термин является частью китайской натурфилософии, однако не является термином во всем своем понимании в западных культурах, но как явление объективной реальности имеет свой прямой эквивалент, который и употребляется при передаче термина.

土 tu (Почва) — при переводе данной единицы на русский язык мы используем такой прием, как эквивалентный перевод, который, однако, не смог передать всего смысла, так как данный термин относится к китайской натурфилософии.

金 jin (Металл) — данный термин является также понятием натурфилософии Китая и имеет полное соответствие в русском языке, которое и используется при переводе термина.

风 feng (Ветер) — данный термин относится к категории пяти стихий китайской натурфилософии, и имеет прямой эквивалент в русском языке.

木 mu (Дерево) — при переводе данного термина, также китайского натурфилософского понятия, нами был применен эквивалентный перевод.

火 huo (Огонь) — данный пример, являясь также термином китайской натурфилософии, не является термином в полном смысле этого слова в западных культурах, однако как явление объективной реальности имеет свой прямой эквивалент, который и употребляется при передаче термина.

Нельзя пропустить еще одно важное понятие, которое входит в ряды терминов китайской натурфилософии, такое как 气 qi — Ци. Как писалось ранее: «в большом китайско-русском словаре приводятся следующие значения данного иероглифа: «воздух, газ, запах, дыхание, настроение, дух, обида, оскорбление» [БКРС]. Как мы можем заметить, значения иероглифа 气 довольно разнообразны, кроме того, в словаре приводится около ста сочетаний этого иероглифа с другими. Медицинский термин 气 связан со значением слова «дух». В традиционной китайской медицине 气 является материальной основой Вселенной. Она, в свою очередь, является материальной и духовной основой человеческого существования» [2, с. 203–205]. При переводе данного термина мы прибегаем

к методу транскрибирования и добавляем переводческий комментарий, который поясняет природу данного термина. В современном мире данный термин стал общепупрительным и является заимствованием.

Общее название органов в системе традиционной китайской медицины носит название ЦЗАН-ФУ-органы 脏腑 zangfu. Оно включает в себя 5 ЦЗАН-органов, и 6 ФУ-органов, а так же «необычные ФУ — органы». [3, с. 31]

Таблица соотношения органов и элементов

Элемент	ЦЗАН-органы 脏	Фу-органы 腑	Необычные ФУ-органы 奇恒之腑 qí-hengzhifū
Дерево 木	Печень 肝 gan	Желчный пузырь 胆 dan	Желчный пузырь 胆 dan
Огонь 火	Сердце 心 xīn Перикард 心包 xīnbaō	Тонкий кишечник 小肠 xiǎochāng Сань-цзяо 三焦	Головной мозг 脑 nǎo костный мозг 髓 suǐ
Земля 土	Селезенка 脾 pǐ	Желудок 胃 wèi	Кости 骨 gǔ
Вода 水	Почки 肾 shèn	Мочевой пузырь 膀胱 pāngguāng	Сосуды 管 guǎn
Металл 金	Легкие 肺 fèi	Толстый кишечник 大肠 dàchāng	Матка 子宫 zǐgōng

Следует объяснить, что значит Сань-цзяо 水) sānjǐào. Его можно расшифровать как три части тела: до диафрагмы — ШАН-ЦЗЯО 水) shàngjiào (сердце и легкие), между диафрагмой и пупком — ЧЖУН-ЦЗЯО 水) zhōngjiào (селезенка и желудок), ниже пупка — СЯ-ЦЗЯО 水) xiàjiào (почки, кишечник и мочевой пузырь). Главной его функцией является направление энергии ЦИ 水) qì (жизненной энергии) и помощи в циркуляции жидкости тела. Термины ШАН-ЦЗЯО 水) shàngjiào, ЧЖУН-ЦЗЯО 水) zhōngjiào и СЯ-ЦЗЯО 水) xiàjiào переводятся методом транскрибирования с добавлением переводческого комментария за неимением в западной медицинской терминологической базе подходящих эквивалентов.

水) zangfu (органы Цзан и Фу) — при переводе данной терминологической единицы был использован прием транскрипции в комбинации с поясняющим добавлением (переводческим комментарием), помогающим отнести данные термины к определенной физиологической категории.

水) gan (печень) — данный термин свободно функционирует в современном языке «западной» медицины, поэтому в русском языке существует определенный эквивалент этого термина, который и используется при переводе.

水) xin (Сердце) — данный термин на современном этапе развития медицинской науки используется не только в терминологическом пласте китайской медицины, но и в лексике «западной» медицины, поэтому переводится на русский язык строго определенным эквивалентом.

水) xinbao (перикард) — данный термин свободно функционирует в современном языке «западной» медицины, поэтому в русском языке существует определенный эквивалент этого термина, который и используется при переводе.

水) хие (Кровь) — при переводе данного термина традиционной медицины, являющегося частью также терминологического аппарата «западной» медицины, используется эквивалентный перевод.

水) pi (Селезенка) — данный термин, являясь примером термина интернационального употребления, имеет строго закрепленный эквивалент в русском языке, которым и передается при переводе.

水) — gou (Плоть) — данный термин свободно функционирует в современном языке «западной» медицины, поэтому в русском языке существует определенный эквивалент этого термина, который и используется при переводе.

水) fei (Легкие) — при передаче данного термина используется такой переводческий прием как эквивалентный перевод, как один из наиболее приемлемых в случае перевода интернациональных медицинских терминов.

水) shen (Почки) — при переводе данного термина традиционной медицины, являющегося частью также терминологического аппарата «западной» медицины», используется эквивалентный перевод.

水) gu (Кость) — данный термин, представляющий собой пример термина не только китайской, но и традиционной китайской медицины, имеет в русском языке прямое соответствие (эквивалент), которое и используется при переводе.

水) sui (Костный мозг) — при переводе данной терминологической единицы на русский язык нами была использована полностью соответствующая в ПЯ единица (эквивалент).

水) dan (Желчный пузырь) — при передаче данного термина используется такой переводческий прием как эквивалентный перевод, как один из наиболее приемлемых в случае перевода интернациональных медицинских терминов.

水) xiaochang (Тонкий кишечник) — данный термин свободно функционирует в современном языке

«западной» медицины, поэтому в русском языке существует определенный эквивалент этого термина, который и используется при переводе

水) wei (Желудок) — при переводе данного термина традиционной медицины, являющегося частью также терминологического аппарата «западной» медицины, используется эквивалентный перевод.

水) 肠dachang (Толстый кишечник) — при переводе данного термина традиционной медицины, являющегося частью также терминологического аппарата «западной» медицины», используется эквивалентный перевод.

水) rangguang (Мочевой пузырь) — данный термин, представляющий собой пример термина не только китайской, но и традиционной китайской медицины, имеет в русском языке прямое соответствие (эквивалент), которое и используется при переводе.

Литература:

1. Попова, Д. Е. Терминология китайской медицины. К постановке вопроса / Д. Е. Попова, У. В. Хоречко // Молодой ученый. — 2015. — № 10. — с. 1428–1432.
2. Хоречко, У. В. К вопросу образования китайских медицинских терминов / У. В. Хоречко, А. В. Гончарова // Молодой ученый. — 2010. — № 12. Т. 1. — с. 203–205
3. Овечкин, А. М. Основы чжень-цзю терапии. Саранский филиал СП «Норд», изд. «Голос», 1991. — 417с
4. Dictionary of Traditional Chinese Medicine. HongKong: CommercialPress

Анализ трудностей, возникающих при переводе терминов традиционной китайской медицины

Попова Дарья Евгеньевна, студент;

Хоречко Ульяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

В связи с качественным изменением переводческой деятельности, переводы медицинских текстов заняли первое место по своей значимости и объемам. Причиной тому послужили различия в значениях единиц двух языков и их функционировании. Если художественный перевод таит в себе проблемы передачи художественно-эстетических и индивидуально-авторских особенностей, то проблемы информативного перевода относятся к проблемам лингвистического характера. Так как в нашей работе мы выявляем трудности при переводе терминов ТКМ, то нельзя упустить то, что несовпадение «картин мира» играет ключевую роль в данном процессе.

Терминологическая теория не дает никаких конкретных руководящих принципов для начального перевода терминов с одного языка на другой. Критерий оценки приемлемости термина в языке перевода такой же, как во всех остальных; важным является то, что термин на любом языке должен передать смысл точно и получить всеобщее одобрение. Термины не переводятся; скорее, создаются

Нельзя забыть и о системе каналов и коллатералей 经络jingluojingmai (ЦЗИН-ЛО), по которым циркулирует Ци и кровь. Данный термин целиком не имеет эквивалента на ПЯ, поэтому переводится методом транскрибирования с добавлением переводческого комментария (который позволяет соотнести данный термин с определенным физиологическим явлением).

В данной работе мы изложили основные положения традиционной китайской медицины и выделили ее основные составляющие части и терминологические единицы, которые помогли нам увидеть организм с точки зрения традиционного китайского врачевания. Из методов, к которым мы прибегли в процессе перевода, видно, что примерно половину составляют термины, не имеющие своего эквивалента на ПЯ, что говорит нам о специфичности терминологии ТКМ и о том, что каждая единица, входящая в состав системы, занимает свое место в ней.

параллельные термины на языке перевода (далее ЯП). Действительно, создание терминов на ЯП считается актом формирования вторичного термина, а не его перевода. Следовательно, теория терминологии не дает никаких ответов на вопросы, направленных на текущее исследование, а именно, как термины должны быть переведены, или как они должны формироваться, ЯП не имеет никакого отношения к области терминологии. Тем не менее, это только теория. На практике термины языка оригинала постоянно заимствуются или становятся моделью для создания терминов в ЯП.

В области китайской медицины есть одна очень важная причина, почему термин языка-оригинала, а не концепция, должен служить основой для выбора эквивалента ЯП. Хотя язык китайской медицины классифицируется как LSP (язык для специальных целей) в соответствии с основными социальными и лингвистическими критериями, он отличается от научно обоснованного современного языка (для спец. целей), это касается терминологической строгости.

В течение двух тысяч лет ничего не развивалось для создания единой концепции и однозначного определения, как мы можем наблюдать из современных LSP's. Одной из основных проблем, заслуживающих внимания является то, какого образца речи должен придерживаться перевод традиционной китайской медицины. По сравнению с обычным следованием речи, есть еще множество других способов осмысления языка: язык зачастую выступает как инструмент для достижения определенного эффекта, язык так же посредством осмысления может стать сетью, в которой лексика и общий смысл объединяются вместе и формируют несколько смежных понятий, их общий смысл помогает нам разобраться в окружающем мире.

На западе обращение к вышеизложенному методу осмысления языка также возможно. Если посмотреть внимательно, то мы всегда используем данный метод. Тоже касается текстов традиционной китайской медицины. Когда врач и пациент находятся вместе, то врач использует язык, как инструмент, для того, чтобы успокоить больного, взять с него обещание на дальнейшее самостоятельное лечение, а также установить новые связи. В исторических исследованиях китайской традиционной медицины, язык используется в качестве сети, в том числе и лексика, которая состоит из слов, близких по значению и связанных по смыслу (например, термин 鼻炎 *biyan* «насморк» можно понять по смежным понятиям, таким как 痰 *tan* «мокрота» и 鼻水肿 *bishuizhong* «отек»).

При рассмотрении перевода текстов традиционной китайской медицины помните, что все эти многообразные способы понимания речи очень полезны, возможно, посредством сравнения, переводчик каким-либо образом найдет решение проблемы. Данный способ преимущественно опирается на перевод методом следования языку, например, если при переводе какого-либо понятия полагаться только на словарь, то зачастую можно не ухватить подлинный смысл и намерения. Это очень сложный вопрос, потому что остальные методы, особенно в классическом понимании, весьма противоречивы. Это еще одна причина, почему экспертам и ученым необходимо выступать в одной переводческой команде для того, чтобы быть в курсе исторического и культурного контекста переводного текста.

Несколько отдельных вопросов, на которые особо необходимо обратить внимание при переводе китайской медицины.

1. Вопрос популяризации и заимствований

При переводе текстов традиционной китайской медицины, текст оригинала и текст перевода — проблема, достойная рассмотрения. Эту проблему также можно назвать европеизацией или ассимиляцией, она имеет следующее объяснение: «насколько переводчик может «ассимилировать» текст оригинала? Другими словами, до какой степени переводчик при переводе на целевой язык может прийти посредством лексических понятий и конструкций, прибегая к своим собственным методам, терминологии, а также знаниям и медицинским классификациям и другим культурологическим целям (т.е. понять посредством языка

перевода отражение культуры). Какого уровня должен достигнуть переводчик, чтобы сохранить культурологический смысл и структуру (посредством языка перевода выразить культуру), и не жертвовать выразительностью?

Этот вопрос является основным при переводе текстов китайской традиционной медицины, однако вызывает жаркие споры в кругах переводчиков. С одной стороны, некоторые сообщества заявляют о строгом сохранении текста оригинала как о восстановленном содержании и замысле, включая клиническое мышление, и к тому же гарантию того, что не будет проделан один способ изменения содержания. Остальные же говорят, что когда китайская медицина распространилась и на западе, содержание претерпело неизбежные изменения, поэтому склонность к переводам текстов — оригиналов является более подходящей. Обычно, мы согласны с одной из формулировок, которая гласит: «переводчик может найти золотую середину между читаемостью и индивидуализмом».

Вне зависимости от опыта и суждений, мы полагаем, что переводчик должен прилагать максимум усилий, для того чтобы преодолеть рубеж стилия целевого языка, выражающего особенности языка оригинала, конечно, одновременно остерегаемся того, чтобы не изменить язык перевода до странных форм. Иными словами, переводной текст позволяет человеку понимать прочитанное, но нет нужды в том, чтобы при чтении человек почувствовал, как родной язык переводчика является точкой опоры целевого языка.

Что касается китайской медицины, то, достичь данное равновесие часто бывает просто невозможно. Например, европейцы относительно умеренности, замен, стремления к холистической медицине, часто имеют склонность при переводе исходных текстов классической китайской медицины образовывать (вызов, проблему), т.к. метафоры в книгах по классической китайской военной медицине и половая дискриминация очень опасны. Допустим, что текст, по мнению переводчика, содержит не приемлемые для современного запада высказывания, то, как ему быть? В этом случае добавляется весьма полезная собой сноска, в которой описано из-за чего социальные изменения привели к несоответствующим взглядам, а не напрямую через текст. В тексте, не имеющем сносок, очень сложно понять, что же следует убрать, а что добавить.

2. Стиль и пунктуация

Стиль написания классических медицинских текстов также заслуживает внимания при переводе. Авторское «руководство» утверждает, что «душа» и «дары» языка влияют на модель письма того, кто его использует... необходимо запомнить правила и передать информацию. В ней может и не быть основного лексического состава, однако влияет на наше понимание и объясняет литературную точку зрения. Китайский язык тем более такой, его своеобразный ритм и синтаксис часто используется в пятистопных стихах или четверостишиях, формируя тем самым складную речь. Но когда эти стихи переводятся на европейский язык, то очень сложно скопировать структуру предложений, особенно потому что многие классические книги по медицине

написаны взъёном и без знаков препинания. Во время чтения переведенного произведения, очень важно, каким образом переводчик манипулирует жанром.

3. Многозначность

В китайской медицинской лексике часто встречается полисемия. Пусть даже в одинаковых литературных источниках одно и то же слово не всегда будет иметь одинаковое значение, и даже не всегда будет обозначать один предмет. Проблема полисемии, встречающейся в медицинских текстах при переводе, довольно сложная. В других технических сферах переводчик должен всегда одинаково переводить одну и ту же лексику. Но для медицинской сферы этот способ не подходит. Мы рекомендуем допустимый способ, который заключается в том, чтобы переводчик прибегнул к объективным методам для выведения отличающихся по смыслу многозначных слов. После разрешения ситуации, в процессе перевода будет наблюдаться последовательность.

4. Проблема использования терминологии

Повсеместная техническая лексика — важнейшая особенность китайской медицинской литературы, поэтому оценивается важность переведенного продукта и смотрится, как переводчик переводит техническую терминологию. Существует 3 способа, с помощью которых подбираются равнозначные слова к техническим терминам: 1. Сделать технический термин иноязычным заимствованием, то есть полностью заимствованным, например, написать на пхинине (транскрипции) ЦИ 气“qi”. Инь 阴“yin”, Ян 阳“yang” и т.п.; 2. Использовать иностранные технические термины. Этот принцип используется в основном при переводе 肾气不足 shenqibuzu «почечная недостаточность» (kidneyinvacuit), «нехватка» и «де-

фицит»; 3. Использование английской лексики, биомедицинского словаря иностранных слов, или, как правило, не использовать английские слова технического словаря.

Более того, важным моментом является то, каким образом переводчик или целая команда переводчиков используют современные терминологические стандарты медицины при переводе. Хотя эти стандарты пока не так широко распространены, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Всемирная организация китайского медицинского сообщества (WFCMS) и Уайзмэн, Фэн и его «практический медицинский словарь» все они имеют свои собственные таблицы перевода терминологических стандартов китайской медицины. Между таблицами существует большая разница, к тому же что на настоящий момент они не получили общепризнанного авторитета. Со временем создается база данных, в системе которой связывают лексику с различным переводом. На самом деле, какие стандарты более употребительны в отношении китайской медицины — вопрос, вызывающий всё ещё весьма острые споры. Критерий выбора перевода отнюдь не легкий, особенно, когда мы разбираемся в ситуации: некоторые термины китайской медицины были переведены терминами западной медицины согласно стандартам, по стандартам использовался более традиционный прием перевода. Конечно, существует большое количество разных личных предпочтений переводчика. А вообще, стандарты метода перевода не так важны, важно то, что переводчик с самого начала должен ясно показать, что он использует относительно оригинального текста, а так же почему. Например, если особый выбор переводчика отклоняется от имеющейся нормы (что часто бывает), тогда ему требуется связать выбранную лексику и стандарт приема перевода.

Литература:

1. Иванов, В. В. Терминология и заимствования в современном китайском языке. М.: Наука, 1973.
2. Дроздова, Т. В. Проблемы понимания научного текста / Т. В. Дроздова; Астрахан. гос. техн. ун-т. — Астрахань: Изд-во АГТУ, 2003. — 223 с.
3. К вопросу об образовании терминов иностранного происхождения в современном китайском языке // Актуальные проблемы лексикологии: Докл. 3-й межвуз. конф. 3–7 мая 1972 г. / Отв. ред. К. А. Тимофеев. Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1972. с. 162–170.
4. XuZ-Q (1994) ZhongyiShuyuDuoyixingJiBiaozhunhua (中医学术语多义性及标准化. 'PolysemyandStandardization-ofChineseMedicalTerminology').ShandongZhongyixueyuanZazhi山东中医学院杂志

Функционирование служебных слов древнекитайского языка в текстах китайских СМИ

Привороцкая Татьяна Викторовна, старший преподаватель
Клименко Екатерина Николаевна, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

Лексика любого языка постоянно подвергается изменениям. Некоторые элементы выходят из употре-

бления и в замену им появляются новые, которые начинают активно использоваться носителями языка. Тоже

самое произошло и с классическим китайским языком вэньнянь который использовался в Китае до 1905 года и являлся главным средством общекитайского общения, так как служил связующим звеном между различными китайскими диалектами.

В Китае до начала XX века письменный и разговорный языки развивались обособленно и поэтому в китайском языке отчетливо прослеживаются их отличия. Несмотря на то, что в результате студенческого движения 4 мая 1919 года вэньнянь потерял свой официальный статус, в современных письменно — книжных стилях, в том числе и в публицистическом, широко распространены элементы из древнего литературного китайского языка вэньнянь, так называемые вэньнянизмы. Тексты, включающие в себя вэньнянизмы, трудны для понимания. Можно отметить трудности, связанные с синтаксисом вэньнянь, с функциональной неоднозначностью служебных и знаменательных слов, с наличием слов и грамматических конструкций, никогда не встречающихся в разговорных стилях. Кроме этого, существуют слова, которые можно встретить и в древнем языке вэньнянь, и в современном китайском языке, но, несмотря на одинаковое написание, значения и способы употребления этих слов различны.

Для того чтобы рассмотреть функционирование служебных слов книжного языка в текстах китайских СМИ, для начала необходимо дать определение понятию вэньнянь. А.М. Карапетянц дает следующее определение этому понятию: «Вэньнянь (水) wényuán水) «культурная речь», «речь письмен» — это нормативный традиционный китайский литературный язык, начавший складываться на рубеже н.э. на основе классических текстов V—III вв. до н.э.: канонических, философских и исторических» [1, с 11].

Основываясь на работах В. А. Курдюмова, можно выделить следующие особенности вэньняня:

1. односложность лексических единиц;

Важной отличительной чертой вэньняня является его слоговый характер. В вэньняне большее количество слов являются односложными, в то время как в современном китайском языке — двусложными. Для записи текста на вэньняне, потребуется меньшее количество иероглифов, чем для записи того же текста на современном китайском языке;

2. предельно широкий диапазон «лексического» и «грамматического» значения, локализуемого только в контексте, благодаря чему возможны неоднозначные истолкования и переводы древних текстов;

3. опора на контекст, позволяющая избежать лишних прономинализаций (употребление местоимений); частое неупотребление подлежащих (переводчику или истолкователю приходится самому определять, от какого лица ведется истолкование, и про кого говорится);

4. отсутствие знаков препинания;

5. отсутствие аффиксации;

6. обилие специальных служебных слов (水) xīcí), чаще всего многозначных (水) céng «некогда» (水) zhě «тот, кто...» (水) zhī и др.) [3, с 139—139].

Вэньнянизмы (水) wényuán(cíyǔ) — это заимствования из старого литературного языка вэньнянь, употребляющиеся в современном китайском языке. К ним относятся слова, фразеологизмы и грамматические конструкции, пришедшие из вэньняня. Вэньнянизмы в качестве составной части входят в лексическую и синтаксическую систему китайского языка.

Все вэньнянизмы делятся на два основных типа:

1. лексика, пришедшая из вэньняня (слова, в том числе служебные, фразеологизмы);

Например:

水) érqǐè «но и», «к тому же»

水) gán'ég «но», «однако»

2. синтаксические фигуры — особые синтаксические конструкции, построенные на лексических и грамматических нормах языка вэньнянь;

Например: конструкции 水) suǒ...水) de и 水) wéi ...水) suǒ употребляются для субстантивации глагола [2, с.65—66].

Будучи лаконичным средством обозначения понятий, вэньнянизмы сохраняют в современном языке определенную степень активности, их употребление является одной из главных особенностей текстов современных китайских СМИ.

К наиболее употребительными служебным словам древнекитайского языка в текстах современных китайских СМИ можно отнести такие элементы как: 水) zhǐ水) zhě 水) é水) qí水) yǐ水) yān水) guò水) hū水) suǒ水) xiāng水) yě水) fú水) wèi水) wù, 水) fēi水) gán.

Рассмотрим значения нескольких из приведенных выше частиц.

水) éг в древнекитайском языке выполняло следующие функции:

1. Противительного либо соединительного союза, ставится после подлежащего или обстоятельства для их выделения или стоит перед главным сказуемым;

Например:

水) «Крепкие здоровые мужчины взяли оружие, и пошли воевать» (соединительная связь) [塞翁失马][4]

2. Выражение акцентирования, подчеркивания, употребляется между подлежащим и сказуемым;

Например:

水) «Если мать обманула своего ребенка, сын больше не будет ей верить, поэтому это неправильный метод воспитания» [«水) »]

В современном китайском языке, 水) выполняет следующие функции:

1. Сочинительного или противительного союза «и», «а», «но». Основная функция — соединение противопоставляемых или разграничиваемых частей сложного предложения;

Например:

100 水) «Более чем 100 лет спустя, люди на границе изменились, а железная дорога осталась, как и прежде»

2. Выражение условной связи;

Например:

小国而夜郎自大是可笑。《Если малое государство проявляет чрезмерное самомнение, то это смешно》

3. Выражение последовательной связи;

Например:

分而治之。《Разделяй и властвуй》.

Служебное слово 其 в древнекитайском языке выполняло следующие функции:

1. Местоимение «тот», «та», «то», «те»;

Например:

其父曰。《Его отец сказал》[《塞翁失马》]

2. Притяжательное местоимения «его», «ее», «их»;

Например:

其马奖胡骏马而归。《Его лошадь убежала и вернулась》[《塞翁失马》].

В современном китайском языке, 其 выполняет следующие функции:

1. Притяжательное местоимение — определения «его», «ее», «их», «свой»;

Например:

中国共产党的历史地位及其作用, 始终是与她的先进性联系在一起的。《Историческая роль коммунистической партии Китая, а также ее значение, всегда были связаны с ее прогрессивностью》

2. Местоимения выступает как подлежащее зависимого предложения;

Например:

其所以错误, 一是脱离我国经济政治文化发展状况的实际。《Это является ошибочным, потому что, во-первых, оторвано от реальности политического, экономического и культурного развития Китая》.

以 в древнекитайском языке употреблялось в следующих функциях:

1. Предлог «потому что», который вводит причину;

Например:

以跛之故, 父子相保。《Жизнь отца и сына была спасена, по причине его хромоты》[《塞翁失马》]

2. Предлог, со значением использования;

Например:

人曰: 《何不试之以足》。《Человек сказал: “почему бы не померить ее, используя ногу”?» [《郑人买履》].

В современном китайском языке, 以 выполняет следующие функции:

1. Предлог «с целью», «чтобы», «с тем чтобы», может вводить дополнение со значением основания действия, цели, инструмента, соответствует 以便 yǐbiàn;

Например:

同时, 内阁府还决定派出调查团, 以了解地震灾情。《Вместе с тем, правительство решило направить экспедицию, чтобы выяснить последствия землетрясения》.

2. Предлог 以 вводит дополнение со значением «сопутствующего фактора», причину действия или его цель;

Например:

投资者以其实力可以确定投资规模。《Инвестор в соответствии со своими реальными возможностями может определять объем инвестиций》.

3. Инструментальный предлог со значением «используя что-либо», «кем», «чем»;

Например:

以实际行动排除干扰。《Реальными действиями устранить помехи》.

4. Предлог «согласно, в соответствии», синонимичен 按照 ànzhào;

Например:

以次就坐。《Садиться по порядку》.

所 в древнекитайском языке выполняло следующие функции:

1. Служебное слово «тот, кого» или «то, что», которое с последующим глаголом образует именную конструкцию, обозначающий объект действия этого глагола;

Например:

子所言。《То, что сын сказал》[《庄子·外篇·天道第十三》]

2. Употреблялось в пассивной конструкции 为...所 wéi... suǒ;

Например:

火药为中国所发明。《Порох изобретён китайцами》[《鹬蚌相争》]

В современном китайском языке, 所 выполняет следующие функции:

1. Показатель пассивного определения;

Например:

扭曲了的竞争所造成的损害, 无比它所解决的问题多得多。《Вреда, создаваемого ущербной конкуренцией, несравненно больше, чем проблем, которые она решает (чем решаемых ею проблем)》

2. Употребляется в сочетании 所以 «потому» и 所谓 «так называемый»;

Например:

其所以错误, 一是脱离我国经济政治文化发展状况的实际。《Это является ошибочным потому что, во-первых, оторвано от реальности политического, экономического и культурного развития нашей страны》.

На основе результатов сравнения значений данных служебных слов в древних текстах и текстах китайских СМИ, можно сделать вывод, что функции некоторых из них частично совпадают с их функциями в современном китайском языке.

Например, служебные слова 而, 其, 以, 所 полностью сохранили в современном языке по одной из выявленных нами функций, имеющих у них в книжном языке, а именно:

— служебное слово 而 сохранило функцию противительного или соединительного союза;

— служебное слово 其 сохранило в современном языке функцию притяжательного местоимения — определения «его», «ее», «их», «свой»;

— служебное слово 以 полностью сохранило функцию инструментального предлога со значением «используя что-либо», «кем», «чем»;

— служебное слово 所 полностью сохранило функцию показателя пассивного времени.

Говоря о различиях, следует отметить, что их количество не превышает количество совпадений с функциями древнекитайского языка. Так, например служебное слово 而ér, помимо функций, пришедших из вэньяня, в современном китайском языке приобрело 2 новые дополнительные функции:

1. выражение условной связи;
2. выражение последовательной связи;

В современном китайском языке служебное слово 其qí помимо функций, пришедших из вэньяня, приобрело 1 новую дополнительную функцию местоимения, выступающего как подлежащее зависимого предложения.

Служебное слово 以yǐ помимо функций, пришедших из вэньяня, приобрело 2 новые дополнительные функции:

1. предлог 以yǐ вводит дополнение со значением «сопутствующего фактора», причину действия или его цель. Указывает на предмет, который имеет субъект в момент

совершения действий или на некоторое свойство субъекта, характеризующий признак;

2. предлог «согласно, в соответствии».

В современном китайском языке служебное слово 所suǒ помимо функций, пришедших из вэньяня, приобрело 1 новую дополнительную функцию, употребляясь в сочетании 所以suǒyǐ «потому» и

所谓suǒwèi «так называемый».

Таким образом, на основе сопоставления функций некоторых служебных слов древнекитайского языка с их функциями в текстах современных китайских СМИ, было доказано, что полные совпадения значений встречаются редко. Преобладают значения и варианты употребления, не встречающиеся в книжном языке, приобретенные со временем, а некоторые «старые» значения используются уже не так активно. В тоже время «новые» функции неразрывно связаны с первоначальными, и без обращения к книжному языку их невозможно понять.

Литература:

1. Карапетьянц, А. М. Учебник классического китайского языка вэньянь. Начальный курс / А. М. Карапетьянц, Тань Аошуан. — М.: Муравей, 2001. — 432с
2. Никитина, Т. Н. Грамматика древнекитайских текстов: Учебное пособие / Т. Н. Никитина. — Ленинград, 1982. — 148 с
3. Симоненко, Я. И. Понятие языка вэньянь и его классические черты / Симоненко Я. И., Шушарина Г. А. // Международный журнал экспериментального образования. — 2011. — № 8—327 с.
4. Привороцкая, Т. В. Особенности перевода кинодиалога с китайского языка на русский // Язык и культура: сб. статей XXIII Международной научной конференции. Томск: Издательство Томского университета, 2013. С 90—92.
5. Привороцкая, Т. В., Тихонова Е. В. Формирование механизма переключения с китайского языка на русский посредством анализа кинотекста // Язык и культура. 2015. № 1 (29). Томск: Издательство Томского университета. С. 38—44.
6. Тихонова, Е. В., Минакова Л. Ю. Компоненты профессиональной компетентности переводчика в сфере устного последовательного перевода (китайский язык) // European Social Journal. 2013. № 8 (35). с. 283—290.
7. Тихонова, Е. В. Обучение будущих лингвистов устному последовательному переводу на основе анализа дискурса аудио- и видеоматериалов (китайский язык; профиль «Перевод и переводоведение»): автореферат дис... кандидата педагогических наук: 13.00.02 / Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова. Томск, 2014
8. Яхонтов, С. Е. Древнекитайский язык / С. Е. Яхонтов. — М.: Наука, 1965. — 115 с.
9. 汉语纵横古文选读 / 崔立斌 编著. — 北京语言大学出版社, 2012. 7. — 157 с.
10. 人民日报 // 2002.12.19

Проблема гениальной личности в романе Дэниела Киза «Flowers for Algernon»

Прохорова Ольга Николаевна, доктор филологических наук, профессор;

Близнюк Екатерина Игоревна, магистрант

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Идеи романа формировались Дэниелом Кизом в течение 14 лет, начиная с 1945 года (началом зарождения психолингвистики) с его конфликта с родителями, которые настояли на прохождении им курсов для поступающих в медицинские вузы, вопреки его же-

ланию стать писателем. Основные события произошли в 1957 г., когда Киз преподавал английский язык в школе для детей с ограниченными интеллектуальными способностями; один из учеников спросил у него, сможет ли он перевестись в обычную школу, если будет старательно за-

ниматься и станет умным. Этот ученик стал прототипом главного персонажа рассказа — Чарли Гордона. Другие персонажи из книги так же основаны на людях из жизни Киза. Элдджернон был вдохновлён занятиями по препарированию в университете, а его имя было взято от поэта Алджернона Чарльза Суинберна. Образы Неймура и Штраусса — учёных, которые разработали хирургию повышения интеллекта, основаны на профессорах, которых Киз встретил, изучая психоанализ [3, с. 97].

Примечателен тот факт, что именно начало 60-х гг. XX столетия ознаменовано изменением роли и функции литературоведения и, как следствие этого, изменением специфики самой литературы. Мировоззренческие установки Д. Киза являются протестом против ставших уже традиционными критериями оценки действительности. Во главу угла ставится необходимость многовариантных форм человеческого существования, конечность и безысходность человеческого бытия и необходимость преодолевать и принимать данное знание. Разработка вопроса и проблема адаптации человека с умственными отклонениями породила многочисленный интерес не только читателей, но и литературных критиков, людей науки и деятелей искусства.

В 60-е годы XX столетия в развитии художественной прозы вырисовывается тенденция к совершенствованию приемов и методов психологического анализа. Интерес создателей художественной прозы к личной жизни человека способствовал усиленной разработке ими средств психологического анализа внутреннего мира героев. В эти годы интерес к человеческой личности усиливается, человек становится главным объектом авторского внимания. Также этот период отмечен сложными противоречивыми процессами переосмысления возможностей и границ человеческой индивидуальности. Учения об истинности прошлых десятилетий превращаются в закрытую самодостаточную структуру, не способную критически осмыслить свою ограниченность и относительность [1, с. 673].

Таким образом, актуальность темы статьи обусловлена не только социальной остротой материала исследования, но и внутренним переживанием и поиском самого себя в этом мире. Проблема образов в филологии сложна и требует дополнительного раскрытия, особенно в ситуации, когда автор или произведения мало изучены или когда создан необычный персонаж.

Цель нашего исследования — выявление художественных инструментов, позволяющих создать образ гениальной личности, а также обращение к теме познания человеческой сущности литературном произведении (романе Д. Киза «Flowers for Algernon» (1966) и одноименном рассказе (1959)).

Перед началом исследования темы гениальности в романе Д. Киза обратимся к этимологии слова «гений» в культурно-историческом аспекте.

При рассмотрении личности стоит учитывать некоторые особенности данного понятия. С.И. Ожегов так

дает определение данного понятия в толковом словаре: «Гений, — я, м. 1. Высшая творческая способность. 2. Человек, обладающий такой способностью. 3. В древнеримской мифологии: дух — покровитель человека, позже — вообще олицетворение добрых или злых сил [2, с. 128]. Словом «герой» древние греки первоначально называли дух умершего, влияющего на живых. Героями считались души выдающихся предков, вождей. Затем понятие расширилось к героям стали причислять некоторых людей, родившихся от союза богов со смертными. Герои — благодетели людей, истребители чудовищ, разбойников, борцы с враждебными демонами. Как уже было сказано выше, гений представляет собой не просто высшую степень одаренности, он связан с созданием качественно новых творений. Его внутренняя сущность всецело подчиняется творчеству для достижения намеченной цели и решения поставленной задачи. Легко заметить, что гении постоянно прибегают к особым стратегиям мышления, отличительной особенностью которых является образность и метафоричность [6].

В романе «Flowers for Algernon» главный герой Чарли Гордон стремился стать умным. Это заявление мы встречаем уже в его самом первом отчете: “I want to be smart” [4, с. 1]. Также Чарли часто использует профессиональные (медицинские) термины: «science», «psychology laboratory», «thematic apperception test», «inkblot», «subconscious and conscious». Это вновь характеризует его огромное желание стать умным, он узнает значения сложных для него слов, учится их правильно писать.

Важным для него становится цель завоевать уважение и признание его родителей:

«Then I was gone to try and find my mom and dad. They would be surprised to see how smart I got because my mom always wanted me too be smart to. Mabeey they wouldnt send me away no more if they see how smart I am» [5].

Для Чарли Гордона стать гением — значит доказать всему обществу, а главное, самому себе и своей семье, что он достиг своих целей и им могут гордиться. Чарли пытается излечить душевные раны самореализацией в различных областях науки. Ведь с детства ему четко дали понять, что он не такой как все, и ему никогда не стать нормальным членом общества. Обращение к матери, просьба дать второй шанс на материнскую любовь и ласку является своеобразным криком души: “I’m normal now. I’m not retarded any more. I’m not a moron. I’m just like anyone else. I’m normal-just like you and Matt and Norma. I’m smart now, smarter than Norma, or Uncle Herman, or Matt. I know things even college professors don’t know. Talk to me! You can be proud of me now and tell all the neighbors. You don’t have to hide me in the cellar when company comes” [4, с. 184].

И одним из наиболее значимых становится желание превзойти в интеллектуальном испытании мышшь по имени Элдджернон, которой уже сделали операцию по возвращению интеллекта: «... I hate that mouse. He always beets

me... I never new before that I was dumber than a mouse... Maybe someday Ill beat Algernon» [5].

По мере того, как эволюционирует главный герой, мы видим признание его гениальности другими персонажами романа: “... but you’re a genius. You’ll keep going up and up, and see more and more. And each step will reveal worlds you never even knew existed” [4, с. 55].

Ученые, которые провели операцию по созданию искусственного интеллекта Чарли, также признают его гениальность: “You’ve got a superb mind now, intelligence that can’t really be calculated, more knowledge absorbed by now than most people pick up in a long lifetime. But you’re lopsided. You know things. You see things. But you haven’t developed understanding, or-I have to use the word-tolerance. You call them phonies, but when did either of them ever claim to be perfect, or superhuman? They’re ordinary people. You’re the genius” [4, с. 106].

Таким образом, к главному герою приходит понимание того, насколько он превзошел в интеллектуальном плане окружающих его людей, в том числе многих видных ученых: “Am I a genius? I don’t think so. Not yet anyway.

As Burt would put it, mocking the euphemisms of educational jargon, I’m exceptional — a democratic term used to avoid the damning labels of gifted and deprived (which used to mean bright and retarded) and as soon as exceptional begins to mean anything to anyone they’ll change it. The idea seems to be: use an expression only as long as it doesn’t mean anything to anybody. Exceptional refers to both ends of the spectrum, so all my life I’ve been exceptional” [4, с. 47].

Однако, в погоне за гениальностью, признанием и самоутверждением Чарли теряет самого себя. Он уже не тот открытый, добрый, доверчивый человек. По мере развития умственных способностей впечатлительность чело-

века растет и достигает наибольшей силы в гениальных личностях, являясь источником страданий и славы. Гениальность обрекает Чарли на одиночество и непонимание. Если в первом случае одиночество было вызвано жестоким и насмешливым обращением окружающих с Чарли, то после достижения цели на пути к гениальности, главный герой сам отворачивается от общества, замечая изъяны и несовершенство каждого человека.

В связи с выше сказанным, на главный план выходит следующий вопрос: может ли гениальность сделать человека счастливым в полной мере? На этот вопрос нельзя ответить однозначно. Действительно, после операции Чарли стремительно выходит на совершенно новый интеллектуальный уровень, превышающий норму, и закономерно становится тщеславнее. Гений не может быть лишен эгоизма и тщеславия полностью. В характере Чарли стало меньше легкости, открытости, детскости, которой так не хватает «нормальным» взрослым. Один лишь разум, даже сверхгениальный, не способен дать человеку возможность почувствовать и увидеть все краски жизни. Однако опыт, полученный главным героем, позволяет ему приблизиться к совершенству, к своеобразной вершине собственного развития и взглянуть на мир с другого ракурса. Более того, обращение к столь новой проблеме в литературе дает читателю возможность задуматься над всеми проявлениями человеческого разума — от несостоятельности понимать устройство жизни до полного его постижения. Чарли Гордону не удалось совершить чудо, но его намерения были истинно человеческими. Дэниелу Кизу удалось достучаться до читателей, заставив каждого на миг задуматься о гуманности, научив задумываться не только о собственных проблемах, но и о проблемах общества, жизнь и гармония в котором зависит от каждого из нас.

Литература:

1. Грицанов, А.А. Постмодернизм. Энциклопедия / А.А. Грицанов. — Минск: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. — 1040 с.
2. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. — 4-е изд., дополненное / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — М.: ООО «А ТЕМП», 2006. — 944 с.
3. Keyes Daniel Flowers for Algernon. Harvest Books, 2004. — 320 с.
4. Keyes, D. Flowers for Algernon / D. Keyes. Mariner Books, 2004. — 311 с.
5. Keyes, D. Flowers for Algernon (short story):. 1959. [Электронный ресурс] Режим доступа. — URL: http://www.oglethorpe.edu/faculty/~m_rulison/Honors/SpeculativeFiction/Documents/Keyes,%20Daniel%20-%20Flowers%20for%20Algernon.pdf
6. Пасхалов, А. Удивительная этимология. [Электронный ресурс] Режим доступа. — URL: <http://readr.ru/analytoliy-pashalov-udivitelnaya-etimologiya.html?page=4>

About stylistic devices in literature (through the example of William Shakespeare's plays)

Рашидов Абдулазиз Мухаммадмурадович, студент;
Куимова Марина Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Rashidov Abdulaziz Mukhammadmuradovich, student;
Kuimova Marina Valeryevna, PhD in Methods of TFL
National research Tomsk polytechnic university

*Literature adds to reality, it does not simply describe it.
It enriches the necessary competencies that daily life requires and
provides; and in this respect, it irrigates the deserts that our lives have
already become.*

C. S. Lewis

In the broadest sense, imagery (vivacity, visibility, colorful images) is an essential attribute of any type of art, a type of reality awareness from the aesthetic standpoint. Imagery receives the most complete manifestation in literature. It is achieved by means of various stylistic devices: metaphor, metonymy, figurative comparison, epithet, paraphrase, rhetorical question, ellipse, etc.

Here, there are some examples of stylistic devices in W. Shakespeare's plays:

1) Metaphor (a way of describing something by referring to it as something different and suggesting that it has similar qualities to that thing) [6].

e.g. "Look, love, what envious streaks
Do lace the severing clouds in yonder east.
Night's candles are burnt out, and jocund day
Stands tiptoe on the misty mountain tops." (from "Romeo and Juliet").

Rush on his host, as doth the melted snow
Upon the valleys, whose low vassal seat
The Alps doth spit and void his rheum upon (from "Henry V").

2) Metonymy (is a figure of speech in which a thing or concept is not called by its own name, but by the name of something intimately associated with that thing or concept) [3].

e.g. Friends, Romans, countrymen, lend me your ears
(from "Julius Caesar").

3) Simile (an expression that describes something by comparing it with something else, using the words "as" or "like" [10].

e.g. Doubtful it stood,
As two spent swimmers that do cling together
And choke their art (from "Macbeth").
Is love a tender thing? It is too rough,
Too rude, too boisterous, and it pricks like thorn (from "Romeo and Juliet").

4) Hyperbole / exaggeration (a way of describing something by saying it is much bigger, smaller, worse etc. than it actually is) [4].

e.g. Thy crown does sear mine eyeballs (from "Macbeth").
Will all great Neptune's ocean wash this blood
Clean from my hand? No, this my hand will rather
The multitudinous seas incarnadine,
Making the green one red (from "Macbeth").

5) Allegory (the representation of abstract ideas or principles by characters, figures, or events in narrative, dramatic, or pictorial form [1].

e.g. Call me but love and I'll be new baptized (from "Romeo and Juliet").

6) Personification (the representation of a thing or a quality as a person, in literature or art) [8].

e.g. From love's weak childish bow, she lives uncharmed
(from "Romeo and Juliet").

No night is now with hymn or carol blessed.
Therefore the moon, the governess of floods,
Pale in her anger, washes all the air,
That rheumatic diseases do abound (from "A Midsummer Night's Dream").

7) Parallelism (when writer logically links two ideas by using parallel grammatical forms within a sentence) [7].

This royal throne of kings, this scepter'd isle,
This earth of majesty, this seat of Mars,
This other Eden, demi-paradise,
This fortress built by Nature for herself
Against infection and the hand of war,
This happy breed of men, this little world,
This precious stone set in the silver sea,
Which serves it in the office of a wall,
Or as a moat defensive to a house,
Against the envy of less happier lands,
This blessed plot, this earth, this realm, this England ...
(from "Richard II").

8) Allusion (something said or written that mentions a subject, person etc indirectly) [2].

Well, in that hit you miss. She'll not be hit
With Cupid's arrow. She hath Dian's wit.
And, in strong proof of chastity well armed

From love's weak childish bow, she lives uncharmed (from "Romeo and Juliet").

9) Repetition (When a specific word, phrase, or structure is repeated several times, usually in close proximity, to emphasize a particular idea) [5].

e.g. O wonderful, wonderful, and most wonderful wonderful, and yet again wonderful, and after that, out of all whooping! (from "As You Like It").

10) Pun (an amusing use of a word or phrase that has two meanings, or of words that have the same sound but different meanings) [9].

e.g. It is the unkindest tied that ever any man tied (from "Richard III").

Claudius: But now, my cousin Hamlet, and my son —
Hamlet: [aside] A little more than kin, and less than kind (from "Hamlet").

Thus, the use of various stylistic devices makes any literary work interesting, fascinating and gripping for reading.

References:

1. Allegory. The free dictionary. URL: <http://www.thefreedictionary.com/allegory> (accessed May 30, 2015).
2. Allusion. <http://www.ldoceonline.com/dictionary/allusion> (accessed May 30, 2015).
3. Figures of speech — definition and examples of metonymy. URL: http://www.myenglishpages.com/site_php_files/writing-metonymy.php (accessed May 30, 2015).
4. Hyperbole. Longman Online Dictionary of Contemporary English. URL: <http://www.ldoceonline.com/dictionary/hyperbole> (accessed May 30, 2015).
5. Literary Devices. URL: <http://english.learnhub.com/lesson/4025-literary-devices> (accessed May 30, 2015).
6. Metaphor. Longman Online Dictionary of Contemporary English. URL: <http://www.ldoceonline.com/dictionary/metaphor> (accessed May 30, 2015).
7. Parallelism. <https://stylisticwriting.wordpress.com/parallelism/> (accessed May 30, 2015).
8. Personification. Longman Online Dictionary of Contemporary English. URL: <http://www.ldoceonline.com/dictionary/personification> (accessed May 30, 2015).
9. Pun. Longman Online Dictionary of Contemporary English. http://www.ldoceonline.com/dictionary/pun_1 (accessed May 30, 2015).
10. Simile. Longman Online Dictionary of Contemporary English. URL: <http://www.ldoceonline.com/dictionary/simile> (accessed May 30, 2015).

About some difficulties of literary translation

Рашидова Азиза Фархадовна

Узбекский государственный университет мировых языков (г. Ташкент, Узбекистан)

Rashidova Aziza Farkhadovna

The Uzbek State world languages university, Tashkent Uzbekistan

Language is the most important mean in the communication and conversation process of people with each other. This conversation is implemented both oral and written form. People who speak the same language can communicate each other without any other means but it is problematic for people with different languages. Translation plays an important role in solving such kind of problems. The necessity and requirement for translators and their duties are becoming more essential issue.

The significance of translation is, and would remain for many years, very high. A literary work created in one language, any scientific invention, their translation and the changes during the translation cause two contrary opinions among scientists. Some specialists say that translation is the rendering the words from one language into another and it can't express the feelings and main aim of the author. On the

contrary, others say that a perfect language can express the full meaning of any creative work written in another language.

According to the opinions given above I am going to emphasize the translation of literary works and some difficulties met during the translation process. The three following ways are widely used in the translation of literary works.

1. *Word for word translation*. This way is the kind of translating the text without any changes from semantic or logical sides. It often serves as a base in expressing the topic more widely.

2. *Logical translation*. This way is used for opening the idea of the source text. This kind of translation widely uses the lexical and syntactic changes in the language and delivers the feelings and emotions to the reader.

3. *Literary translation*. This kind of translation way demands being creative together with translating skill. In con-

sequence, this way is causing many arguments and contrasts of opinions in science.

One of the most often met difficulties in translation is that the source and target languages belong to different cultures. For instance, works which are written in Arabic are full of sacred pieces taken from the Koran and their translation and meaning may be difficult to understand for people of other religion. As a result, understanding different cultures becomes more difficult than understanding different languages. Another difficulty is the translation of the text which describes the traditions belonging to some nation or a certain area. Let's take the "kidnapping girl" tradition of Kazakh people as an example. This is an ordinary situation for Kazakh people, but for the people of other nations it may be regarded as breaking human rights or out-of-date custom. Also, the words or terms belonging to a certain nation or area may have no equivalent in another language. In the cases like this the translator should give definition to these words.

As it is seen the syntactic ways of two languages can't always suit with each other. In the word for word translation of the text the syntactic norms of the language are broken. As a result of this the meanings in source and translated texts are sometimes different from each other. The language of the author and his aim are definite, but the expressing way is unfamiliar for the target language. A translator should deliver the feelings and emotions of the author and characters by using necessary methods of literature.

The following methods are used in the editing process of some texts in literary translation.

– Epithets are translated considering the described word and its usage by the structure and semantic peculiarities;

– Comparisons are translated considering the stylistic diversity of the text;

– Metaphors are translated semantically considering the interactions among the characters;

– Neologisms are translated by using new, modern words keeping the original meaning;

– Irony is translated by comparing the incomparable words in the contrast way;

– Topology and sensible names — the names of places and people are translated by keeping the meaning in order to make impression on readers.

– The syntactic peculiarity of the source text: — it is considered an appropriate way of translation joining short sentences into one long, and dividing long sentences into short meaningful ones.

– The language of dialect is mainly expressed by the words and phrases which exist on the target language.

Any translation work should indicate the skill and peculiarity of the translator. Therefore, the main duty of the translator is trying to create the perfect translation of the work by using all the skill and methods existing in the language.

Certainly, alternations, omissions and additions are used in any translation. Even in in any perfect translation work the difference from the source text is visible. The amount of these diversities shows the quality of the translation.

Literary translation is such kind of art which requires creativeness and writing skills from the translator. The translator always works on his language and method as a writer, watches the changes in language and serves as a bridge in the awareness of readers from world literature.

References:

1. Dakowska M. 2005 Teaching English as a foreign language. A guide for professionals. Warsaw, Poland
2. Саленко О.Ю. Проблемы художественного перевода художественного произведения. — bestreferat.ru/referat-97160.html
3. Алтайбаева Д.Ю. Мир перевода. — Лотос-Астана, 2008
4. Казакова Т.А. Практикум по художественному переводу. — Спб: Союз.

Особенности семантики фразеологических единиц с компонентом голова во вьетнамском и русском языках

Савилова Светлана Леонидовна, преподаватель;

Нгуен Кунь Ань, студент

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Вьетнамский язык имеет тысячелетнюю историю. За это время в нем накопилось большое количество выражений, которые люди нашли удачными, меткими и красивыми. Так и возник особый слой языка — фразеология, совокупность устойчивых выражений, имеющих самостоятельное значение.

Актуальность данного исследования заключается в том, что во вьетнамском языке многие занимаются из-

учением русского языка — по популярности он является бесспорным лидером. Хорошее владение языком, в том числе и вьетнамском, невозможно без знания его фразеологических особенностей. Знание фразеологии чрезвычайно облегчает чтение как публицистической, так и художественной литературы. Разумное использование фразеологизмов делает речь более красочной и насы-

щенной. С помощью фразеологических выражений, которые не переводятся дословно, а воспринимаются, через переосмысление усиливается эстетический аспект языка. С помощью идиом, как с помощью различных оттенков цветов, информационный аспект языка дополняется чувственно-интуитивным описанием нашего мира, нашей жизни. Мир фразеологии современного вьетнамского языка велик и многообразен, и каждый аспект его исследования, безусловно, заслуживает должного внимания. Наиболее интересным и важным, на наш взгляд, является изучение соматических фразеологизмов, поскольку большинство идиом связано с человеком, с разнообразными сферами его деятельности. Кроме того, человек стремится наделить человеческими чертами объекты окружающего мира, в том числе и неодушевленные. Изучение иностранного языка — это один из способов постижения новой национальной культуры, попытка приобщения к ней. Фразеология, являющаяся неотъемлемой частью и своеобразной сокровищницей любого языка мира, может особенно сильно способствовать этому приобщению. Фразеологизмы отражают многовековую историю народа, своеобразие его культуры и быта.

Целью работы является выявление на основе сопоставительного анализа универсальных характеристик и национально-культурных особенностей семантики фразеологических единиц с компонентом голова во вьетнамском и русском языках. Большая часть вьетнамских фразеологизмов, связанных с номинациями «части тела» совпадают по смыслу и образности. Фразеологические единицы с компонентом-«голова» представляют особый слой как вьетнамского, так и русского языков.

Фразеологизмы — это яркие, образные выражения. Поэтому они — важное экспрессивное средство языка, используемое писателями как готовые образные определения, сравнения, как эмоционально-изобразительные характеристики героев, окружающей действительности и т.п. [1]. Предметом фразеологии раздела языкознания является исследование природы фразеологизмов и их категориальных признаков, а также выявление закономерностей функционирования их в речи [2]. Например, К. Паустовский в романе «Дым отечества», характеризуя действие одного из героев, вместо слов не задумываясь, бездумно употребляет фразеологизм *очертя голову*: «Ее привлекала в нем ребячливость, склонность увлекаться очертя голову, рыцарство, ироническое отношение к самому себе».

Фразеологизмы вьетнамского языка во многом похожи на фразеологизмы русского языка. В качестве материала для анализа мы выбрали фразеологизмы с ключевым словом *голова*, так как на наш взгляд, этот материал отражает основные особенности фразеологизмов в русском и вьетнамском языках.

Компонент «голова» (*đầu*) в русском и во вьетнамском языках имеет следующие значения: фразеологические единицы, выражающие физическое состояние человека, движение, перемещение и характер движения; фразеоло-

гические единицы образа действий и деятельности человека. Через выражение пословиц, идиом скрытно и глубоко показаны мысли и чувства все то, что должно быть сказано. Фразеологизмы означают деятельность человека, его поступки и поведение. Также есть фразеологизмы, которые показывают быстроту действия.

Проведенное исследование соматических (соматические фразеологические единицы представляют собой средства номинации явлений окружающего мира, которые человек объективирует в своём сознании и соизмеряет со своим собственным образом.) фразеологических единиц с компонентом «голова» позволяет сделать вывод о том, что данное поле во вьетнамском языке еще не настолько хорошо изучено, как хотелось бы. Комплексный анализ соматических фразеологических единиц с компонентом «голова» позволяет выявить их структуру, семантику и функциональность, что способствует более полному и глубокому пониманию языковой картины мира говорящих стран [3].

Во Вьетнаме, когда говорят о сложном деле, которое маловероятно выполнить: «Голова краба, ухо сома»: *Đầu cua tai heo* [4].

Если работа начинается хорошо, выгодно, то в следующих шагах будет гладкой и красивой, мы говорим: *Đầu xuôi đuôi lọt* — «Голова пройдет, то хвост тоже может» [5].

«Голова мародера, хвост похитителя» — *Đầu trộm đuôi cướp*: Это люди, которые специализируются на краже, грабеже [6].

«Голова волны, верхушка ветра» — *Đầu sóng ngọn gió*: место для жизни для борьбы с этими трудностями, самая большая опасность. Когда вы решите делать что-либо, вы никогда не будете виноваты в этом [7].

«Голова карпа, бровка карася, губа леща» — *Đầu cá chép, mép cá trôi, môi cá mè*: голова карпа, бровка карася, губа леща считается любимым деликатесом многих людей [8].

«Голова курицы, щека свиньи» — *Đầu gà má lợn*: это считается вкусной пищей [12].

«Голова курицы лучше, чем хвост феникса» — *Đầu gà còn hơn đuôi phượng*: это значит лучше быть начальником, чем быть прислугой для других [9].

«Голова коровы, голова с опухолью» — *Đầu bò đầu bướu*: это очень строптивый, упорный человек [10].

«Голова падает, кровь льет» — *Đầu rơi máu chảy*: война, массовые убийства [11].

Особенности функционирования помогают овладеть литературными нормами словоупотребления. Результаты проведенного исследования расширяют представления о культуре России и Вьетнама и могут быть полезны для переводчиков вьетнамского языка. Благодаря процессу исследования фразеологизмов мы расширяем знания, даже люди изучающие родной язык, тоже не всегда понимают значения фразеологизмов своей страны. Фразеологизмы во вьетнамском и русском языках не всегда совпадают.

Оказалось, что названия частей тела являются одними из наиболее часто участвующих слов в образовании фразеологизмов. Они имеют символический характер и образы, понятные для носителей и русского, и вьетнамского языков: видимо, используя названия частей тела в переносном значении, человек старается полнее передать свои мысли и произвести большее впечатление от сказанного. И что самое интересное, образы сходны в исследуемых языках.

«Иметь **голову** на плечах» — «*Thông minh hơn hẳn một cái đầu*».

«намылить **голову** (шею)» — «*Thay đổi cách nghĩ trong đầu*».

В русском языке, когда говорят о работе, которая уже закончилась, но не принесла ожидаемого результата: «не жалею о том, что сделано», «снявши голову, по волосам не плачут» [13]. «Хвост голове не указка»: говорит о том, что малоопытный человек не должен поучать, давать советы, человеку, обладающему опытом [14]. «Хлеб — всему голова»: имеется в виду, что хлеб является главным на обеденном столе. С хлебом и сытнее и вкуснее [15].

«Свой ум — царь в голове»: эта пословица говорит о том, что умный человек может жить по собственному указу, а глупому лучше делать так, как говорят другие [16].

«Рыба с головы гниет»: это значит, что в любом коллективе, большом или маленьком будь то семья, работа, страна, все зависит от лидера [17]. «Дурная (непутевая)

голова ногам покоя не дает»: прежде чем действовать, надо хорошо подумать [18].

Таким образом, если языки восходят своими заимствованиями к одному первоисточнику, можно говорить об образной и стилистической схожести таких фразеологизмов, которые настолько стали привычными и для русского, и для вьетнамского языка, что мы не задумываемся об их происхождении.

При переводе с языка на язык часто происходит смена образности. Это настолько интересное явление для вьетнамского и русского языков. Так наблюдаем различие образов в следующих фразеологических единицах: «*Đầu đối đầu, mặt đối mặt*» (голова к голове, лицо к лицу) — «с глазу на глаз».

С компонентом «голова» вьетнамский, русский народ создал довольно много пословиц, идиом. Таким образом, с помощью фразеологических выражений, которые схожи с образами в русском и вьетнамском языках, а также которые не переводятся дословно, а воспринимаются пересмысленно, усиливается понимание языка. Изучение фразеологии составляет в усвоении языка и повышении культуры речи. Каждый вопрос элиты, активов, ситуация, порядка и обстоятельств, а также использовать различные значения. Компонент «голова» в составе фразеологизма имеет ярко выраженную национально-культурную специфику, которая предопределяет его ассоциативные связи и при использовании его в отношении к людям придает определенное значение.

Литература:

1. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В. В. Лексикология и лексикография: Избр. Тр. — М.: Наука, 1986.
2. Телия, В. Н. Фразеологизм // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — 2-е изд. — М.: Большая российская энциклопедия, 1998. — с. 559–560.
3. Вьетнамский фразеологический словарь — *Từ điển tục ngữ tiếng việt* [Электронный ресурс]. URL: http://rongmotamhon.net/mainpage/tudien_thanhngu_0_8.html#1 (дата обращения: 05.04.2015).
4. Энциклопедические знания — *Từ điển soha* [Электронный ресурс]. URL: http://tratu.soha.vn/dict/vn_vn/%C4%90%E1%BA%A7u_cua_tai_nhe??? (дата обращения: 05.04.2015)
5. Энциклопедические знания: *Từ điển soha* [Электронный ресурс]. URL: http://tratu.soha.vn/dict/vn_vn/%C4%90%E1%BA%A7u_xu%C3%B4i_%C4%91u%C3%B4i_1%E1%BB%8Dt (дата обращения: 05.04.2015).
6. Источник: энциклопедические знания: *Từ điển soha* [Электронный ресурс]. URL: http://tratu.soha.vn/dict/vn_vn/%C4%90%E1%BA%A7u_tr%E1%BB%99m_%C4%91u%C3%B4i_c%C6%B0%E1%BB%9Bp (дата обращения: 05.04.2015).
7. Энциклопедические знания: *Từ điển bách khoa tri thức* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bachkhoatrithuc.vn/encyclopedia/2600-10-633631191612780000/D-D---Da-boc-xuong-Dut-tay-hay-thuoc/Dau-song-ngon-gio.htm> (дата обращения: 05.04.2015).
8. Энциклопедические знания: *Từ điển bách khoa tri thức* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bachkhoatrithuc.vn/encyclopedia/2600-10-633631185832936250/D-D---Da-boc-xuong-Dut-tay-hay-thuoc/Dau-ca-cher-ter-ca-troi-moi-ca-me.htm> (дата обращения: 05.04.2015).
9. Энциклопедические знания: *Sa dao và tục ngữ* [Электронный ресурс]. URL: <http://e-cadao.com/tieuluan/cadao-odongdao/gavacadaotucngu.htm> (дата обращения: 05.04.2015).
10. Энциклопедические знания: *Từ điển bách khoa tri thức* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bachkhoatrithuc.vn/encyclopedia/2600-10-633631184142467500/D-D---Da-boc-xuong-Dut-tay-hay-thuoc/Dau-bo-dau-buou.htm> (дата обращения: 05.04.2015).

11. Энциклопедические знания: Từ điển bách khoa tri thức [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bachkhoatritruc.vn/encyclopedia/2600-10-633631191338092500/D-D---Da-boc-xuong-Dut-tay-hay-thuoc/Dau-roi-mau-chay.htm> (дата обращения:05.04.2015).
12. Энциклопедические знания: Ca dao và tục ngữ [Электронный ресурс]. URL: <http://cadao.me/thanh-ngu-tuc-ngu/dau-ga-ma-lon/> (дата обращения:05.04.2015).
13. Энциклопедические знания: [Электронный ресурс]. URL: <http://slovarick.ru/977/> (дата обращения:05.04.2015).
14. Энциклопедические знания: [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/388974/%D1%85%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82 (дата обращения:05.04.2015).
15. Энциклопедические знания: [Электронный ресурс]. URL: <http://hlebosol.info/folk/poslovica/tolkovanie/> (дата обращения:05.04.2015).
16. Энциклопедические знания: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.poskart.ru/svoi-um-carj.html> (дата обращения:05.04.2015).
17. Энциклопедические знания: [Электронный ресурс]. URL: <http://slovarick.ru/898/> (дата обращения:05.04.2015).
18. Энциклопедические знания: [Электронный ресурс]. URL: <http://slovarick.ru/370/> (дата обращения:05.04.2015).

Жанры интернет-коммуникации студенческого сообщества

Савилова Светлана Леонидовна, преподаватель;

Чанг Тхюи Зыонг, студент;

Нгуен Тхи Ань, студент

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Мир в последнее десятилетие XXI века, особенно после осуществления научно-технической революции в 80-х годах, испытал феноменальный и очень мощный рост с целого ряда экономических достижений: научно-технического, политического, социального. Интернет становится средством коммуникации, распространенным инструментом в жизни молодежи. Целью работы является изучение роли компьютерной коммуникации молодежи и языковых особенностей (лексического и грамматического) как разновидности интернет — коммуникации.

Интернет-коммуникация — это способ общения, при котором информация передается, обменивается, по каналам Интернета с использованием стандартных записей. На данный момент передача информации по традиционному механизму (письмо, телеграмма) используется нерегулярно, и быстро замещаются новыми технологиями — обмен мгновенными сообщениями, электронная почта, передача голоса и видео через Интернет (*чат, блог, социальные сети*) в различных формах — голос, видео, документы, файлы. Развитие цифровых технологий и компьютерной сети Интернет к взаимодействию «человек-компьютер» добивает возможность коммуникации «человек-компьютер-человек» [1]. Интернет — коммуникация предоставляет современную речевую формацию в человеческом обществе. Участниками общения компьютерной коммуникации являются молодые люди в возрастной группе от 16 до 25 лет, которые создают свой собственный «Интернет-язык».

Пространство Интернета позволяет сообществам, группам, нациям иметь возможность понимания и обмена экономической, политической, социальной и культурной информации. Общение непосредственно при по-

мощи Интернета приносит пользу молодежи расширить многообразие связей. Активная информатизация современного общества является важнейшим фактором его развития, оказывающим влияние на коммуникацию разных уровней, что привело к развитию инфосферы, главная цель которой — сделать информацию доступной различным категориям пользователей в удобное для них время и в любом месте. Следовательно, доминантным целям и ценностям в современном обществе соответствует потребность в информатизации [2]. Формирующееся информационное сообщество отличают не только формы и способы накопления, сохранения, передачи и переработки информации, сколько новые виды коммуникации и их протекание через социум.

Интернет является многосторонними средствами массовой информации, который создает множество различных форм коммуникации: *гостевая книга, форум, чат, электронная почта, ICQ (аська), социальная сеть и интернет — блог*. В современном обществе студенты и молодежь увлекаются *форумом, чатом, ICQ и социальной сетью*.

Форум — это раздел на сайте, где посетители могут оставить свое сообщение и там обсуждают какую-то определенную тему. В форумах неорганическое количество участников. В форумах список тематики очень обширен и там обсуждают разные вопросы и проблемы науки, политики, религии или развлечения и еще другие, связанные с учебой, игрой, покупкой, спортом, здоровьем, музыкой и т.д. [2].

Чат — общение в интернете, когда разговор ведется в режиме реального времени «он-лайн» (от on-line). Чаты могут иметь тематическую или развлекательную

ориентацию, что, в свою очередь, отражается на социолингвистических характеристиках коммуникантов и самой структуре дискурса:

— с одним собеседником (выбирается определенный канал для такого общения)

— с большим количеством людей одновременно; [2]

Примеры таких систем: *IRC, WebChat, Prodigy, Видеочаты, IM-быдло, Жаббер*.

ICQ — это программа позволяет общаться одновременно с другими людьми тоже он-лайн в реальном времени и там диалогическое чаще всего неформальное. *ICQ* является первой программой коротких сообщения в мире. В общении участвуют два собеседника — адресант и адресат, *ICQ* позволяет их общаться в режиме реального времени.

По сравнению с Чатом или Электронной почтой, *ICQ* имеет большое преимущество — скорость общения возрастает многократно и пользователи могут посылать сообщения, файлы, приглашать друзей в Чат. *ICQ* популярно используют молодежь, потому что через *ICQ* пользователи получают уникальную возможность поиска друзей во всем мире [2].

Социальная сеть — это комплексное сетевое образование, сочетающее в себе черты форумов, сетевых сообществ и *ICQ*. Первичной целью создания данных сетей служит поиск друзей, одноклассников, одноклассников, знакомых, коллег по работе и т.д. Популярные ресурсы *odnoklassniki.ru, facebook.com, vkontakte.ru, myspace.com*.

В любой стране и любое время, каждое субкультурное образование обладает собственной лексикой, сокращением, символической и сленгом. В наше время молодежный сленг тесно связан с компьютерной коммуникацией. И невиданно, молодежь проводит большинство времени в интернете. Сленг — это особое средство общения молодежи, объединяет жаргонизмы, разговорные слова и выражения или случайные словообразования, фразеологизмы. Использование символов и сокращений необходимы для языка чата сети, чтобы иметь возможность выразить то, что вы хотите и написать быстрее, чтобы не набирать большой текст. Таким образом, мы видим все больше и больше сокращений в сети и использование различных смайлов.

При общении в Интернете мы не можем не обратить внимания на орфографию слова. Они часто употребляют подобные формы при общении в жанре мгновенных сообщений (например, *ICQ*) или в жанре чата или в режиме онлайн, когда сообщения между адресантом и адресатом не отсрочиваются по времени. Вот это яркий пример о собственном языке молодежной субкультуры. Примеры использования аббревиатуры в общении на русском языке: «АПВС» — *А Почему Вы Спрашиваете?* «ДТКП» — *Для Тех, Кто Поймет*; «ЕВПОЧЯ» — *Если Вы Поняли, О Чем Я*; «НЯЗ» — *насколько я знаю*. Чтобы быстрее писать, студенты обычно изменяют графическую форму нескольких слов, но звучание приближается, например, «претики» — *Привет, так же «насип» — «спасибо, «хош» — хочешь, «тя» — тебя*. В Интернет-коммуникации нарушение правил орфографии не является нару-

шением какой-либо нормы и не воспринимается неуважительным отношением к собеседнику.

Общаясь внутри социальной группы, в кругу знакомых и друзей, в виртуальном дискурсе студент использует код с применением сленга, например: «*Стипендию* уже скинули (= перевели на банковскую карту)?» Общение в университетской аудитории, на курсе, факультете, если это учебные или другие ситуации официального общения, требует применения ГЯЛСВШ литературной формы речи или профессионально окрашенного ее варианта, научного или официально-делового стиля. Если же это неформальное общение, то используются средства студенческого сленга, которые выполняют также дополнительную функцию узнавания и определяют принадлежность к «своим»: например, при коммуникативном событии «пересдача экзамена» студент сообщает своему однокласснику: «*Начерталку* (= начертательную геометрию) завалил (= не сдал), надо хвосты обрубить (= ликвидировать задолженности)». Обращаясь же к преподавателю, студент-задолжник меняет код своего языка: «Когда мне можно прийти к Вам на пересдачу начертательной геометрии?» [3].

Молодые люди часто используют сленг, чтобы говорить о своих проблемах, с которыми они сталкиваются часто в жизни. Именно это соображение, оценка обучения, друзей, деньги и т.д. В комментарии имеют положительную или отрицательную коннотацию. Когда студенты хвалят друг друга, чувствуют преклонение, они часто употребляют сленговые номинации: *клевый* (= *хороший, веселый*), *крутой* (= *очень хороший*) или используют слова *дубина* или *дерево с значением «идиотский» или «тупой» человек а тормоз намекает человеку, который медленно соображает: «Он тормоз»*. Вместо использования слова мучить студенты часто говорят «загрузить»: «*Он меня загрузил*». Например, когда друг много говорит и дает ненужную информацию: грузить — давать большое количество ненужной информации, иногда намеренно забалтывать «не грузи меня!»

Кроме этого, многие заимствованные сленговые номинации популярно употребляются: «*плизз*» (от англ. *please*) — *пожалуйста*, *бб* (от англ. *bye-bye*) — *пока*, *ок* (от англ. *OK*) — *да, хорошо*, «*фейк*» (от англ. *fake*) — *неправда, фальсификация, «имхо»* (от англ. *In my humble opinion*) — *по моему скромному мнению*. Мы должны упомянуть о компьютерном сленге: «*Зггог/ еггог*» — *ошибка*, «*авик/ авиха*» — *видео файл в формате*, «*админ*» — *администратор*, «*аттач*» — *прикреплённый файл*, «*болванка*» — *компакт-диск*, «*ютуб*» — *сайты для размещения и просмотра видеофрагментов*, «*гуру*» — *уважаемый человек, опытный мастер*, «*хелп*» — (от англ. *help* «*помощь*»), *помощь, справка и другие* [4].

При использовании сленга, студент чувствует себя современным, участником своего социального сообщества. Сленг обычно не используется при общении с людьми, которые не принадлежат к той же группе друзей, потому что

люди не поймут. Сленг может быть эффективным способом выразить мнение, чувства и эмоции.

Интернет-коммуникация открывает новую форму языкового взаимодействия — письменную разговорную речь. Язык существует в Интернете в основном в письменном варианте, но в условиях интерактивной сетевой коммуникации темп речи приближен к устной её разновидности. До появления Интернета спонтанная речь проявлялась, прежде всего, в своей устной форме. Грамматические особенности в виртуальной коммуникации имеют тождественные частицы с «албанским» языком, или жаргоном «падонков» — сленгом новой социальной группы, считающей себя свободной от общественных норм и правил и демонстративно выражая данный протест в сетевом дискурсе. Он наиболее часто используется при написании комментариев к текстам в блогах, чатах и интернетовских форумах. В нем нарушаются правила спряжения глаголов, склонения существительных, совершенно отсутствует порядок слов в предложении, полон бранных междометий. На грамматическом уровне в языке обращает на себя внимание ряд характерных признаков.

Активнее всего используются сокращения (*инет* — интернет; *клава* — клавиатура, *клавка*; *кило* — килобайт; *комп* — компьютер; *гиг, гига* — гигабайт; *док, дока* — документация) и универбации — осла-

бление или утрата членности часто употребляющимся, устойчивым сочетанием двух слов, например: *впрыжку, так-сяк, более-менее, винт — винчестер, жесткий диск; исходники* — исходные тексты программ, *для некоторых* — исходящая почта; *крысолов* — провод, соединяющий крысу с гробом; *лазарь* — лазерный принтер.

Интернет является огромным информационным каналом, открывает новые возможности для общения, чтобы помочь людям развивать знания, обмениваться, поделиться опытом, новостями и впечатлениями, сокращать расстояние между людьми, между нациями, народами мира в современном мире. Интернет стал очень известным особенно для молодого поколения. Интернет-коммуникация делает жизнь ярче и насыщенной. Язык Интернет-коммуникации очень живой эмоциональный и богатый, грамматика обычно кратка, понятна. Кроме этого, через Интернет информация может передаваться в различной форме — голос, видео, документы, мгновенные сообщения, файлы.

Всё это положительные стороны коммуникации в Интернете. Однако нужно использовать эти возможности осмысленно, чтобы не навредить ни себе, ни другим. Таким образом, кто владеет интернетом, владеет сокровищницей человеческих знаний.

Литература:

1. Интернет как средство массовой коммуникации [Электронный ресурс]. URL: http://www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=7781362 (дата обращения: 07.04.2015).
2. Андрианова, Н. С. Жанры Интернет-коммуникации: о некоторых подходах [Электронный ресурс] / Н. С. Андрианова. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nbu.gov.ua/portal/Natural/Vdpu/Movozi/2008_14/article/3.pdf (14.4.2015)
3. Савилова, С. Л., Щитова О. Г. Групповая языковая личность студента высшей школы: типические признаки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2014/3-1/59.html> (дата обращения: 27.04.15).
4. Компьютерный сленг. [Электронный ресурс]: https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%B%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5:%D0%9A%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D1%8C%D1%8E%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D1%81%D0%B%D0%B5%D0%BD%D0%B3 (14.4.2015)

Китайские сложносокращенные слова как особая часть китайской лексики

Сагеева Яна Павловна, студент;

Ким Екатерина Владимировна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Данная статья посвящена китайским сложносокращенным словам, тенденциям их образования и случаям употребления. Рассматриваются два типа сложносокращенных слов (简称 *Jiǎnchēng*, 合成 *Héchéng*), приводятся примеры образования сложносокращенных слов по разным моделям.

Ключевые слова: китайский язык, сложносокращенные слова, перевод, последовательный перевод.

В настоящее время происходят существенные изменения в отношениях между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Сейчас россий-

ско-китайское взаимодействие характеризуется широким спектром областей сотрудничества (экономика, политика, торговля, бизнес, военная сфера, топливно-энергетиче-

ская сфера и др.), развитием деловых отношений и гуманитарными связями, сотрудничеством на международной арене, в том числе совместным участием в международных организациях (ООН, БРИКС) [1–4]. Учитывая тот факт, что между Россией и Китаем установились особо благоприятные отношения для сотрудничества, всё больше людей включаются в процесс изучения китайского языка. Многие университеты Российской Федерации готовят переводчиков-китаистов. Студентов обучают всем тонкостям устного последовательного перевода, грамматическим и фонетическим особенностям китайского языка. Будущим переводчикам необходимо развитие основных компетенций (коммуникативной, операциональной, стратегической, механизма переключения с одного языка на другой) на занятиях по устному последовательному переводу [2–4]. Основной задачей китаиста является правильное построение предложения как с точки зрения грамматики, так и с точки зрения семантики. Переводчик должен владеть не только лексикой письменной речи, официально-деловой, научной, профессиональной, специальной, но и отдельными единицами языка и речи, способными сохранить в себе наиболее важные и информативные компоненты, тем самым заметно уменьшив время перевода. В современном обществе нужно быстро ориентироваться в огромном потоке информации, уметь четко отвечать на заданные вопросы, решать проблемы в кратчайшие сроки, т.к. время представляет собой огромную ценность для человека. Незаменимым средством общения, которое позволяет нам экономить время в процессе речи, являются сложносокращенные слова.

Их употребление зависит от времени и ситуации, поэтому они отличаются от обычных слов. Сложносокращенные слова часто употребляются в разговорной речи, специальной лексике, терминологии (т.е. там, где действует принцип сжатости и экономии), реже — в официальных документах политического и юридического характера, в договорах, заявлениях, докладах [5]. Тенденция образования сложносокращенных слов состоит, прежде всего, в том, что обычно сохраняются наиболее важные компоненты, несущие в себе основную информацию. При формировании сложносокращенных слов действует принцип экономии не только по иероглифам, но и по значению. Все сложносокращенные слова делятся на два типа [5]:

1. 简称 Jiǎnchēng — сложносокращенные слова, в которых утрачиваются отдельные компоненты полных наименований. Для сложносокращенных слов этого типа характерен способ образования из отдельных слогов каждого слова.

2. 合成 Héchéng — сложносокращенные слова, полные наименования которых имеют в своем составе одинаковые компоненты.

简称 Jiǎnchēng. Сложносокращенные слова типа 简称 по своей структуре совпадают со структурой полных наименований. В основном они построены по атрибутивному типу связи. Однако есть целые группы сложносокращенных слов, образованных по копулятивному, гла-

гольно-объектному типу связи. Выделяют семь моделей превращения полных наименований в их сокращенные формы по типу 简称.

Первая модель представляет собой соединение первого слога первого компонента и первого слога второго компонента.

Например: 业余时间 Yèyúdàxué «свободное время» + «университет» = «заочный университет» (сокр. 业大 Yèdà).

В случае если полное наименование состоит из трех компонентов, то сложносокращенные слова образуются при сложении первых слогов от каждого компонента [5].

Например: 全国运动会 Quánguóyùndònghuì = 全运会 Quányùnhuì «Общекитайская спартакиада».

Вторая модель представляет собой соединение первого слога первого компонента и второго слога второго компонента.

Например: 节约 Jiéyúe «экономить» + 用电 Yòngdiàn «использовать электричество» = 节电 Jiédiàn «экономить электричество».

Однако, похожее сложносокращенное слово 节能 Jiénéng «экономить энергию» построено по первой модели образования сложносокращенных слов по глагольно-объектному типу связи, т.е. 节约 Jiéyúe «экономить» + 能源 Néngyuán = 节能 Jiénéng «экономить энергию».

Третья модель — соединение второго слога первого компонента и первого слога второго компонента.

Например: 民警 Mínhǎng «народная полиция» (人民 Rénmín «народ» + 警察 Jǐngchá «полиция»).

Четвертая модель — соединение второго слога первого компонента и второго слога второго компонента.

Например: 声调 Shēngdiào «тон» + 符号 Fúhào «знак/обозначение» = 调号 Diào hào «обозначения тона».

Пятая модель представляет собой сокращение всех компонентов кроме последнего (родового) компонента.

Например: 卫星 Wèixīng «искусственный спутник Земли» = 人造地球卫星 Rénzàodìqiúwèixīng.

Шестая модель — сохранение видового компонента (как правило, первого).

Например: 王府井大街 Wángfǔjǐngdàjiē = 王府井 Wángfǔjǐng «Ванфуцзин» (улица в Пекине).

Седьмая модель употребляется при образовании сложносокращенных слов от полных наименований с порядковым числительным. В сокращенных терминах опускается показатель порядковости 第 Dì, но числительное всегда сохраняется. При этом возможен прямой и обратный порядок компонентов, но центром всегда является числительное [5].

Например:

二汽 Èr qì = 第二汽车制造厂 Dìèr qì chē zhì zào chǎng «2-й автомобилестроительный завод». Данное сложносокращенное слово построено по модели прямого порядка компонентов. Обратный порядок компонентов используется в следующем примере:

第二女子中学 Dìèr nǚ zǐ zhōng xué «Вторая женская средняя школа». Нельзя сократить 二女中 èr nǚ zhōng «вторая женская средняя», возможно только 女二中 nǚ èr zhōng «женская вторая средняя».

合成 **Héchéng**. Сложносокращенные слова данного типа могут образовываться по двум моделям.

Первая модель представляет собой объединение слов по равноправному типу связи. Образованное по этой модели сложносокращенное слово включает в себя первый слог каждого компонента. Главным условием объединения слов для создания сложносокращенного слова является их семантическая однородность.

Например: 亚非拉 Yàfēilā «Азия, Африка, Латинская Америка» (亚洲 Yàzhōu «Азия», 非洲 Fēizhōu «Африка», 拉丁美洲 Lādīngměizhōu «Латинская Америка»).

Вторая модель является собой объединение двух видовых компонентов при одном общем родовом. Два слова, имеющие в своем составе общий компонент, объединяются в один комплекс — от каждого слова по одному слогу и один второй общий слог.

Например: 进出口 Jìnchūkǒu «импорт и экспорт» (进口 Jìnkǒu «импорт» + 出口 Chūkǒu «экспорт»).

Язык является орудием для осуществления коммуникации и познания окружающего мира [6]. Причиной возникновения новых лексических единиц, таких как сложносокращенные слова, является динамичное развитие китайского языка. Это развитие обусловлено различными изменениями в современном мире, которые

происходят в политической, общественной, научной и культурной сфере [7]. Ввиду стремления общества к абсолютной экономии и мобильности все увеличивающегося потока информации становится причиной невозможности употребления сложных и труднопроизносимых слов.

Разрешение данного противоречия видится в стремлении к употреблению разного рода сокращений развернутых наименований, которые все активнее входят в современное языковое пространство [7].

Таким образом, можно утверждать, что сложносокращенные слова в китайском языке являются особой частью китайской лексики. Они позволяют сэкономить время и облегчить процесс восприятия и преподнесения информации. На основе анализа, проведенного в данной статье, можно сделать вывод, что в настоящее время, в связи с особенностями структуры сложносокращенных слов китайского языка, которые заключаются в наличии разноплановых способов построения (简称 Jiǎnchēng, 合成 Héchéng), необходимо их корректное изучение. Это требуется, прежде всего, для осуществления правильного, грамотного устного последовательного и письменного перевода, а также для развития профессиональной компетентности переводчиков-китаистов.

Литература:

1. Привороцкая, Т. В., Тихонова Е. В. Формирование механизма переключения с китайского языка на русский посредством анализа кинотекста // Язык и культура. 2015. № 1 (29). С. 38–44.
2. Тихонова, Е. В. Обучение будущих лингвистов устному последовательному переводу на основе анализа дискурса аудио- и видеоматериалов (китайский язык; профиль «Перевод и переводоведение»): дис... канд. пед. наук. Томск, 2014. 152 с.
3. Тихонова, Е. В. Обучение будущих лингвистов устному последовательному переводу на основе анализа дискурса аудио- и видеоматериалов (китайский язык; профиль «Перевод и переводоведение»): автореферат дис... кандидата педагогических наук: 13.00.02 / Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова. Томск, 2014
4. Гураль, С. К., Тихонова Е. В. Организация процесса обучения устному последовательному переводу в свете синергетической теории // Язык и культура. 2013. № 4 (24). с. 77–82.
5. Семенас, А. Л. Лексикология современного китайского языка. — М.: Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения, 1992. — с. 111–119
6. Гураль, С. К., Смокотин В. М. Язык всемирного общения и языковая и культурная глобализация // Язык и культура. 2014. № 1 (25). С. 4–13.
7. Сухина, Ю. С. Количественный анализ структурных типов китайских сокращений [Текст] / Ю. С. Сухина // Вестник Амурского государственного университета. — 2013. — Вып. 62: Сер. Гуманитар. науки. — с. 149–154: табл. — Библиогр. в сносках: с. 154.

Некоторые структурные особенности концепта «ум»

Саммер Александра Борисовна, преподаватель

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

В последнее десятилетие в современном языкознании наблюдается переход на антропологическую пара-

дигму исследования и повышенный интерес к проблемам, связанных с деятельностью человека в когнитивном

аспекте. Описание различных языковых явлений в подобных исследованиях основывается на утверждении, что весь многовековой опыт человечества запечатлевается в истории в языке.

Человек мыслит и говорит на языке определенной культуры, пользуется ее понятиями и образами, разделяет ее ценности. Наше восприятие и осознание мира, процессы памяти, мышления, воображения опосредованы системой значений, несущей в себе совокупный опыт той или иной культуры [1].

Знания человека об окружающей действительности и способ, которым он классифицирует мир, выражены в его языке; с другой стороны, язык является тем единственным средством, при помощи которого мы можем проникнуть в скрытую от нас сферу ментальности, ибо он определяет способ членения мира в той или иной культуре. Исследование языка сближается с исследованием когнитивных (процедур, связанных с приобретением, хранением, передачей и выработкой знаний). Язык отражает процесс познания, выступая в качестве основного средства выражения мысли. Язык начинает восприниматься как путь, по которому можно проникнуть в представления людей о мире. Каждому языку присущ свой способ концептуализации действительности, который имеет специфические национальные и универсальные черты [2, с.7].

Термин «концепт» безусловно, является одним из самых основных понятий в когнитивной лингвистике. В последние годы отмечается растущая тенденция концептуальных исследований. Стоит отметить, что понятие «концепт» трактуется неоднозначно и представляет собой сложное, многомерное явление.

Многие лингвисты термином «концепт» определяют мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода. Концепт включает следующие слои: активный («основной актуальный признак, известный каждому носителю культуры и значимый для него»); пассивный («дополнительные признаки, актуальные для отдельных групп носителей культуры») и внутренняя (обычно не осознаваемая) форма, запечатленная во внешней словесной форме» [3, с. 44].

Концепт — есть ментальная единица, элемент сознания. Он по своему содержанию богаче, чем слово. Он может быть субъективным, личностным, индивидуальным, актуальным и неактуальным, национальным [4, с. 44–45].

Согласно М. В. Пименовой, концепты — это единицы концептуальной системы в их отношении к языковым выражениям, в них заключается информация о мире. Эта информация относится к актуальному или виртуальному состоянию мира. Концепт — это представление о фрагменте мира. Такое представление (образ, идея, символ) формируется общенациональными признаками, которые дополняются признаками индивидуального опыта и личного воображения [5, с.16].

Структура концепта формируется несколькими группами признаков, которые отображают прототипические

способы описания фрагментов мира. В языке метафоризация происходит на основе некоторого исходного образа, который в лингвистике называют корневой или концептуальной метафорой, в психологии — архетипом. Концептуальные метафоры объединяются на основе вегетивных, зооморфных, антропоморфных, социоморфных, предметных, метеорологических, стихийных, пространственных признаков [6, с. 88].

АНТРОПОМОРФНЫЕ признаки предполагают деление на мир разумный и мир животный. Данный признак часто реализуется при помощи присоединения лексемы человеческий к другим лексемам (о противостоянии **человеческого ума**, упорствующего в установлении и сохранении истины. Кузнецова. Функции ума // «Октябрь», 2002).

Антропоморфные характеристики концептов могут описывать:

‘человеческие состояния’ Наступивший Новый год меня угораздило встретить в **трезвом уме** и здоровой памяти с бокалом лёгкого вина в руке. Самодуров. Рождественские забавы: песни, порно, президент... (2002) // «Вечерняя Москва», 2002.01.10; Он искал беседы людей с желчным, **озлобленным умом**, с ожесточенным сердцем; Ох, эти **трезвые, беспощадные ум** и опыт; **Нищи ли** вы духом и **умом**, отметила ли вас природа клеймом безобразия. Гончаров. Обыкновенная история; другая была новее и поэтому более развлекала его **скусающий ум**; счастливец, у которых **смиранный ум** живет помаленьку, довольствуется хорошей погодой. Авдеев. Тамарин).

‘человеческие качества’ (Вот она, гоголевская **«гордость ума»** (предсказанная в «Переписке»), которая станет знаменем века Достоевского! Золотусский. «Записки сумасшедшего» и «Записки из подполья» // «Октябрь», 2002); чистые руки чекиста и **изворотливый ум** коммерсанта, кончилась неудачей. Латынина. Самурайская дружба (2003) // «Еженедельный журнал», 2003.03.17; я вступил в общество — с **образованным умом**, но без знания людей. Неизвестный. Модест и София (1810); Есть, и много есть, других счастливец, у которых **смиранный ум** живет помаленьку, довольствуется хорошей погодой и теплым местечком. Авдеев. Тамарин).

‘человеческие действия’ (Это **сухой ум**, и **он хотел убить** в нас Достоевского. Кушнер. Почему они не любили Чехова? // «Звезда», 2002; мой **ум желает** отдалить имя твое от уст, от сердца; Сушков. Российский Вертер (1801)).

Людям свойственно испытывать разные эмоции, положительные и отрицательные.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ признаки могут проявляться по-разному у людей разных национальностей. Например, итальянцы очень темпераментные, эмоциональные, а англичане крайне сдержанны по натуре.

У концепта УМ в русской языковой картине выявлены следующие эмоциональные признаки:

‘Волнение’ (сомнения, одно другого чернее, **волнуют мой ум**, рвут на части сердце. Гончаров. Обыкновенная история).

‘Тревога’, ‘беспокойство’ (Эксперимент по продаже земельных участков с аукциона до сих пор **будоражит умы** коммерсантов и журналистов. Бударцева. Красная площадь не продается (2002) // «Вечерняя Москва», 2002.03.14).

‘Смятение’ (Она, эта непонятная Йоко, **смутила ум** Джона Леннона, заставила его забыть о главном. Кармински. Она развалила «The Beatles». Йоко Оно исполнилось 70 лет (2003) // «Известия», 2003.02.17).

‘Оцепенение’ (пусть **ум оцепенеет** совсем, сердце окаменеет, глаза отвыкнут от слез, губы от улыбки. Гончаров. Обыкновенная история).

‘Терзание’ (грудь дышит свободнее, а **ум не терзается** мучительными думами. Гончаров. Обыкновенная история).

Любой живой организм, как правило, наделен рядом ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ признаков. Концепт УМ наделен такими свойствами как:

‘Сила’ (**Люди с умом сильным**, с душой, жаждущей деятельности ... Авдеев.Тамарин; **Всеми силами ума** и духа мы ищем врага, на которого можно было бы взвалить ответственность за то, что делаем мы сами. Симонов. Борьба с крайностями (2003) // «Известия», 2003.02.25; ... двинуть вперед **все силы своего ума**, устроить главную батарею из остроумия, хитрости да и того... Гончаров. Обыкновенная история).

‘Мощь’ (... холодный характер, выдержался **мощный ум**, — жизни, которая должна была разбить его и из которой он вынес новые силы? Авдеев.Тамарин; ... лучше подождать, пока **могучие умы** христианского сообщества откроют её. Смирнов. Конец серебряного века. Аппо Domini 180 // «Знание — сила», 2003).

‘Здоровье’ (Попросить в Москве позвонить я могу, пожалуй, только свою бабушку, которая, слава Богу, **в здоровом уме** и твёрдой памяти. Наши дети: Подружки; Жена героя обладает вполне **дееспособным умом**, но охраняет свои фантомы от истины, а не истину от фантомов, что взял себе за правило герой. Кузнецова. Функции ума // «Октябрь», 2002).

‘Крепость’ (Уж на что Фёдор **умом крепок** был, а и он поддался. Золото Ваньки Каина (2003) // «Марийская правда» (Йошкар-Ола), 2003.01.20).

‘Слабость’ (Счастливы **слабые умом!** — заметил я. — У них всегда есть покровители, сильные духом. Авдеев.Тамарин; ... а стих рождался из скрытого, **неподвластного уму** и воле первоисточника. Крейд. Георгий Иванов в Йере // «Звезда», 2003; обманом **приковать к себе ум**, сердце, волю женщины. Гончаров. Обыкновенная история).

Признаки живого существа, называемые ВИТАЛЬНЫМИ признаками, подразделяются на следующие подгруппы: собственно витальные, перцептивные (признаки воспринимающего существа) и соматические (телесные) признаки. К этому разряду признаков возводят те свойства и качества, которые являются общими для всего живого мира [2, с.142].

Так, к витальным признакам относятся:

‘Развитие’ (Его мучит рефлексия и ирония — **эти страсти развитого ума**. Золотусский. «Записки сумасшедшего» и «Записки из подполья» // «Октябрь», 2002).

‘Жизнь’ (Да, он не слишком выделялся среди сверстников, но и не растворялся в серой массе. Бог наградил Сергея **живым умом**. Преферанс его жизни (2003) // «Криминальная хроника», 2003.06.10).

‘Смерть’ (Ты заблуждаешься, молодой друг мой. Нет! Мы родимся для общества: **имеем ум, который мертв без людей**; Уединение непрестанное стесняет, **сушит ум** и заранее кладет сердце в могилу. Неизвестный. Модест и София (1810)).

‘Возраст’ (... триумвират педагогов, которые, по призыву родителей, являются воспринять на свое попечение **юный ум**, открыть ему всех вещей действия и причины, расторгнуть завесу прошедшего ... Гончаров. Обыкновенная история).

‘Сон’ (**Ум начинал** засыпать, а сердце бить тревогу; без тягостной мысли, с **дремлющим сердцем и умом**; Я уснул было совсем, а вы **будите и ум и сердце** и толкаете их опять в омут. Гончаров. Обыкновенная история).

‘Питание’ (Между тем **ум Юлии не находил** в чтении одних романов **здоровой пищи** и отставал от сердца. Гончаров. Обыкновенная история).

‘Зрение’ (Яснее **видит ум**, свободней грудь трепещет. Апухтин. Вечер).

‘Отравление’ (Странные вещи случаются в наш век, когда **ум и чувства испортились**, как желудки. Авдеев. Тамарин).

Одной из особенностей группы КВАЛИТАТИВНЫХ признаков является деление на категорию ‘свой/ чужой’.

Фундаментальный характер «свойственности — чуждости» как отражение онтологической бинарности мироустройства обуславливает широкую репрезентативность выделяемого образования. Коммуникативная гибкость «своего — чужого» основана на прагматической и социальной сущности данного феномена: членение мира на сферы «своё» и «чужое» осуществляется субъектом познания, категоризирующего мир относительно себя [7, с.176].

Концепт УМ в основном наделен признаком ‘свой’ (Ни один бизнесмен **в своём уме** не стал бы инвестировать в проект с такой низкой рентабельностью. Фролов. Цензура с рыночным лицом (2003) // «Совершенно секретно», 2003.04.08; расходуют **свой ум** по мелочи, на острые слова да злые эпиграммы, и то для развлечения чужой, а не собственной скуки. Авдеев. Тамарин; Мне кому ж верить: глазам ли твоим, аль **уму своему** прикажешь?; Свела старика с ума! Постой: **своим подъячим умом** подумаю, моя будешь! Аверкиев. Каширская старина; Или, созрев **умом своим**, Уже теперь постигла им, Она безумство увлечения? Баратынский. Цыганка; предоставляя читателю самому, **своим собственным умом** вершить суд и выносить приговор; вызывать в глазах ее соперника на бой и тут то снарядить и двинуть вперед все силы **своего ума**. Гончаров. Обыкновенная история;

В своем ли ты уме, Машенька? Измайлов. Бедная Маша (1801)).

На основе проанализированного выше материала можно сделать следующий вывод. Когнитивная метафора дает основу для появления нового знания за счет метафорического переноса знания из одной области в другую и позволяет осмыслить явления одного рода в терминах явлений другого. Метафорический концепт содержит

ценную информацию, которая помогает ясную картину всей многомерной структуры концепта за счет анализа его структурных особенностей, представленных различными признаками, но и получить представление об особенностях той или иной национальной языковой картины. Концепт УМ обладает сложной многослойной структурой. Для получения более точной картины необходимо проанализировать все структурные признаки, входящие в его основу.

Литература:

1. Бережная, М. С., Лиханова Е. Н. Взаимосвязь культурологических, эстетических и психологопедагогических компонентов в креативном развитии личности [Электронный ресурс] // Педагогика искусства: электронный научный журнал учреждения Российской академии «Институт художественного образования». 2011. № 1 (07.03.2011). — URL: http://www.art-education.ru/AE-magazine/archive/pomer-1-2011/berezhnaya-likhanova_07_03_2011.pdf (дата обращения: 30.05.2015)
2. Пименова, М. В. Концептуальные исследования. Введение: учебное пособие [Текст] / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. — М.: Флинта, Наука, 2011 — 176 с.
3. З. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов // М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — 824 с.
4. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Воронеж: Истоки, 2001. — 191 с.
5. Пименова, М. В. Методология концептуальных исследований [текст] / М. В. Пименова // Антология концептов. Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005. — с.15–19.
6. Пименова, М. В. Метод описания концептуальных структур (на примере концепта НАДЕЖДА) // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Серия «Филология, история, востоковедение». — Чита. — 2011. — No2 (37). — с. 85–94.
7. Семантическая оппозиция «свой-чужой» как реализация идеолого-манипулятивного потенциала политических дискурсов / Е. В. Кишина // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. No4 (48). — с. 174–179.

Семантика фамилий в создании образа персонажа

Саморокова Юлия Александровна, студент
Тюменский государственный университет, филиал в г. Тобольске

Имена и фамилии героев литературных произведений, как известно, играют немаловажную роль — они помогают автору полнее раскрыть характер персонажа, и, соответственно, реализовать авторский замысел.

На первый взгляд, автор обладает свободой в выборе фамилии для своего литературного персонажа. Однако свобода эта мнимая, ведь от правильно выбранной фамилии зависит правильное восприятие читателями того или иного героя. В результате автор выбирает «значащую» фамилию, умышленно «зашифровывая» в ней информацию о персонаже.

В своей работе, мы рассмотрели семантику фамилий в произведениях В. Розова и А. Вампилова.

Виктор Сергеевич Розов (8 [21] августа 1913, Ярославль, — 28 сентября 2004, Москва) — русский советский драматург, автор около 20 остроконфликтных пьес. По его произведениям снято множество фильмов, в том числе знаменитый фильм «Летят журавли» по пьесе «Вечно живые» [3, с.37].

В пьесе «В добрый час» (1956) главный герой — молодой парень, выпускник школы Андрей Аверин, только что готовящийся вступить в «большую» жизнь. Фамилия Аверин дана драматургом не просто так [4, с.57].

Есть несколько версий о назначении этой фамилии в пьесе «В добрый час». Первая версия связана, с древнееврейским переводом фамилии Аверин — «свет Бога». В пьесе молодой выпускник представлен со своими родителями отцом-доктором биологических наук — и матерью, домохозяйкой. Родители возлагают большие надежды на их сына.

Смысл фамилии ясно выражен в словах самого героя: «Ну разве это самое важное, кем я буду? Каким буду — вот главное!» [4, с.90]

Вторая версия, дает представление об этимологии имени Аверьян. Имя образованно от латинского глагола «аверто» — «обращать в бегство». Наш молодой герой вопреки настояниям любящей матери, считающей, что сын должен «думать и об аспирантуре, и о профессорском

звании», Андрей уезжает со своим двоюродным братом Алексеем в Сибирь, в Иркутскую область — в поисках призвания, самостоятельности, смысла жизни.

В комедии «Перед ужином» (1962) интересную фамилию носит главный герой. Все действия пьесы охватывает один день из жизни семьи главного инженера завода — Неделина Николая Федоровича [3, с.115]. Фамилия образована от «недели» («не делать», «не работать») в старину назывался воскресный день; отсюда понедельник — первый день после недели, воскресенья. В этот день глава семьи обсуждает личные неурядицы и производственные проблемы. Таким образом, фамилия главного героя является неким каркасом, на котором держится сюжет истории.

Интерес представляют фамилии в пьесе «В день свадьбы» (1964). Например, фамилия главных героев Михаила и Василия Заболотных. Значение фамилии герои объясняют сами: «Нас, говорят, когда из Ленинграда вывозили, бомбили сильно, поубивали много. А кто остался, лесами да болотами выводили. Четырнадцать детей, говорят, осталось. Нашли за болотами без единого взрослого, поубивало их. Так всех нас и окрестили Заболотными» [3, с. 146]. То есть, через историю фамилии раскрывается история жизни героев.

Другой персонаж драмы носит фамилию Илья Григорьевич Салов. С первого взгляда, можно подумать, что человек с такой фамилией любитель сала. Но нет. Значение совсем иное.

В переводе с арабского «салий» означает добрый, хороший. В самом деле, Салов располагает к себе людей; он хороший семьянин, добрый хозяин.

Одним из советских драматургов был и Александр Вампилов (19 августа 1937, Черемхово — 17 августа 1972, озеро Байкал у посёлков Байкал и Листвянка). Первые свои рассказы, а потом и пьесы, посвященные молодежи, Вампилов населил своими бывшими друзьями, приехавшими из своих глубинки в большие города получать образование и привезшими с собой много застарелых детских привычек, страсть к дурачеству и главную свою особенность — насмешливо-скептическое отношение ко всему на свете и к себе в том числе [1, с.46].

В пьесе «Прощание в июне»(1964) изображен герой Николай Колесов — студент 5 курса биологического факультета. Фамилия Колесов образована от существительного колесо, то есть движение по кругу. События, связанные с Колесовым, в произведении идут по кругу. В начале произведения он встречает девушку Таню на остановке, после основных событий он опять встречает Таню на той же оста-

новке, но уже она не желает с ним общаться. Так, в самой фамилии заложена метафора судьбы главного героя.

В пьесе «Старший сын»(1968) фамилия главного героя Владимира Бусыгина имеет важную роль. Образ Владимира представлен неким обманщиком, проходимцем, лукавым человеком, что стоит соотнести с семантикой его фамилии. Владимир Бусыгин обманывает семью Сарафановых.

Фамилия героя связана с глаголом «бусать» — «хватать, врать; городить вздор, чепуху; кутить, мотать». То есть сама интерпретация фамилии указывает на особенности характера или образа жизни человека. Эта трактовка подчеркивается тем, что конце произведения Бусыгин чувствует сам себя обманщиком: «Не дай-то Бог обманывать того, кто верит каждому твоему слову» [1, с.79].

В пьесе «Старший сын главой семьи является Андрей Григорьевич Сарафанов — музыкант-кларнетист, 55 лет, имеет дочь и сына. В одной из версий образования этой фамилии, говорится о сакральном костюме, о сарафане, который надевали, как и мужчины, так и женщины во время свадебного обряда. По сюжету комедии главный герой Бусыгин хочет жениться на дочери Сарафанова.

Также «говорящей» фамилией является фамилия Севостьянов. Это друг Бусыгина торговый агент, знающий себе цену человек. Сама фамилия Севостьянов имеет греческое происхождение и означает «славный, высокочтимый».

В другой пьесе «Прошлым летом в Чулимске»(1971) яркая фамилия предстает у героя Шаманова. В начале пьесы герой описан, так «во всём у него наблюдается неряшливость, попустительство, непритворные небрежность и рассеянность. Иногда, слушая собеседника, он, как бы внезапно погружаясь в сон, опускает голову. Время от времени, правда, на него вдруг находит оживление, кратковременный прилив энергии, после которого, впрочем, он обычно делается особенно апатичным» [1, с.98]. Значение фамилии таково: «Шаман занимался вызовом дождя, беседами с умершими и т.п. Шаманские действия и ритуалы осуществляются во время транса, при этом, как правило, используется бубен или барабан, или же особые танцы и заклинания. Считается, что во время камлания душа шамана покидает тело и путешествует по другим мирам — поднимается на небо, спускается под землю, входит в ад» [5, с.187]. Через фамилию автор создает образ своего героя, дает свойственную ему характеристику.

Таким образом, фамилии играют немаловажную роль в построении образов героев и даже самого сюжета. Через семантику фамилии раскрывается характеристика персонажей, а также реализуется авторский замысел.

Литература:

1. Вампилов, А. В. Пьесы. Библиотека мировой литературы. — М.: Эксмо, 2004. — 573с.
2. Никонов, В. А. Словарь русских фамилий / сост. е.Л.Крушельницкий. — М.: Школа-Пресс, 1993. — 224 с.
3. Розов, В. Пьесы. — М.: Советский писатель, 1959. — 406с.
4. Розов, В. В добрый час! Гнездо глухаря. — М.: Советский писатель, 1967. — 278с.
5. Федосюк, Ю. А. Русские фамилии: популярный этимологический словарь / Ю. А. Федосюк. — М.: Флинта: Наука, 2006. — 240 с.

Психолингвистический эксперимент как метод исследования языковых явлений

Серышева Юлия Вячеславовна, кандидат филологических наук, преподаватель;

Агаб Салах Еддин, студент

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Изучение языкового сознания индивидов осуществляется преимущественно экспериментальными методами, при этом исследование может быть направлено как на изучение самого феномена языкового сознания, установление когнитивных связей между его отдельными составляющими, так и на изучение явлений языка при помощи обобщения показаний языкового сознания об исследуемом объекте. В последнем случае языковое сознание становится инструментом исследователя. Экспериментальные приемы исследования языковой семантики позволяют выявить психологически реальную структуру значения и обладают достаточной объективностью, так как статистически усредняют полученные массовые данные, обеспечивая их достоверность, кроме того, экспериментальные методики зачастую позволяют выявить информацию об исследовательском объекте, которую нельзя получить другими методами.

Вопрос о необходимости эксперимента в науке о языке впервые поставил И.А. Бодуэн де Куртене в 70-е годы 19 века, далее идею экспериментального изучения языка развивал Л.В. Щерба, который считал принцип эксперимента важным исследовательским моментом, позволяющим глубже проникнуть в понимание речевой деятельности человека. По его мнению, отвлеченная система, построенная на фактах языкового материала, должна быть проверена на новых фактах, а это возможно при помощи эксперимента. «Сделав какое-либо предположение о смысле того или иного слова, той или иной формы, о том или ином правиле словообразования или формообразования и т.п., следует попробовать, можно ли сказать ряд разнообразных форм, применяя это правило» [7, с. 31–32]. На данном этапе развития науки эксперимент понимается как «основной метод научного познания вообще и психологического исследования в частности... предполагает специальную организацию ситуации исследования, активное вмешательство в ситуацию исследователя, планомерно манипулирующего одной или несколькими переменными (факторами) и регистрирующего сопутствующие изменения в поведении изучаемого объекта» [8, с. 775].

В психолингвистике существуют разные виды эксперимента: с учетом *условий проведения эксперимента* различают лабораторный и естественный эксперименты; с точки зрения *плана проведения эксперимента*: традиционный (с изменением одной независимой переменной) и факторный (с изменением нескольких независимых переменных); по *способу получения экспериментальных данных* выделяют прямой (задания опираются на лингвистические знания) и косвенный (задания не лингвистиче-

ского характера, ответы на которые опосредованно позволяют изучить исследуемый объект); по *цели проведения* выделяют пилотажный (при изучении относительно неизвестной области исследования при отсутствии системы гипотез), решающий (в случае, когда эксперимент позволяет выбрать одну из двух конкурирующих гипотез), контрольный (с целью проверки и подтверждения сложившейся научной гипотезы) эксперименты [8, с. 776].

Следует отметить, что каждый проводимый эксперимент должен быть «нужен» исследованию, он должен иметь сформулированную перед его проведением *цель эксперимента* и *рабочую гипотезу* — конкретизацию предположительного ответа на вопрос, поставленный в связи с изучаемой проблемой [3, с. 62], т.е. эксперимент является «*средством* проверки той или иной рабочей гипотезы, которая формулируется на базе хорошо обоснованной теории» [3, с. 59]. Кроме того, существуют определенные правила проведения психолингвистического эксперимента, которые в настоящее время формируются и совершенствуются. Отдельные замечания о таких правилах изложены в работах А.А. Леонтьева, А.А. Залевской, Р.М. Фрумкиной, В.П. Глухова и др. Комплексно требования к проведению эксперимента представлены в работах В.В. Левицкого, И.А. Стернина и Е.И. Горшко. В целом эти правила сводятся к следующим моментам.

1. В эксперименте принимают участие *испытуемые (респонденты)*. При этом, как отмечает В.П. Глухов, в отечественной психолингвистике, как и в практической психологии, используются определения «испытуемый», «обследуемый», а не применяемое в лингвистике понятие «информант» [1, с. 295]. «В лингвистическом эксперименте информант — это субъект, включенный в эксперимент и информирующий экспериментатора о его ходе, особенностях своего взаимодействия с объектом исследования (т.е. знаками языка). Испытуемый в психолингвистическом эксперименте — это субъект, который, будучи носителем языка, одновременно является и «экспертом» в области его употребления, и при этом косвенно сообщает экспериментатору о продукте своего языкового сознания» [1, с. 295–296]. То есть психолингвистика рассматривает факт субъективной интерпретации языкового материала носителем языка не как «фактор помехи», а как факт, подлежащий научному анализу и интерпретации.

Минимальное количество испытуемых для каждого эксперимента свое, однако, как отмечают исследователи, минимальное количество испытуемых составляет 30 человек, наиболее достоверные данные эксперимен-

татор получает при участии в эксперименте от 60 испытуемых [4, с. 10]. Что касается возраста респондентов, то наиболее распространенная аудитория испытуемых — это студенты образовательных учреждений, возраст которых варьируется от 17 до 21 года. Считается, что к этому возрасту в основном завершается формирование языковой способности личности [2, с. 287], при этом, по мнению исследователей, языковая способность личности, ее комбинаторные возможности, как правило, остаются неизменными на протяжении всей жизни [2, с. 287]. Психолингвистический эксперимент можно проводить как в индивидуальной, так и в групповой форме опроса испытуемых. В теории эксперимента не отводится главенствующей роли ни индивидуальной, ни групповой форме.

2. *Задания эксперимента* должны формироваться с учетом противоположных мнений, которые имеются в теории по данному вопросу. В эксперименте должна присутствовать устная или письменная инструкция для выполнения задания [4, с. 21, 47]. Как отмечает Л. И. Горюшко, при проведении эксперимента испытуемые должны самостоятельно выполнять задание, не привлекая экспериментатора для решения познавательной задачи, поскольку результаты эксперимента в этом случае будут лишены индивидуальности и, как следствие, станут менее информативными [2, с. 283].

Кроме того, необходимо учитывать количество заданий, предъявляемых в эксперименте. Так, например, при проведении свободного ассоциативного эксперимента за один сеанс рекомендуется давать до ста слов-стимулов. Однако некоторые исследователи, исходя из опыта проведения эксперимента, считают, что количество слов-стимулов не должно превышать 20–30 единиц. «Если список превышает указанный объем, то наблюдается потеря внимания, усталость, часто снижается интерес к эксперименту в целом, что приводит к резкому возрастанию экстраординарных реакций (по принципу лишь бы что написать, чтобы «отвязались») и отказов от реагирования вообще» [2, с. 285].

3. *Время выполнения заданий* эксперимента существенно влияет на его результаты. Поэтому для проведения эксперимента в среднем отводится 5–10 минут, чтобы исключить не первые реакции испытуемых.

4. Во время проведения каждого типа эксперимента исследователь заполняет *протокол* по следующей схеме: название эксперимента, цель, рабочая гипотеза, стимульный материал, тип задания, правила формирования опросной анкеты, дата и время проведения эксперимента, пол, возраст, количество испытуемых, запланированное и фактическое время выполнения заданий эксперимента, результаты эксперимента и их интерпретация (соотнесение с рабочей гипотезой, количество отказов от выполнения заданий, причины отказов и т. п.).

После проведения эксперимента ответы испытуемых подсчитываются, суммируются и обобщаются. На основе полученных данных выводы исследования соотносятся с рабочей гипотезой.

При этом достижение наиболее адекватных данных относительно реальной структуры «субъективной» (а тем более «объективной», общеязыковой) семантической системы возможно лишь при комплексном исследовании языкового явления с применением различных методик [5, с. 132]. В психолингвистике применяются следующие методы исследования [6, с. 156]:

1) ассоциативный эксперимент является наиболее разработанной техникой психолингвистического анализа семантики, процедура ассоциативного эксперимента заключается в том, что испытуемым предъявляется список слов и говорится, что им необходимо ответить первыми приходящими в голову словами. Обычно каждому испытуемому дается 100 слов и 7–10 минут на ответы. Существует несколько разновидностей ассоциативного эксперимента: *свободный* (испытуемым не ставится никаких ограничений на реакции), *направленный* (испытуемым предлагается давать ассоциации определённого грамматического или семантического класса), *цепочечный* (реакции на стимул несколькими ассоциациями).

2) **Метод семантического шкалирования** применяется для построения субъективных семантических пространств и количественного / качественного индексирования значения слова с помощью двухполюсных шкал.

3) **Методика заканчивания предложения** — устное или письменное заканчивание предложения, когда одно и то же предложение может иметь разные продолжения. Такие эксперименты служат лучшему пониманию механизмов синтаксической организации речи и допустимых вариантов языковых конструкций.

4) **Методы косвенного исследования семантики** служат для того чтобы испытуемые высказываются относительно истинности или ложности некоторого суждения. Методика проведения данного эксперимента такова: испытуемым предъявляется предложение и засекается (хронометрируется) время, проходящее между предъявлением суждения (допустим на мониторе компьютера) и ответом испытуемого. Ответ испытуемого (допустим, нажатие клавиши на клавиатуре) сигнализирует о завершении процесса понимания. Для того, чтобы испытуемый не имитировал понимание, периодически задаются смысловые вопросы по предъявляемому материалу.

5) **Градуальное шкалирование** как метод заключается в том, что испытуемым предлагается расположить ряд слов одной семантической группы «по порядку», используют так же данный метод для составления «градуальных словарей», представляющих практическую ценность (в частности для составления рекламных текстов).

6) **Методика определения грамматической правильности** или приемлемости предложения используется в психолингвистике для того, чтобы испытуемый или информант высказался насколько данное предложение грамматически правильно или употребимо.

7) **Опросник** представляет собой набор некоторых предложений, напечатанных на бумаге или представленных на мониторе компьютера, и определенные вопросы по интересующему объекту исследования.

8) **Методика прямого толкования слова** представляет собой описание содержания и объема значения слова, не просто лексическое значение слова, а внутренняя форма слова.

9) **Классификация** — значит разбивка на группы, которые испытуемый определяет сам, количество групп и количество слов не ограничено.

Экспериментальные методики являются неотъемлемой частью психолингвистики в изучении языкового сознания, позволяя исследователю выявить социально-культурную и другую специфику значений у разных групп носителей языка, чего нельзя достичь другими методами.

Литература:

1. Глухов, В. П. Основы психолингвистики: учебное пособие для студентов педвузов. М.: АСТ: Астрель, 2005. URL: <http://www.pedlib.ru/Books/4/0356>
2. Горошко, Е. И. Языковое сознание (ассоциативная парадигма): дис... д-ра филол. наук. Москва, 2001. 287 с.
3. Залевская, А. А. Проблемы психолингвистики: учебное пособие. Калинин: Калининский гос. ун-т, 1983. 136 с.
4. Левицкий, В. В., Стернин И. А. Экспериментальные методы в семасиологии. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1989. 192 с.
5. Леонтьев, А. А. Язык. Речь. Речевая деятельность. М.: КРАСАНД, 2010. 216 с.
6. Стернин, И. А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж. 1979. 156 с.
7. Щерба, Л. В. О тroyаком аспекте языковых явлений и эксперименте в языкознании / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность / ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич. Л.: Наука, 1974. с. 24–39.
8. Шапарь, В. Б., Россоха В. Е., Шапарь О. В. Новейший психологический словарь. 2-е изд. Ростов н/Д.: Феникс, 2006. 808 с.

Структурно-семантические типы полипрефиксальных глаголов в древнегреческом языке

Серышева Юлия Вячеславовна, кандидат филологических наук, преподаватель;
Даваасурэн Шижиртуя, студент

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

В каждой языковой системе сосуществуют общие, универсальные для всех языков компоненты (способы и средства выражения языковых значений, языковые категории, языковые единицы) и специфические, характерные для отдельного языка. Единство плана выражения различных языков «проявляется в общих принципах их построения и в частичном сходстве строевых элементов, колеблющемся от языка к языку» [4, с. 11].

Глагольная полипрефиксация характерна для многих языков индоевропейской семьи (для греческого, кельтских, германских, романских языков), это явление известно и за пределами данной языковой семьи (в иберийско-кавказских языках, некоторых африканских и североамериканских). Выделение разных типов полипрефиксации как общеязыкового явления в отечественной литературе детально не описано, но уже первичное сопоставление этого явления в разных языках позволяет выделить несколько типов глагольной полипрефиксации: германо-латино-греческий, кельтский и славянский [6, с. 94–96]. Но, несмотря на наличие этого явления во многих языковых системах, функциональная значимость и место полипрефиксации в системе

слово- и формообразования, смысловая нагрузка аффиксов, механизм полипрефиксации и количество участвующих в ней префиксальных морфем в разных языках различны. Особенности типологической структуры языка «диктуют» смысловое назначение (семантическое, грамматическое и т. п.) данного явления, тот или иной тип полипрефиксации, те или иные функции непервичных префиксов. Полипрефиксация в греческом языке (а также в германских языках, примыкающих к этому типу) вообще не связана с выражением грамматических значений, носит «чистоакционсартный» характер.

В данном исследовании мы обосновываем точку зрения на полипрефиксацию как на особое языковое явление древнегреческого языка (в рамках более широкого явления — префиксации), которое мы интерпретируем как специфический способ семантического обогащения глагола. Полипрефиксальными (многоприставочными) являются глаголы, в которых выделяются два и более префикса.

Многоприставочные глаголы в древнегреческом языке на сегодняшний день не изучены. Однако в классической литературе есть фрагментарные упоминания о наличии

таковых единиц в древнегреческом языке. Так, И. Х. Дворецкий дает представление о наречном происхождении префиксов. Вследствие того, что приставки в доисторическую эпоху были наречиями, они нередко в сложном глаголе отделяются от простого глагола одним или несколькими словами и ставятся или впереди, или позади него. Это явление называется «тмесис» (*τήσις*) — «разрез». Определить в точности, употребляется ли предлог как самостоятельное наречие или представляет собой приставку сложного глагола, находящегося в тмесисе, в большинстве случаев невозможно. Наиболее ясный случай тмесиса тот, когда по смыслу фразы необходим сложный глагол. Например: *ὑπὸ δ' ἔσχετο μισθόν* (Od.4, 525) «он обещал плату»; здесь только сложный глагол *ὑπέσχετο* может дать значение «обещал», а отдельные части его — *ὑπό* и *ἔσχετο*, — этого значения не могут дать [3, с. 1895–1896]. В нашем исследовании мы опираемся на лексикографическую практику, которая предлагает единицы с двумя (реже тремя) префиксами как целостную композиту, и рассматриваем только подобные композитивные единицы.

А. Ч. Козаржевский дает представление только о первичной глагольной префиксации в древнегреческом языке, выделяя 18 предлогов, используемых в языке в качестве приставок (*ἄντι-*, *ἄπο-*, *ἔκ-*, *πρo-*, *ἐν-*, *συν-*, *ἄνα-*, *ἔισ-*, *δια-*, *κατα-*, *μετα-*, *ὑπερ-*, *ἐπι-*, *παρα-*, *περι-*, *πρoσ-*, *ὑπο-*, *ἄμφι-*), и 7 частиц, самостоятельно не существующих в роли предлогов (*α-* со-, *α (ν)* — не-, *δυσ-* без-, *ἡμι-* полу-, *ἄρι-* пре-, *ἴμο-* со-, одно-, *περι-* пре-)[5, с. 230].

М. Н. Славятинская рассматривает префиксацию в рамках глагольного формообразования в древнегреческом языке. Исследователь выявляет в своей работе особенности приращения префиксальных глаголов и дает краткие сведения о наличии двупривставочных глагольных единиц в древнегреческом языке [7].

Учитывая, что глагольная полипрефиксация — словообразовательный процесс, она может быть «вписана» в общую систему словообразования, что позволяет оценить ее место в рамках внутриглагольного префиксального словообразования и выявить особенности полипрефиксации как частного случая префиксации в древнегреческом языке. В качестве рабочего понятия для описания основных словообразовательных моделей полипрефиксальных глаголов в древнегреческом языке мы используем понятие структурно-семантического типа глаголов.

Словообразовательный, или структурно-семантический, тип представляет собой ряд глаголов с одной и той же приставкой и общим словообразовательным значением [1, с. 6]. Словообразовательные типы префиксальных глаголов могут быть представлены по формациям — «совокупностям структур, объединённых наличием в них определённого префикса» [8, с. 7]. Таким образом, словообразовательные типы глаголов с определённым префиксом объединяются в словообразовательные формации с тем же префиксом. Такой способ научного описания глагольных единиц позволяет суммарно

представить всю совокупность синхронно существующих в языке словообразовательных типов.

При описании типологии древнегреческих полипрефиксальных глаголов нами учитывались не только продуктивные словообразовательные типы исследуемых единиц, но и малопродуктивные и непродуктивные типы многопривставочных глаголов.

Продуктивные словообразовательные типы многопривставочных глаголов

1. Словообразовательный тип (выделяется в рамках формации с префиксом *συν-* (= *συν-* перед *β, μ, π, φ, ψ*; *συν-* перед заднеязычными *γ, ζ, κ, χ*)). Наиболее продуктивный словообразовательный тип, который насчитывает 630 глаголов. Приставка *συν-* имеет следующие значения [3, с. 1546]: 1. совместности действия, соучастия; 2. собирательности; 3. одновременности; 4. завершенности, полноты действия. В качестве вторичной данная приставка употребляется в первом, третьем и четвертом значениях. Следовательно, выделим следующие разновидности этого продуктивного словообразовательного типа:

1.1. Глаголы совместного действия, «соучастия»: *συν-καταβίωω* жить вместе; *συν-καταγηράσκω* вместе доживать до старости; *συν-περιάγω* вместе водить кругом и др.

1.2. Глаголы одновременности действия: *συν-καθίημι* одновременно опускаться; *συν-καταθνήσκω* умирать одновременно; *συν-εισάγω* одновременно вводить и др.

1.3. Глаголы завершенности, полноты действия: *συν-καταμύω* закрывать наглухо; *συν-κατασκεδάννυμαι* до конца разливать; *συν-εκποιέομαι* иметь вдоволь и др.

2. Словообразовательный тип (выделяется в рамках формации с префиксом *πρoσ-*). Данный тип насчитывает 256 глаголов. Приставка *πρoσ-* имеет значения [3, с. 1396]: 1. направления; 2. добавления; 3. смежности или близости. В качестве вторичной приставка *πρoσ-* проявляет все свои значения. Отсюда выделяются следующие разновидности данного словообразовательного типа:

2.1. Глаголы направленного действия: *πρoσ-ανατέλλω* подниматься, вздыматься; *πρoσ-ανατρέχω* подниматься бегом; *πρoσ-ανέρπω* вползать вверх и др. Данное значение вторичной приставки характерно для глаголов движения.

2.2. Глаголы добавочного (дополнительного) действия: *πρoσ-αναγράφω* дополнительно писать; *πρoσ-αναδίδωμι* (дополнительно) раздавать; *πρoσ-αποστέλλω* дополнительно присылать; *πρoσ-επάγω* присоединять, добавлять и др.

2.3. Глаголы со значением «смежности или близости»: *πρoσ-αναπίπτω* опускаться рядом (на застольное ложе); *πρoσ-εγγίζω* приближаться, сближаться; *πρoσ-ενυφαίνω* вместе вышивать или вышить; *πρoσ-συνεδρεύω* совместно заседать и др.

3. Словообразовательный тип (выделяется в рамках формации с префиксом *πρo-*). Этот словообразовательный тип насчитывает около 223 глагола. Приставка *πρo-* имеет следующие значения [3, с. 1369]: 1. перед, впереди; 2. вперед или наружу; 3. за, в защиту; 4. предпочтительно, больше; 5. перед, раньше, до; 6. заранее, наперед;

7. вблизи; 8. усиления. В качестве вторичной данная приставка выступает в значении заранее совершенного действия (предварительного действия): *προ-αναίρέω* заранее уничтожать, губить; *προ-ανακινέω* заранее приводить в движение; *προ-εξάγω* предварительно вытаскивать; *προ-επαγγέλλω* ранее возвестить и др.

4. Словообразовательный тип (выделяется в рамках формации с префиксом *'επι-* (= *'επ-* перед гласными)). Данный тип насчитывает 168 глаголов. Приставка *'επι-* имеет значения [2, с. 600]: 1. пребывания на чем-л. или помещения на что-л.; 2. движения против чего-л., к чему-л., до чего-л.; 3. сопровождения; 4. прибавления, избытка; 5. следования, последовательности; 6. причинности. В качестве вторичной приставка *'επι-* выступает во втором, четвертом и пятом значениях. Отсюда выделим следующие разновидности данного словообразовательного типа:

4.1. Глаголы со значением «движения против чего-л., к чему-л., до чего-л.»: *'επ-εκτρέχω* совершать вылазку, делать набег; *'επ-εκχωρέω* (вслед за кем-л. или против кого-л.) выступать, двигаться; *'επ-επιπίπτω* нападать, набрасываться, наваливаться и др.

4.2. Глаголы избыточного действия («прибавления»): *'επ-εισβάλλω* подбрасывать, добавлять; *'επ-εισάγω* (сверх, помимо или вновь) вводить; *'επ-εισδέχομαι* (сверх того) принимать в себя, впускать; *'επι-συντίθημι* (сверх того) добавлять, присоединять и др.

4.3. Глаголы последовательного действия, «следования»: *'επ-εναρίζω* (вслед за чем-л.) убивать; *'επι-συνβαίνω* (вслед за чем-л.) рождаться, образовываться и др.

5. Словообразовательный тип (выделяется в рамках формации с префиксом *'αντι-* (= *'αντ-* перед гласными, = *'ανθ-* перед густым придыханием)). Данный тип насчитывает 156 глаголов. Приставка *'αντι-* имеет следующие значения [2, с. 162]: 1. противоположности; 2. противодействия; 3. враждебности; 4. ответственности, взаимности; 5. замены, замещения; 6. равенства или подобия. В качестве вторичной приставка *'αντι-* выступает в первом, втором, третьем и четвертом значениях. Отсюда выделим следующие разновидности данного словообразовательного типа:

5.1. Глаголы противоположного действия: *'ανθ-υπάρχω* быть противоположным; *'αντ-ανείμι* возвышаться с противоположной стороны; *'αντ-επιτείνω* тянуть в противоположные стороны; *'αντ-εμφαίνω* высказывать противоположное мнение и др.

5.2. Глаголы со значением «противодействия»: *'αντ-επαφίημι* бросаться в атаку; *'αντ-εξάγω* выступать на встречу; *'αντ-εκπέμπω* посылать против (кого-л.) и др.

5.3. Глаголы со значением «враждебности»: *'αντ-αποκτείνω* убивать в отмщение; *'αντ-απόλλυμι* истреблять в отмщение; *'αντ-εμπήγνυμι* в отместку пробивать и др.

5.4. Глаголы взаимного действия: *'αντ-αναίρέω* взаимно уничтожать; *'αντ-υπέικω* делать взаимные уступки; *'αντ-υπηρερετέω* отвечать услугой на услугу и др.

6. Словообразовательный тип (выделяется в рамках формации с префиксом *'εν-* (= *'εμ-* перед губными, = *'εγ-* перед заднеязычными)). Данный тип насчитывает 103 глагола. Приставка *'εν-* имеет следующие значения [2, с. 530]: 1. в, внутри, внутрь и т.д.; 2. обладания каким-л. признаком. В качестве вторичной приставка *'εν-* употребляется в первом значении. Следовательно, можно выделить глаголы со значением «проникновения внутрь, нахождения внутри чего-л.»: *'εν-υπάρχω* (в чем-л.) находиться, содержаться, быть внутри; *'εγ-καταδύομαι* погружаться, нырять; *'εγ-κατακοιμάομαι* (в чем-л.) спать, ночевать; *'εγ-καταπλέκω* вплетать, втыкать; *'εμ-περιγράφω* (в чем-л.) описывать и др.

7. Словообразовательный тип (выделяется в рамках формации с префиксом *παρα-* (= *παρ-* перед гласными)). Данный тип насчитывает 92 глагола. Префикс *παρα-* имеет значения [3, с. 1234]: 1. рядомположности, смежности; 2. движения мимо; 3. передачи, переноса, пересылки; 4. отсутствия, отклонения; 5. переделывания, изменения. В качестве вторичной данная приставка выступает в первом, втором, четвертом и пятом значениях. Следовательно, можно выделить следующие разновидности данного словообразовательного типа:

7.1. Глаголы со значением «смежности действия, рядомположности»: *παρα-καταθήσκω* умирать возле; *παρα-καταχλίνω* класть рядом в постель; *παρα-καταπήγνυμι* вкочлачивать рядом или вдоль; *παρα-κατοιχίζω* поселять рядом; *παρ-εμφύομαι* расти возле.

7.2. Глаголы со значением «движения мимо»: *παρ-εξείμι* проходить мимо, обходить; *παρ-εξελάυνω* проезжать мимо; *παρ-εκτρέχω* бежать мимо, пробегать. Данное значение префикса *παρα-* характерно для глаголов движения.

7.3. Глаголы со значением «отклонения, отсутствия»: *παρ-εκβαίνω* уходить в сторону, отступать, отклоняться; *παρ-εκκλίνω* отклонять, смещать и др.

7.4. Глаголы со значением «переделывания, изменения»: *παρ-εισφέρω* привносить, прилагать, предлагать (новый закон); *παρ-αναγιγνώσκω* при чтении сравнивать и др.

8. Словообразовательный тип (выделяется в рамках формации с префиксом *'εκ-* (= *'εξ-* перед гласными)). Данный тип насчитывает 83 глагола. Приставка *'εκ-* имеет следующие значения [2, с. 476]: 1. отделение, удаление; 2. завершение; 3. высокую степень; 4. происхождение. В качестве вторичной приставка *'εκ-* выступает в первом, втором и третьем значениях. Отсюда можно выделить следующие разновидности данного словообразовательного типа:

8.1. Глаголы со значением «отделения, удаления»: *'εκ-περιπλέω* (из какого-л. места) на корабле объезжать, огибать; *'εκ-προφεύγω* убежать, ускользнуть, избегать и др.

8.2. Глаголы, обозначающие «завершение действия»: *'εξ-αποφείρω* совершенно губить, полностью уничтожать; *'εκ-περαίνω* завершать, оканчивать; *'εξ-αναστέφω* обвинять сверху донизу; *'εξ-απόλλυμι* совершенно уничтожать, истреблять до конца.

8.3. Глаголы со значением «высокой степени действия»: *'εξ-αποζώνω* хорошо заострять; *'εκ-προθυμέομαι* страстно желать; *'εκ-προτιμάω* чтить превыше всего и др.

9. Словообразовательный тип (выделяется в рамках формации с префиксом *'υπο-* (= *'υπ'* in elisione, *'υφ-* перед придыхательными)). Данный тип насчитывает 77 глаголов. Префикс *'υπο-* имеет следующие значения [3, с. 1684]: 1. под-; 2. подчиненности; 3. скрытости, незаметности или постепенности; 4. ослабленности качества. В качестве вторичной приставка *'υπο-* выступает в третьем и четвертом значениях. Отсюда можно выделить следующие разновидности данного словообразовательного типа:

9.1. Глаголы скрытного, незаметного или постепенного действия: *'υπ-ανοίγω* тайком открывать, осторожно отпирать; *'υπ-εισδύομαι* тайком или исподволь проникать; *'υπ-εκκλέπτω* тайком похищать; *'υπ-εκρέω* постепенно вытекать и др.

9.2. Глаголы со значением «ослабленности качества действия»: *'υπ-αποκινέω* слегка отстраняться, отходить; *'υπ-ενδίδωμι* несколько сдавать, поддаваться, слабеть; *'υπ-εξαναβαίνω* немного отступать.

Малопродуктивные словообразовательные типы характеризуются нерегулярностью и представлены меньшим количеством единиц:

1. Глаголы с вторичным префиксом *κατα-* (= *κατ-* перед гласными) (49 глаголов) со значением [2, с. 881]:

– усиления (добавления) действия: *κατ-επάγω* добавлять, присоединять; *κατ-ευλογέω* сильно хвалить;

– «враждебности» или «противодействия»: *κατ-εναίρω* убивать, умершвлять; *κατ-ερείπω* разрушать, сокрушать; *κατ-ανίσταμαι* поднимать восстание.

1. Глаголы с вторичным префиксом *δια-* (= *δι-* перед гласными) (49 глаголов) со значением [2, с. 363]:

– «сквозного движения, проникновения»: *δι-εκθέω* мчаться напролом, прорываться; *δι-εκπίπτω* падать сквозь, проваливаться, выходить, прорываться, убегать, ускользать; *δι-εκπνέω* дуть насквозь;

– распределенного действия: *δι-αναπαύω* давать от времени до времени передышку; *δι-ενριπίζω* двигаться в противоположных направлениях;

– усиления действия: *δι-ευκρινέω* тщательно разделять, приводить в порядок, строго разграничивать, тщательно разбирать, исследовать;

– «завершенности» действия: *δι-αντλέω* вычерпывать до конца, исчерпывать; *δια-περαίνω* доводить до конца, заканчивать, завершать.

2. Глаголы с вторичным префиксом *'απο-* (= *'απ-* перед гласными) (38 глаголов) со значением [2, с. 196]:

– «отделения» или «удаления»: *'απ-αμ-είρομαι* лишаться; *'απ-εναρίζω* снимать доспехи; *'απο-προ-τέμνω* отрезывать;

– «превращения»: *'απ-ανθρακώω* превращать в уголь, обугливать.

3. Глаголы с вторичным префиксом *'υπερ-* (28 глаголов) со значением [3, с. 1671]:

– чрезмерного, чрезвычайного действия: *'υπερ-ανατείνω* чрезмерно вытягивать; *'υπερ-αντλέομι* до изнеможения вычерпывать (о течи в корабле); *'υπερ-εκτείνω* напрягать сверх меры; *'υπερ-επαίνέω* чрезмерно расхваливать, превозносить.

Непродуктивные словообразовательные типы характеризуются незначительным количеством глаголов и непродуктивностью вторичной приставки в качестве префикса-производителя новых лексических единиц. К данному типу относятся:

1. Глаголы с вторичным префиксом *μετα-* (= *μετ-* перед гласными) (15 глаголов) со значением [3, с. 1077]:

– «изменения, перемены» действия: *μετ-εμβαίνω* переходить, пересаживаться; *μετ-εμβιβάζω* пересаживать, перегружать; *μετ-αμπέχομαι* переодеваться.

1. Глаголы с вторичным префиксом *περι-* (= *περ-* перед гласными) (10 глаголов) со значением [3, с. 1286]:

– движения «около, вокруг, кругом» чего-либо: *περι-καταλαμβάνω* окружать, охватывать кольцом; *περι-καθαίρω* очищать кругом; *περι-καταρρέω* низвергаться со всех сторон, обрушиваться.

2. Глаголы с вторичным префиксом *'εισ-* (9 глаголов) со значением [2, с. 468]:

– «проникновения»: *'εισ-αναβαίνω* подниматься, всходить, взбираться; *'εισ-άνειμι* всходить, подниматься; *'εισ-αφίημι* впускать, допускать.

3. Глаголы с вторичным префиксом *'ανα-* (= *'αν-* перед гласными) (7 глаголов) со значением [2, с. 110]:

– «движения вверх»: *'ανα-καθίζω* (о лежащем) привставать, приподниматься, принимать сидячее положение;

– «усилительности» действия: *'ανα-μετρέω* тщательно мерить, измерять; *'αν-ευρύνω* шире раскрывать, делать шире;

– повторного действия: *'αν-εκπίμπλημι* вновь заполнять.

4. Глаголы с вторичным префиксом *'αμφι-* (4 глагола) со значением [2, с. 102]:

– действия «вокруг чего-либо»: *'αμφι-περιστέρω* обвивать венцом; *'αμφι-περιτρώζω* щебетать кругом, наполнять воздух щебетанием.

Таким образом, древнегреческая полипрефиксация представлена значительным количеством единиц разнообразной семантики. Древнегреческие многоприставочные глаголы представляют собой группу неоднородных единиц, которые, несмотря на единый формальный признак (наличие второй приставки), отличаются друг от друга по количеству приставок, по степени продуктивности вторичного префикса, по семантике вторичного префикса. В работе выше речь шла о двуприставочных единицах (*'επ-εισβάλλω* подбрасывать, добавлять; *'εκ-προείπω* оставлять), в то время как для древнегреческого языка характерны и трехприставочные образования, хотя их количество незначительно — 41 единица (*'αντ-επεισάγω* вводить на место или взамен (чего-л.); *'αντ-επεισφόρομαι* обратно нести или проникать; *'εξ-υπ-ανίσταμαι* подни-

маться (из-под чего-л.); *ἔπι-παρεμβάλλω* 1) перестраивать; 2) перестраиваться; *μετ-εξάνισταται* переходить, уходить; *προ-επαυασείνω* заранее угрожать; *συγ-κατευθύνω* совместно направлять; *ὑπ-εξαναβαίνω* немного отступать и др.). Следует отметить, что преобладающее большинство перечисленных единиц образовано при помощи продуктивных непервичных префиксов *συν-*, *προσ-*, *προ-*, *ἔπι-*, *ἄντι-*, *ἔκ-*, *ὑπο-*. На наш взгляд, явление третичной полипрефиксации связано с функциональной особенностью непервичной приставки дополнять семантику глагола. Такую особенность древнегреческих префиксов мы объясняем их природой. В древнегреческом языке, приставки этимологически восходят к предлогам, сохраняя и в качестве морфемы свою служебную функцию. В древнегреческом языке предлоги, которые соединялись с глаголом в качестве приставки в одно слово, первоначально были наречиями места (ср. рус. Я возле дом построил) [3, с. 1895–1896]. Из значения места развилось значение времени, а затем и другие их значения (цели, причины, образа действия и т.д.). В данном случае третичные приставки не являются исключением. Само наличие трехприставочных глаголов в языке, по всей видимости, говорит о развитости полипрефиксации как языкового явления в целом.

Таким образом, проведённое исследование показало, что полипрефиксальные глаголы древнегреческого языка

представляют собой группу разнородных (по количеству непервичных приставок, по степени продуктивности вторичного префикса, по семантике вторичного префикса) глагольных единиц, характеризующихся при этом общими свойствами для данного языкового явления. Полипрефиксация в древнегреческом языке представляет собой частный случай глагольной префиксации вообще и подчинена общим законам префиксации. Ее суть сводится к дополнительному семантическому насыщению глагола, усилению его совокупного смысла. В рамках данного явления выделяются определенные, сложившиеся на протяжении длительного развития полипрефиксации модели, по которым образуются данные единицы, — структурно-семантические типы. Среди них выделяются (по численности глаголов) продуктивные (насчитывают до 630 единиц), малопродуктивные (до 50 глаголов) и непродуктивные типы (5–10 единиц). Учитывая общеязыковой характер глагольной полипрефиксации в целом, можно утверждать, что древнегреческие многоприставочные глаголы не обладают, в отличие от подобных единиц в других языках, грамматической функцией. Их лексико-семантическая сущность реализуется в рамках способов глагольного действия, актуализирующих тот или иной тип протекания действия и его пространственные ориентиры. Последняя особенность отличает единицы древнегреческого языка от подобных единиц в славянских языках.

Литература:

1. Головин, Б.Н. Приставочное внутриглагольное словообразование в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... док. филол. наук. М., 1966. 42 с.
2. Дворецкий, И.Х. Древнегреческо-русский словарь. Т. 1. М., 1958. с. 1–1043.
3. Дворецкий, И.Х. Древнегреческо-русский словарь. Т. 2. М., 1958. С.1054–1900.
4. Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление. М., Л.: Наука, 1972. 216 с.
5. Козаржевский, А.Ч. Учебник древнегреческого языка: учеб. пособие для вузов. М.: Изд-во Московского университета, 1975. 408 с.
6. Ройзензон, Л.И. Славянская глагольная полипрефиксация: Автореф. дис. ... док. филол. наук. Минск, 1970. 104 с.
7. Славянская, М.Н. Учебник древнегреческого языка Ч.2: учеб. пособие для вузов по направлению «Филология», специальности «Классическая филология». М.: Филология, 1996. 365 с.
8. Черепанов, М.В. Глагольное словообразование в современном русском языке. Учебное пособие. Саратов, 1975. 140 с.

Лингвокультурные концепты в обучении иноязычному общению

Стешина Елена Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент;

Сботова Светлана Викторовна, кандидат культурологии, доцент;

Пряхина Валерия Львовна, студент

Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

В настоящее время исследование концептосферы, ее наиболее коммуникативно-релевантных концептов с точки зрения их этнокультурного своеобразия, детальное изучение структуры коллективного языкового

сознания, отраженного в когнитивно-структурных особенностях концептов, — это те глубокие проблемы, разработка которых способствует расширить инструментарий при обучении иноязычному общению.

С.Г. Воркачев и Г.В. Кусов полагают, что существует «когнитивная память слова» — смысловые характеристики языкового знака, связанные с его исконным предназначением, национальным менталитетом и системой духовных ценностей носителей языка [1, с. 91]. Этимологию лексемы роскошный можно рассмотреть, опираясь на изучение имени существительного роскошь. В этимологическом словаре М. Фасмера лексема роскошь относится к укр. рóскіш, род. — оши, блр. рoскóша «невоздержанность», болг. разкóш (Младенов 547), сербохорв. рáскош «наслаждение», словен. gazkoš «сладострастие», др. — чеш., чеш., слвц. gozkoš «радость, наслаждение, блаженство», польск. goskosz — то же. Связано с чеш. kochati «любить», польск. kochać, далее, вероятно, с коснуться; см. Мi. EW 122; Брюкнер, KZ 43, 311; Бернекер 1, 538; Педерсен, IF 5, 53; Желтов, ФЗ, 1876, вып. 1, 16 и сл.; Грот, Фил. Раз. 2, 509. Рискованны сближения Отрембского (ZW 286 и сл.), Агреля (BSIL. 50 и сл.). Последний сравнивает это слово с др. — инд. cīkṣati «помогает, воздаёт должное, служит», но его сближают и с cākṣati «может, помогает»; см. Уленбек, Aind. Wb. 301. [2, с. 504]

Исследователи Н.М. Шанский, Т.А. Боброва полагают, что роскошь общеслав. преф. производное от той же основы, что *кохать* «любить» (*x > ш* перед *ь*), *касаться*. Исходное значение — «наслаждение, сладострастие». [3, с. 232]

Этимологический словарь английского языка on-line даёт следующие сведения о развитии лексемы *luxurious*:

c.1300, «lascivious, lecherous, unchaste», from Old French *luxorios* «lustful, lascivious» (Modern French *luxurieux*), from Latin *luxoriosus*, from *luxuria* (see *luxury*). Meaning «given to luxury, voluptuous» (of persons) is from c.1600. Of things, meaning «characterized by luxury» is attested from c.1650. Related: *Luxuriously*; *luxuriousness*.

Luxury (n.)

c.1300, «sexual intercourse;» mid-14c., «lasciviousness, sinful self-indulgence», from Old French *luxurie* «debauchery, dissoluteness, lust» (Modern French *luxure*), from Latin *luxuria* «excess, luxury, extravagance, profusion; delicacy» (source also of Spanish *lujuria*, Italian *lussuria*), from *luxus* «excess, extravagance, magnificence», probably a figurative use of *luxus* (adj.) «dislocated», which is related to *luctari* «wrestle, strain».

Meaning «sensual pleasure» is late 14c. Lost its pejorative taint 17c. Meaning «habit of indulgence in what is choice or costly» is from 1630s; that of «sumptuous surroundings» is from 1704; that of «something enjoyable or comfortable beyond life’s necessities» is from 1780. Used as an adjective from 1916. [4]

Проведя анализ разнообразных источников материала, мы смогли выделить и проследить некоторые пути становления значений лексем:

1. лексема *роскошь* относится к украинскому слову *рóскіш*, болгарскому *рoскóша* — «невоздержанность», сербохорватскому *рáскош* «наслаждение», словенскому

gazkoš — «сладострастие», чешскому *gozkoš* «радость, наслаждение, блаженство».

2. русская лексема *роскошь* — префиксальное производное от той же основы, что *кохать* «любить» (*x > ш* перед *ь*), *касаться*.

3. английская лексема *luxurious* произошла из старофранцузского языка от слова *luxorios* — «похотливый, сладострастный», которое заимствовано из латинского языка *luxoriosus*, from *luxuria* — «роскошный», «роскошь».

4. в 13 веке лексема *luxury* приобретает значение *sexual intercourse* «половое сношение», а в 14 веке — «развращенность, грешное баловство».

5. английская лексема *luxury* заимствована из древнефранцузского языка *luxurie* — «разврат, распущенность, жажда», и имеет латинские корни *luxuria* — «избыток, роскошь, расточительность, обилие», *luxus* — «избыток, экстравагантность, великолепие».

Изучаемые концепты, объективируемые в русском и английском языке лексемами *luxurious* и *роскошный*, представлены обширным и хорошо структурированным лексическим полем, что свидетельствует об их коммуникативной релевантности для русского и английского языкового сознания.

Исследование языкового сознания осуществляется экспериментальными методами. В нашей работе мы используем свободный ассоциативный эксперимент. Проведенный ассоциативный эксперимент показывает ряд сходств и различий в ответах информантов. В ходе исследования стимулы и реакции обнаруживают плотную семантическую близость. В ходе проведения свободного ассоциативного эксперимента с русскоязычными респондентами были получены следующие реакции на слово-стимул *роскошный*.

Формирование ассоциативного поля концепта **роскошный**

Красивый (14), красиво, автомобиль (3), вид, шикарный (7), блестящий (4), дорогой, излишки, приторный, блистательный (2), счастье, успешный, блеск (3), драгоценности, великолепный (2), платье, богатство, розовый, очарованный, изобилующий, дом (3), диван, хорошо одет, красота, шик (2), богатый (3).

В составе ассоциативного поля слова-стимула *роскошный* наиболее частотными являются следующие реакции: красивый — 23,7%, шикарный — 11,8%, блестящий — 6,7%, автомобиль, блеск, дом, богатый — 5%, блистательный, великолепный, шик — 3,4%.

В ходе анализа реакций на слово-стимул *роскошный* можно выделить такие когнитивные признаки как:

1) выражается в красоте (красивый 14, красиво 1, великолепный 2, красота 1)

2) может быть блестящим (блестящий 4, блистательный 2, блеск 3)

3) может быть шикарным (шикарный 7, шик 2)

4) роскошный предполагает обладание вещами (автомобиль 3, дом 3, платье 1, диван 1, драгоценности 1)

5) наличие богатства (дорогой¹, богатый³, богатство¹, изобилующий¹)

6) негативное отношение (излишки¹, приторный¹)

7) успешность (успешный¹)

8) роскошный ассоциируется с розовым цветом (розовый¹)

9) роскошный очаровывает (очарованный¹)

10) счастливое состояние (счастье¹)

В ассоциативном поле слова-стимула *роскошный* можно выделить ядерный когнитивный признак *состояние красоты*, имеющий достаточно высокий рейтинг 30,5%. Базовый слой ассоциативного поля представлен четырьмя когнитивными признаками: *может быть блестящим* (17%); *может быть шикарным* (15,2%); *обладание вещами* (13,5%); *наличие богатства* (10%). К периферии относятся признаки: *негативное отношение* (3,4%); *успешность*; *ассоциируется с розовым цветом*; *очаровывает*; *вызывает счастливое состояние* по 1,7%.

Формирование ассоциативного поля концепта **luxurious**

Comfort (3), amazement, greedy people, rich (2), creamy, penthouse, comfy (2), indulgence, plush, home, wallet, money, playful, decadent (2), selfish, quality, pampered, flamboyant, wealthy, opulence (2), toys, velvet (2), crystal and gold, electronics, unnecessary, excessive, lovely, sofa (2), furs (2), desirable, expensive, car, silk, clothes, splendid, nice, yacht, spend, comfortable, lifestyle, carpet, enjoyment, royalty, holiday (2).

Содержание ассоциативного поля стимула *luxurious* выглядит следующим образом: comfort — 5,5%, rich, comfy, decadent, opulence, velvet, sofa, furs, holiday — 3,7%. Совпадающими реакциями являются следующие: богатый — rich, диван — sofa, шикарный — pampered, красивый — lovely.

В языковом сознании молодежи Великобритании нами выделены когнитивные признаки:

1) обладание вещами (penthouse¹, home¹, wallet, toys¹, velvet², electronics¹, sofa², furs², car¹, silk¹, clothes¹, yacht¹, carpet¹, crystal and gold¹)

2) радость, наслаждение (playful¹, enjoyment¹)

3) состояние комфорта и уюта (comfort³, comfy², comfortable¹)

4) обладание богатством (wealthy¹, expensive¹, money¹, opulence², rich²)

5) роскошный выражается в шикарности (creamy¹, plush¹, pampered¹, splendid¹)

6) роскошный привлекает своей красотой и яркостью (flamboyant¹, lovely¹, nice¹)

7) праздник (holiday²)

8) роскошь бывает излишней (unnecessary¹, excessive¹, indulgences¹)

9) вызывает изумление (amazement¹)

10) предполагает затраты (spend¹)

11) с роскошью связаны эгоистичность и жадность (selfish¹, greedy people¹)

12) к роскоши стремятся (desirable¹)

13) роскоши противопоставляется упадок (decadent²)

14) роскошь — у членов королевской семьи (royalty¹)

15) предполагает высокое качество жизни (quality¹, lifestyle¹)

В ассоциативном поле слова-стимула *luxurious* нами выделяется ядерный когнитивный признак: *обладание вещами* (31,5%). Базовый слой ассоциативного поля слова-стимула *luxurious* представлен признаками: *обладание богатством* — 14,8%; *состояние комфорта и уюта* — 11%. Ближняя периферия представлена признаками: *выражается в шикарности* — 7,4%; *бывает излишней*; *привлекает своей красотой и яркостью* по 5,5%; *приносит радость, наслаждение*; *ожидание праздника*; *с роскошью связаны эгоистичность и жадность*; *роскоши противопоставляется упадок*; *высокое качество жизни* — по 3,4%.

Ядерный признак английского сознания — *роскошь предполагает обладание вещами*. Красивый, блестящий, шикарный — когнитивные признаки русского молодежного сознания эмоционально прочувствованы и сильно отличаются от результатов анализа английского сознания. Носители английского языка, как подчеркивает А. Вежицкая, обычно не говорят о своей «охваченности» тем или иным чувством (не в том смысле, что они пассивно ему предаются, а в том, чтобы активно купаться в его волнах). И сама идея активности и ее языковое воплощение, видимо, абсолютно несвойственны и даже чужды англо-саксонской культуре. [5, с. 165].

Антропологи часто говорят о «западных» языках вообще и английском в частности как о крайне сосредоточенных на эмоциях и как об исключительно богатых терминами, выражающими эмоции, это является результатом западного индивидуализма и склонности к интроспекции. Поэтому, сравнивая английский язык с русским, особенно интересно отметить, что именно русский здесь выступает как язык, уделяющий эмоциям гораздо большее внимание и имеющий значительно более богатый репертуар лексических и грамматических выражений для их разграничения

Литература:

1. Воркачев, С. Г., Кусов Г. В. Концепт «оскорбление» и его этимологическая память // Теоретическая и прикладная лингвистика. — Вып. 2. Язык и социальная среда. — Воронеж, 2000. — С. 90–101.
2. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. Изд-е 2-е, стереотип. М.: Прогресс. — 1986. Т. 2. — 504 с.
3. Шанский, Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина, 1994. — 400с.

4. <http://www.etymonline.com>
5. Вежицкая, А. Язык. Культура. Познание. — М.: Русские словари, 1996. — 416 с.

Использование свободного ассоциативного эксперимента при обучении иностранному языку

Штешина Елена Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент;
Сботова Светлана Викторовна, кандидат культурологии, доцент,
Стаброва Анастасия Александровна, студент
Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

Изучение функционирования социокультурных концептов при обучении иноязычному общению является одним из перспективных направлений развития современной когнитивной науки, что позволяет углубить знания о социопсихолингвистической природе формирования языкового сознания разных лингвокультур и социальных сообществ.

Предлагаемое исследование находится как бы на гребне пересечения таких направлений развития науки о языке, как лингвокультурология, этнопсихолингвистика и когнитивная лингвистика, направленных на изучение коллективного сознания на материале языка с использованием психолингвистических методов. Материалом лингвокогнитивного анализа монографии являются уже не только русский и английский язык, но и исследование материалов французского языка, что расширяет возможности моделирования содержания и структуры концептов как единиц национального сознания молодежи. [1, с. 5]

Концепт, как известно — это величина динамичная, зависящая от состояния общества, от смены приоритетов и ценностей. [2, с. 56] Что, как не молодежное сознание, в высокой степени подвержено сиюминутным влияниям в обществе? Объективность анализа материала позволила представить «этнокультурную специфику» изучаемых концептов.

В нашей работе с целью исследования ядерных и базовых когнитивных слоёв использовался свободный ассоциативный эксперимент. Применение свободного ассоциативного эксперимента объясняется тем фактом, что концепт тесно связан с ассоциативным пространством или полем имени, проявляясь в нём. Ассоциативным полем слова является совокупность ассоциатов на слово-стимул. Материалом являются данные, полученные в ходе экспериментального исследования.

В ходе проведения свободного ассоциативного эксперимента с русскоязычными респондентами были получены следующие реакции на слово-стимул нищета.

Формирование ассоциативного поля стимула **нищета**

Беднота (6), бедность (4), пустота, стыд, невозможность, судьба, жалость (2), угнетение, убогие квартиры, положение, нехватка всего (2), нехватка денег, рваный носок, голодранцы, разруха, нужда (2), убогость, работа, безысходная, убогая, голод (2), серость, огорчение, слезы, холодно, ужас, хлеб (черствый), отчуждение, грязь, без-

денежье, хижина, их много, бараки, страшная старуха, развал, трудно жить, беспросветность (49)

Ассоциативное поле слова-стимула нищета представлено следующим образом: беднота — 12,2%; бедность — 8,1%; жалость, нехватка всего, нужда, голод по 4% каждый.

В языковом сознании молодежи России нами выделены когнитивные признаки:

1. предполагает состояние бедности (беднота⁶, бедность⁴, нужда², убогость¹, убогая¹, нехватка денег, нехватка всего², безденежье¹)
2. вызывает депрессивное состояние (угнетение, отчуждение, пустота)
3. утопичность (невозможность¹, беспросветность¹, безысходная¹, серость¹, судьба¹)
4. проживание в неблагоприятных условиях (убогие квартиры¹, хижина¹, бараки¹, разруха¹, развал¹, грязь¹)
5. вызывает чувство жалости (жалость²)
6. вызывает чувство стыда (стыд¹)
7. приносит огорчение (огорчение¹, слезы¹)
8. холод, голод сопутствуют нищете (холодно¹, голод², хлеб (черствый)¹, трудно жить¹)
9. нищета многочисленна (их много¹, голодранцы¹)
10. в состоянии нищеты необходимо работать (работа)
11. имеет образ старухи (страшная старуха¹)
12. ассоциируется с рваным носком (рваный носок¹)

В ядерный слой ассоциативного поля слова-стимула нищета в русском языковом сознании входит когнитивный признак: нищета — состояние бедности — 36,7%. Базовый слой представлен: нищета — это проживание в неблагоприятных условиях — 12,2%; предполагает утопичность; голод и холод сопутствуют нищете по 10,2%. Ближняя периферия представлена следующими признаками: вызывает депрессивное состояние — 6,1%; вызывает чувство жалости; приносит огорчение; нищета многочисленна по 4%. Дальнюю периферию составляют признаки: вызывает чувство стыда; в состоянии нищеты необходимо работать; нищета имеет образ старухи; нищета ассоциируется с рваным носком.

Формирование ассоциативного поля стимула **misery**

Poverty (4), death, despair, unfortunate, unhappy life-style, most people haven't really experienced what it is,

hunger, sadness (6), war, crying (2), defeat, destitution, pain (3), suffering, torment, gloomy, crying, ill, misfortune, sad (5), depressed, depression (5), unhealthy, no hope, unhappiness, loneliness, sympathy, cry, melancholy, bitter, wretched, unhappy, hopelessness, realism. (53)

Среди наиболее частотных реакций ассоциативного поля слова-стимула *misère* обнаружены реакции: depression — 9,4%, poverty — 7,5%; sad — 9,4%; sadness — 11,3%; pain — 5,6%; crying — 3,7%. Совпадающими в этих полях являются реакции: бедность — poverty, плач — cry, угнетение — depression. В ходе анализа эмпирического материала в работе выявляются такие когнитивные признаки как:

1. приводит в уныние, депрессивное состояние (sadness6, sad 5, depressed, depression5, melancholy1, despair, bitter1, misfortune1, gloomy1, loneliness1)
2. причиняет боль и мучения (suffering, torment, pain3, destitution1, crying3, cry1)
3. предполагает состояние бедности (poverty4, wretched)
4. приносит неудачу (unfortunate, unhappy lifestyle, unhappiness, unhappy, defeat)
5. предполагает отсутствие здоровья (unhealthy, ill)
6. является следствием войны (war1, death1)
7. предполагает потерю надежды (no hope, hopelessness)
8. большинство людей не знают, что такое нищета (most people haven't really experienced what it is1)
9. предполагает отсутствие еды (hunger1)
10. вызывает симпатию (sympathy1)
11. нищета — это реальное положение (realism1)

Ядерным когнитивным признаком ассоциативного поля слова-стимула *misère* является признак нищета приводит в уныние, депрессивное состояние — 43,4%. Базовый слой составляют такие когнитивные признаки как: причиняет боль и мучения — 18,8%; состояние бедности; приносит неудачу по 9,4%. На периферии ассоциативного поля слова-стимула *misère* находятся следующие признаки: отсутствие здоровья; война приносит нищету; потеря надежды по 3,7%; большинство людей не знают, что такое нищета; отсутствие еды; вызывает симпатию; это реальное положение по 1,8%.

Формирование ассоциативного поля стимула **la misère** Nécessaire 3; envie 4; aide; demande 2; souffrir 8; manger 7; nourrir 5; aider 4; boire, demander, éprouver, parvenir, service, soin, soutenir, travailler; ami, amour, atten-

tion, changer, chasser, chercher, confiance, conseil, exiger, faim, fumer, intéresser, pauvreté 5, pauvre 2.

Ассоциативное поле слова-стимула *misère* представлено следующим образом: souffrir — 12,6%; manger — 11%; nourrir, pauvreté — по 8% каждый; envie, aider — по 6,3%; nécessaire — 4,7%; demande, volonté — по 3%. Единичные реакции составляют 33,3%.

В языковом сознании молодежи Франции нами выделены когнитивные признаки:

1. в состоянии нищеты развито чувство зависти (envie 4)
2. нищета — состояние потребительства (demande 2; demander, exiger)
3. нищета вызывает страдания (souffrir 8)
4. нищета вызывает чувство голода (manger 7; nourrir 5, faim)
5. терпение характерно для нищеты (éprouver)
6. состояние нищеты нужно преодолевать (parvenir, volonté 2, travailler)
7. в состоянии нищеты проявляются чувства доверия и помощи (confiance, conseil, ami, amour, attention, soutenir, aider 4, service, soin, intéresser, aide)
8. состояние нищеты следует менять (changer, chasser, chercher)
9. нищета — состояние пьянства (boire, fumer)
10. нищета — состояние бедности (pauvreté 5, pauvre 2, nécessaire 3)

Ядерным когнитивным признаком ассоциативного поля слова-стимула *misère* является признак: в состоянии нищеты проявляются чувства доверия и помощи — 22%. Базовый слой составляют такие когнитивные признаки, как: нищета вызывает чувство голода — 20,6%; нищета — состояние бедности — 15,8%; нищета вызывает страдания — 12,5%. На ближней периферии ассоциативного поля слова-стимула *misère* находятся следующие признаки: в состоянии нищеты развито чувство зависти — 6,5%; состояние нищеты нужно преодолевать — 6,5%; нищета — состояние потребительства — 6,5%. На дальней периферии можно обнаружить следующие признаки: состояние нищеты следует менять — 4,7%; нищета — состояние пьянства — 3,2%; терпение характерно для нищеты — 1,5%.

Основываясь на данных проведенного нами ассоциативного эксперимента, можно сказать, что ядерная зона концепта нищета / *misère* / *misère* сильно отличается.

	Ядерный слой	Базовый слой
Русское сознание	нищета — состояние бедности — 36,7%.	нищета — это проживание в неблагоприятных условиях — 12,2%; нищета предполагает утопичность; голод и холод сопутствуют нищете — по 10,2%.
Английское сознание	нищета приводит в уныние, депрессивное состояние — 43,4%.	причиняет боль и мучения — 18,8%; нищета — состояние бедности; приносит неудачу — по 9,4%.
Французское сознание	в состоянии нищеты проявляются чувства доверия и помощи — 22%.	нищета вызывает чувство голода — 20,6%; нищета — состояние бедности — 15,8%; нищета вызывает страдания — 12,5%.

Самый высокий рейтинг 36,7% в русском языке занимает когнитивный признак *нищета* — *состояние бедности*. Для английского и французского сознания данный признак не является значимым.

Английские респонденты приводят в пример слова, ассоциирующиеся с внутренней жизнью страны. Самый высокий рейтинг 43,4% в английском языке занимает признак *нищета приводит в уныние, депрессивное состояние*. Это различие очень важно для понимания различий языкового сознания двух наций, где русская нация живет среди бедности, а английское сознание глубоко переживает за подобное социальное явление. Когнитивный признак *в состоянии нищеты проявляются чувства доверия и помощи*, который составляет 22% характерен для французской нации, которая представляется мило-сердной, терпимой и принимающей огромное участие в ликвидации такого явления как бедность и нищета.

Базовый слой представлен практически одинаково: *нищета* — *это проживание в неблагоприятных ус-*

ловиях, испытывая чувство голода и вызывая болезни и страдания.

Предпринятая работа подтверждает правомерность выделения концептов *нищета, misery, misère* центральными концептами русской, французской и английской концептосферы, так как изучаемые концепты объективируются в русском и английском языке обширным и хорошо структурированным лексическим полем, что свидетельствует об их коммуникативной релевантности для русского, французского и английского языкового сознания. Исследование также обосновывает эффективность проведения свободного ассоциативного эксперимента, применяемого в процессе изучения указанных концептов.

Выполненная работа открывает перспективы для дальнейшего изучения концептов *богатств, wealth* и особенностей их функционирования в языковом сознании той или иной лингвокультурной общности.

Литература:

1. Гринцова, О. В., Стешина Е. Г., Козина Т. А. От концепта к значению. Лингвистические приемы вербализации концепта бедность /poverty. — Пенза: Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, 2013. — 124с.
2. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. — Воронеж: Истоки, 2003. — 192 с.

Problems of phonosemantics in modern English

Фаттоева Зарина Рахматовна, ассистент

Бухарский филиал Ташкентского института ирригации и мелиорации (Узбекистан)

Sound symbolism or phonosemantics is a branch of linguistics and refers to the idea that vocal sounds have meaning. In particular, sound symbolism is the idea that phonemes carry meaning in and of themselves. Like most other fields of modern research — chemistry, astronomy, mathematics — linguistics, and phonosemantics in particular, finds its beginnings in the mystical and religious literature of the various traditions. The first work that took a more modern, critical approach to the subject was Plato's Cratylus dialogue. The subject was sporadically discussed in religious and mystical texts throughout the Middle Ages and Renaissance.

— wr shows obliquity or twisting: wry, wrong, wreck, and wrist, "which twists itself and everything else in all directions."

— br points to a breach, violent and generally loud splitting apart: break, breach, brook.

— cl reflects adherence or retention: cleave, clay, climb, close, "almost all of which come from claud." (1;32)

He then went on to argue that in the case of several words at least, the bulk of their semantics could be analyzed down

to a combination of their phonesthemes. For example in the word 'sparkle', the initial 'sp-' indicates dispersion (spit, splash, sprinkle); the medial 'ar' represents high-pitched

crackling; the 'k' is a sudden interruption; and the final 'l', frequent repetition (wobble, wobble, battle, twiddle, mottle, etc.)

In the 18th century, Mikhail Lomonosov propagated an idiosyncratic theory that words containing the front vowel sounds E, I, Y, U should be used when depicting tender subjects, and those with back vowel sounds O, U, Y — to when describing things that may cause fear («like anger, envy, pain, and sorrow»).

At the present stage of the language system there are many studies showing the fundamental and involuntary motivation of the sign in the language. With the expansion of research on sound symbolism for a long time, there is a need to develop a unified theory generalizes sound symbolism asserting semantic sound and consistent application of the main provisions of the general systems theory to study the connection between sound and its meaning in the word. After reviewing a number of scientific publications: D. K. Zelenin,

J. R. Furse, L. S. Bloomfield, L. S. Voronina, T. B. Nazarova and the other authors, we note a definite difference of views on the nature of language phonosemantics. As a rule, scientists recognized the special derivational status phonostem, which are treated as either a very special kind of phonemes (phonemic combinations), or as a specific kind of morphemes, either as a unit, “intermediate” between phonemes and morphemes, which have characteristics of both. We consider several aspects in order to prove the existence of a direct relationship between phonemes motivated and believe in the words of the name attribute of the object based — denotatum within phonosemantics. Phonosemantics exists at the junction of phonetics (scheduled maintenance) and lexicology (the aggregate of these plans). (3;99)

In this context it is important to pay attention to the relationship with the Assembly of psycholinguistics. Since the object of phonosemantics is considered to be sound symbolism (onomatopoeic) of language system, it is important to emphasize that sound symbolisms are not only those words which are felt today by native speakers as having a phonetically motivated connection between sound and meaning, but all the words in which this relationship in the language evolution was weakened. Let us review one of the important components of phonosemantics is onomatopoeic subsystem.

Onomatopoeia is a natural involuntary phonetically motivated by the connection between words and phonemes relies on sound basis for the nomination (acoustic) denotatum sign. (5;76)

Onomatopoeic words are often motivated by extralinguistic reality and simulators are the usual natural sounds. Thus, onomatopoeia (sound imitation) is what an action-subject, it's a sign of quality, sometimes the subject itself, reproducing sound, associated with it. For example, words for the sounds of water: babble, blab, flush, gurgle, gush, splash, etc. Among sound symbolising words in most cases, there are verbs, often passing into nouns and interjections: crash, thump, flash, tick, tootles, suck, etc. Semantically, the words are adjacent to certain groups, in accordance with the sound source. Many verbs convey the sounds of a man in the process of communication and the expression of their feelings and emotions: bubble, giggle, grunt, grumble, mummer, titter, whisper, and others. There are the sounds of animals, birds, insects: buzz, cackle, croak, hiss, honk, moo, purr, roar, etc. There are many words that imitate the sound of metal and wooden objects: clink, tinkle, whack, whip, etc. Many researchers have proposed to classify the values the values of onomatopoeic words with a particular combination of letters, causing some association with their pronunciation. Here are some special combinations of English letters and associations caused by their utterance. For example,

Gr- the beginning of the word suggests something unpleasant, miserable, negative: groan (sigh); grumble; grunt; grizzle (snarl, growl), etc.

Cl — in the beginning of a word associated with something sharp, metallic, ringing: click; clank (rattle); clap (hit, slamming); clash (ringing, clang), etc.

Wh — in the beginning of a word often involves the movement of air or something to do with airspace: whistle; whirr (noise, rumble); whizz (whistle); wheeze (breathing heavily, groaning); whiff (blow, blow gently); whir (circle, spinning), etc.

Kkle, gggle, zzle end of a word often associated with light or something, or continuous repeated from time to time: trickle (flowing, oozing, dripping); wriggle (bend, twist); sizzle (hiss); drizzle; draggle and etc.

Modern Russian poet of the early 20th century Velemir Khlebnikov, frequently mentioned by Roman Jakobson. His verse consistent mostly of words of his own invention, something like Joyce's *Finnigan's Wake*. However, he also wrote purely linguistic works outlining the correlations he had observed between Russian phonemes and their meaning. He even produced a list of Russian phonemes followed by a brief semantic characterization of each. For example:

v — the return of one point to another (a circular path)

m — the breaking up of volume into infinitely small parts

s — the departure of points from out of one immovable point

z — the reflection of light from a mirror. (2;98)

Sometimes not all the words correspond to a specific value associated with any sound combination. From the perspective of different levels of analysis of sound combinations can be found overlap among the different words, or, conversely, different. Sometimes it is very difficult to distinguish examples of onomatopoeia from the sound symbolism. Some words fall under both categories. For example, words such as giggle, flash, crack require special consideration.

Knowledge of laws of phonosemantics important to consider when teaching English especially at the initial stage, taking into account communicative-oriented gaming sessions. We know that teachers of different schools successfully use voice warm-up: warmers, breaking-the-ice-exercises, tongue-twisters. These exercises allow you to implement a huge range of language tasks: help to improve memorization of lexical material, using an associative basis, due to the use of situational lexical material on a particular subject, promote formation and improvement of phonetic and phonosemantic skills. The classes on phonetics of English are widely used speech exercises — patter while working on certain sounds or sound combinations. For instance: Don't trouble troubles until troubles trouble you. (a proverb)

Here it comes sparkling,

And there it lies darkling,

Spouting and friskling, and whizzing and whisking...

(Southey)

Such an exercise workout, causes difficulties in pronunciation. It is not required to memorize them by heart, it is enough to learn saying correctly, quickly, clearly articulating every syllable.

In conclusion, it should be emphasized that the theoretical and practical study of sound symbolizing system not only allows you to take a fresh look at the linguistic reality of the nature and origin of language and sign language as a whole, and creatively organize the process of learning a foreign lan-

guage. There exist lots of researches, considerations and viewpoints in the sphere of phonosemantics. But the problem arises there that there is no an integrated rule and idea about

the meaning of sounds i.e. phonosemantics that may clarify darkness in this branch and vanish all the doubts that may lead to misunderstanding and confusions.

References:

1. Reference and symbol in Plato's "Cratylus"
2. The Sound Shape of Language by Roman Jakobson and Linda Waugh Euphonics: A Poet's Dictionary of Enchantments by John Mitchell (ISBN 904263 437)
3. Theory of Phonosemantics by Pramod Kumar Agrawal (www.soundmeanings.com) View page ratings
4. Зеленин, Д. К. Магическая функция слов и словесных произведений / Д. К. Зеленин. — М.: 1935.
5. Блумфилд, Л. Язык / Л. Блумфилд. — М.: 1968.
6. Воронин, С. В. Основы фоносемантики / С. В. Воронин. — Спб.: 1982.
7. Назарова, Т. Б. Филология и семиотика / Т. Б. Назарова. — М.: 1994. __

Фразеологизмы китайского и русского языков, содержащих зоонимы: сопоставительный анализ

Хао Цзяньчжуан, студент
Цзилиньский университет (г. Чанчунь, Китай)

Кошелева Елена Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Язык любого этноса содержит устойчивые образные обороты, которые воспроизводятся в речи подобно слову: их смысл целостен, он не складывается из значений составляющих его слов-компонентов.

Фразеологический состав, или фраземика, является квинтэссенцией народной мысли, самобытной частью, сокровищницей каждого языка. Через долгую шлифовку истории фразеологический оборот становится типовой единицей.

В настоящее время в фразеологии все большее значение приобретает сопоставительное изучение фразеологизмов разных языков. Это способствует дополнению общей теории фразеологии и системному изучению общих и отличительных признаков исследуемых языков [2, С.3].

Целью данного исследования является сопоставление фразеологизмов, содержащих зоонимы в китайском и русском языках и выявление их коннотаций. Выделение зоонимов с национально-культурными коннотациями проведено на фоне русской и китайской фразеологии на основе лингвострановедческого подхода.

Происхождение фразеологизмов, содержащих названия животных, ведет начало из тотемических представлений. Формирование слов-символов происходит при помощи метафоры. Так, например, еще во времена язычества на Руси (до X века), когда был распространен тотемизм, люди одушевляли окружающие предметы и явления, а значит, символику принимало слово — название. Наиболее наглядно это происходило в символизации животных. Наблюдая за ними, люди стали видеть в них чело-

веческие качества. Одним животным приписывалась трусость, другим — жадность [1, С.38–39].

Зоонимы очень часто используются в составе фразеологических оборотов. Такая популярность образов животных вызвана, скорее всего, тем, что прямые значения этих лексических единиц обладают богатыми возможностями для развития коннотаций. С каждым из зоонимов связано множество представлений о чертах человеческого характера, которые якобы присущи животным изначально [4, С.7].

Русские и китайские фразеологические обороты имеют схожие особенности.

Общие признаки:

1. Сложная структура. Они состоят более чем из двух частей.
2. Неизменяемая форма. Нельзя добавить что-либо в состав фразы.
3. Суть высказывания — иносказательная. Значение целого не состоит из значений отдельных частей.

Отличительные признаки

1. Русские фразеологизмы лимитируются не строго, иногда как разговорный язык. Кроме этого, русская фразеология содержит пословицы, поговорки и афоризмы.
2. Китайские фразеологизмы обычно состоят из четырёх иероглифов и не включают в себя пословицы, поговорки и афоризмы.

В русском и китайском языках существует много фразеологизмов с названиями животных. Однако они значительно отличаются друг от друга по смысловому контексту. Здесь отражается разница культурного кода народов, сло-

жившаяся благодаря различным природным условиям, культуре и традициям. Например, мокрая курица — в китайском языке означает, что человека намочил дождь, а в русском языке означает, что человек ведет себя несамостоятельно, растерян, беспомощен [3]. Данный пример наглядно показывает, что один и тот же фразеологизм имеет совсем разное значение в китайском и русском языках.

Чтобы решить эту проблему, начнем с классификации концептуальных и культурных значений:

1. Концептуальное значение, соответствующее аналогичному культурному значению.

Русский и китайский языки относятся к совершенно различным языковым системам. Однако, в восприятии природы имеется некоторая общность. Поэтому, в русском и китайском языках существуют аналогичные формулировки. Например,

- хитёр как лиса — 像狐狸一样狡猾,
- грязен как свинья — 像猪一样脏,
- как рыба в воде — 如鱼得水 *gu yu de shui*: свободно, непринуждённо, хорошо чувствовать себя где-либо.
- старый конь борозды не испортит (старый опытный человек не испортит дело), а в китайском языке существует фразеологизм 老马识途 (старый конь хорошо знает дорогу). Здесь старому коню соответствует образ «человек с богатым опытом».

Фразеологизмы, которые имеют одни и те же формы и значения, можно перевести буквально. Однако такие совпадения встречаются редко.

2. Концептуальное значение соответствует, а культурное значение пропущено.

Так как Китай и Россия имеют различную культуру, традиции и мифологию, некоторые животные наделены теми смыслами и символами, которые отсутствуют в другом языке и не имеют данного переносного значения.

2.1. Образы животных, обладающие смысловыми коннотациями, связанные с чертами характера человека, характерные только для русского языка.

- Гусь — человек, не внушающий доверия, хитрый. Например, «гусь лапчатый» может означать «жулик», «ловкий человек», «пройдоха».
- Тюлень — неуклюжий человек. Например: «Поворачивайся живее. Тюлень ты эдакий».
- Морской волк — опытный моряк.
- Глухарь — глухой человек.

Ян И Линь выделяет следующих животных, коннотативные значения которых совпадают в русском и китайском языках: собака, коза, курица, осёл, свинья, волк, змея, лиса, обезьяна, тигр, воробей, птица [4, С.19].

2.2. Образы животных, имеющих смысловые значения, переносимые на людей, характерные только для китайской культуры

– Тигр — царь зверей, может символизировать человека смелого и дерзкого, символ власти. Например 将门虎子 龙虎英雄 — смелые комсомольцы.

– Цилинь (единорог) — символ мира и долгой жизни. Это животное существует только в старых китайских легендах.

Подобные фразеологизмы мы можем полностью перенести в другой язык. И, таким образом, не только сохранить живой образ, но и обогатить словарный запас своего языка.

3. Соответствующее концептуальное значение. Различающееся или противоположное культурное значение.

Несколько образов животных в своём культурном значении совершенно различны в русской и китайской культуре.

Сорока в Китае — символ счастья. Эта птица означает удачу и считается «птицей удовольствия». Трещащая сорока приносит хорошие новости и весть о том, что придут гости. Сорока же в русском языке символизирует зловредную болтливость и вороватость (отсюда — «болтлива как сорока», «стрекочет как сорока», «вороватая сорока» и т.п.), стяжательство.

Заяц в Китае — символ доброты, а в России он символизирует трусость — «жаден, как волк; а труслив, как заяц». Более того, по верованиям древних славян, заяц представлялся как образ черта. Встреча с ним считалась дурным предзнаменованием, но в русской фраземике он вовсе не связан с нечистой силой, а лишь представляет трусость: «заячья душа», «труслив как заяц».

Для таких фразеологизмов, надо добавлять разъяснение их значения при переводе на другой язык.

3.1. Различное концептуальное значение, культурное значение соответственное.

В русском и китайском языке есть много фразеологизмов, которые используют различных животных, для обозначения идентичного культурного значения. Например:

- в России царь зверей — лев, а в Китае — тигр;
- в России говорят: «два медведя в одной берлоге не живут», а в Китае: «два тигра не живут на одной горе»;
- в России символ несчастья чёрная кошка, а в Китае символ несчастья и смерти — ворона.

Такие фразеологизмы мы можем заменить друг на друга, чтобы культурное значение соответствовало.

В работе Ян И Линя приведен список животных, коннотативные значения которых не совпадают в русском и китайском языках: заяц, кот, мышь, рыба, черепаха, корова, конь, медведь, ворона, лебедь, дракон, феникс [4, С.19].

Таким образом, русские и китайские фразеологизмы с зоонимами имеют свою специфику, которая определена культурой и национальным менталитетом. При переводе фразеологизмов на другой язык следует учитывать сопоставимость культурных смыслов, зашифрованных в них.

Литература:

1. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и паремиология: Учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко. — М.: Флинта: Наука, 2009. — 344 с.

2. Арсентьева, Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц. Казань: Издательство Казанского университета, 1989. — 130 с.
3. Дубровин, М. И. Словарь фразеологизмов и идиом. М., 1999.
4. Ян И Лин Сопоставительный анализ русских и китайских фразеологизмов с зоонимами. Автореферат диссертации на соискание ученой степени магистра гуманитарных наук. Тайбэй, 2003. — 19 с.

The iTEP examination as a new way to evaluate the level of English proficiency

Холтман Карл, директор евразийского отделения
The language company (США)

Кошелева Елена Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

The International Test of English Proficiency Academic examination is an innovative, Internet-based English language assessment tool developed and provided by Boston Educational Services.

The Examination is now widely used to evaluate the English proficiency of students or prospective students for student visa purposes and for admissions, placement, progress evaluation, and teacher assessment. It also guides course instruction and curriculum development or determines eligibility for scholarships by colleges and universities.

Boston Education Services is well placed to respond to a likely shortage of test places available to students or prospective students seeking a student visa in order to pursue higher education options in the United Kingdom (UK), United States of America (USA) and other destinations requiring English language proficiency.

Since the introduction of the Examination in 2008, the integrity demonstrated by Boston Educational Services to deliver this test has been impeccable. The content of the Examination is regularly updated and the highest standards of administration are required in its conduct. The reliability and validity of the Examination is widely acknowledged. Students, prospective students and student recruitment agencies are attracted to the Examination's affordability. External validating bodies are impressed with the Examination's effectiveness as an English language evaluation, placement, assessment, and exit-testing tool.

The Examination is the flagship product of Boston Educational Services, which is headquartered in Canoga Park, north of Los Angeles, California, USA. Perry Akins and Sharif Ossayran, two individuals with deep roots in the international education field, founded Boston Educational Services in 2002. Perry Akins served previously as President of ELS Educational Services for 30 years and helped it grow from operating two language centers to 82. Sharif Ossayran served previously as Director of International Development at ELS Educational Services and founded Scholastic Insurance Agencies.

Boston Educational Services introduced the Examination in 2008. Since then it has rapidly become popular with a wide variety of organizations throughout the world. For example,

the admissions offices of over 500 US colleges and universities now accept the iTEP. Also in the US many intensive English programs now choose to use the Examination for English language evaluation, placement, assessment, and exit testing. This is due to recognition by peak bodies of the Examination as an effective tool with which to validate intensive English programs

Beyond the US, the Examination continues to expand with governments, businesses and international organizations which elect to make the Examination their test of choice.

Boston Educational Services has also developed several other tests since the Examination. For example, the *iTEP Business examination* is now selected by dozens of multinational companies as their language assessment tool of choice when recruiting, hiring and promoting staff. The *iTEP Slate* is a secondary—level examination developed for middle school and early high school students, and this has become popular in the US and with secondary schools abroad. The *iTEP Hospitality examination* is a test tailored specifically to the hospitality industry. It is hoped that the design of this test will help hospitality organizations evaluate and perfect the English language assessment aspect of their recruiting, placement and internal promotion activities [2]. The latest additions (since 2015) to the growing line of English assessment tools are *iTEP Au Pair* and *iTEP Intern*. These new exams were created for individuals applying for J-1 Visas to work as au pairs or interns in the US [3].

The Examination is delivered via secure Internet connection. Additional high standard security measures minimize the risk of identity substitution and document fraud. The Examination is only administered at a Certified iTEP Test Centre or another approved, certified, and secure location where standardized testing conditions can be applied and ensured. Invigilators (Proctors) are trained in the detection of inappropriate use of electronic devices.

Examination content is streamed live over the Internet during the test, so no Examination items are ever stored on the computer or cache proxy server. Regular updating of content and the Examination item bank minimizes the potential for prior knowledge of test material. Measures are in place to minimize the risk of identity substitution. Document fraud measures are also in place, including Examination reports incorporating security features to prevent tampering and forgery. The Examination is administered in secure «kiosk mode», which prevents test-takers from accessing any other windows or programs on the computer while taking the test. Kiosk mode is an Internet Explorer feature that allows the user to access web pages only. Under kiosk mode, Internet Explorer's toolbars, title bars, menus, and status bars are not displayed, and web pages are displayed in Full Screen mode [1].

Boston Education Services updates their Examination content regularly and employs only trained markers and invigilators (proctors). Boston Education Services advises that Examination results remain available for online verification for at least two years for audit purposes or to assist with integrity checks.

Descriptors of results are also provided to candidates when they receive their Examination score and accompanying Examination score advice. Suspected or proven incidents of fraud have always been reported in a timely fashion to the relevant authority, and reports have included the steps taken by Boston Educational Services to address them.

In April, 2015 the iTEP team announced FotoSure, a new proprietary test security program, which immensely improves upon iTEP's already stellar security practices. FotoSure snaps and stores digital photographs of the test-taker throughout the exam period. During the grading process, trained iTEP graders review the photos to ensure that the person who was approved to take the exam completed each section him or herself, without aid or substitution. Along with the test scores, these images can be used by institutions and companies to verify the person who sat for the exam [4].

Structure and Content of the iTEP

The content of the Examination has been informed by research, which supports Boston Educational Services in benchmarking the Examination for comparability and maintaining equivalencies. This ongoing research further supports the validity and reliability of this test of English language proficiency. The structure and content of the Examination is as follows:

Grammar (Structure). This section lasts 10 minutes and comprises only one part. It consists of 25 multiple choice questions, each of which tests the examinee's familiarity with a key feature of English structure. This section includes a range of structures from simple to more complex, as well as a range of vocabulary from beginner to advanced. There are two question types, each with on-screen examples.

Reading. This section lasts 20 minutes and is divided into two parts: o Part 1 features one intermediate—level

passage about 250 words in length followed by four multiple—choice questions o Part 2 features one college—level paragraph about 450 words in length followed by 6 multiple—choice questions.

Listening. This section lasts 20 minutes and is divided into three parts: o Part 1: Four high—beginner to low—intermediate—level conversations of two or three sentences, each followed by one multiple—choice question o Part 2: One two— to three—-minute intermediate—level conversation followed by four multiple—choice questions o Part 3: One four—-minute lecture allowed by six multiple—choice questions.

Writing. This section lasts 25 minutes and comprises two parts.

– Part 1: The examinee is asked to write a short note, geared at the low intermediate level, on a supplied topic in response to instructions (five minutes / 50–75 words).

– Part 2: The examinee is presented with a brief, low—advanced level written topic and is asked to express and support his/her opinion on the topic (20 minutes / 175-225 words).

Speaking. This section lasts five minutes and comprises two parts:

– Part 1: The Examinee hears and reads a short question geared at the low intermediate level. The examinee has 30 seconds to prepare a spoken response, and 45 seconds to speak.

– Part 2: The examinee hears a brief low advanced level statement presenting two sides of an issue. The examinee is then asked to express his/her thoughts on the topic, with 45 seconds to prepare, and 60 seconds to speak.

The Examination randomly pulls questions from several test «item banks», which increases the diversity of the content and ensures that no Examination is ever replicated. All Examination content must pass a rigorous cycle of evaluation. After a test item is written, it is then submitted to the Test Development Department at Boston Educational Services for review and approval by the Head Test Developer and Academic Director. Upon approval, the test item is then deemed valid for inclusion in a pilot study. Once a test item has passed the pilot study, it is then measured statistically against other item types to ensure its reliability among similar test items. The statistical item analyses determine which test items are qualified and reliable, and those items can then be included in the live Examination item bank [2].

The iTEP is reviewed and graded by native English-speaking trained ESOL professionals, according to a standardized rubrics. No preparation materials and/or courses are available to inflate Examination scores artificially. It is a true test of English proficiency.

Results provided to test-takers. Examination determines an overall proficiency level from 0 (beginner) to 6 (mastery), as well as individual proficiency levels from 0 to 6 for each of the skills tested. For greater accuracy, results are also expressed in tenth-levels (2.1, 2.2, etc.). The Examination is assessed as follows: Reading, listening, and

grammar sections of the Examination reassessed automatically by the computer. Each Examination section is weighted equally and there is no penalty in the multiple choice sections for guessing or incorrect answers. The writing and speaking samples are assessed by native English-speaking ESOL-trained professionals, according to a standardized assessment rubric.

The official assessment report for the Examination presents an individual's results information in multiple formats — the graphical format, or skill profile, is particularly useful for displaying an examinee's strengths and weaknesses in each of the skills.

A comparison of an iTEP and the most popular international tests: TOEFL / IELTS.

Table 1. **iTEP Academic-Plus vs. IELTS**

	iTEP Academic — Plus	IELTS
Total Exam Time	90 minutes	147 minutes
Price	\$99 (global retail price for applicants); significant institutional discounts	\$187 (variance by country/location)
Scheduling	On — demand scheduling within 3 days of contacting a Certified iTEP Test Center	Approx. 48 fixed test dates per year; test must be scheduled at least 2 weeks in advance
Results Delivery	Results returned within 5 business days	Results usually returned 13 days after test

Table 2. **iTEP Academic-Plus vs. TOEFL IBT**

	iTEP Academic — Plus	TOEFL IBT
Total Exam Time	90 minutes	260 minutes
Price	\$99 (global retail price for applicants); significant institutional discounts	\$160 — \$250 (variance by country/location)
Scheduling	On — demand scheduling within 3 days of contacting a Certified iTEP Test Center	Test dates are scheduled in advance by ETS
Results Delivery	Results returned within 5 business days	Results returned within 2–3 weeks

Conclusion. The iTEP examination is an appropriate testing instrument for measuring all four English language skills, i.e. reading, writing, speaking and listening. Boston Educational Services has appropriate systems in place to ensure the validity and reliability of iTEP results. The iTEP was developed by appropriately qualified people and continues to be used to provide a realistic measure of English language

ability, free of gender or ethnic bias. An expanding number of institutions and authorities now use the Examination, which further indicates the experience and international recognition that Boston Educational Services is able to offer prospective students; student recruitment agents; education providers; and government agencies in support of English language requirements that protect the integrity of their visa programs.

References:

1. Philip R. Brown Boston Educational Services, Canoga Park, CA, USA (2014) — Comprehensive review of the International Test of English Proficiency (iTEP). 19 p.
2. iTEP Exams (2015) Retrieved 10 May 2015 from <http://www.itepexam.com/itep-exam>.
3. New Exams: iTEP AuPair, iTEP Intern (2015) Retrieved 20 May 2015 from <http://www.itepexam.com/new-exams-itep-aupair-itep-intern>.
4. iTEP Takes Test Security to New Heights (2015) Retrieved 1 May 2015 from <http://www.itepexam.com/itep-takes-test-security-to-new-heights>

Особенности терминообразования в современном техническом китайском языке (на основе литературы сферы машиностроения)

Чубинец Анна Андреевна, студент;

Хоречко Ульяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Изучение терминологии — это одна из наиболее важнейших проблем лингвистики нашего времени, в связи с этой тенденцией значительный научный интерес представляет исследование терминосистем различных языков. Рост научно-технических знаний в наши дни отражается в том, что свыше 90% новых слов, появляющихся в современных словарях, составляет специальная лексика. В условиях научно-технического развития общества, подъёма промышленности и экономики Китая, расширения его международных связей данное исследование является весьма актуальным.

Ранее мы уже проводили исследование терминологии, как одного из основных лексических пластов научного стиля. В рамках работы «Лексические особенности научно-популярных статей в китайском языке (на основе литературы сферы солнечных технологий)» были выявлены и изучены особенности терминологической лексики [1].

Данная работа посвящена исследованию лексико-семантических характеристик китайской машиностроительной терминосистемы на современном этапе ее развития, в том числе анализу процессов терминологизации в современном техническом китайском языке на материале специального подязыка — машиностроительного.

Машиностроение — ведущая комплексная отрасль обрабатывающей промышленности, она включает в себя станкостроение, приборостроение, энергетическое, металлургическое, химическое и сельскохозяйственное машиностроение. К машиностроению принято относить также электротехническую промышленность, радиоэлектронику и вычислительную технику, и транспортное машиностроение всех видов. Внедрение передовых машиностроительных технологий, получивших большое распространение во многих развитых странах, вызывает спрос на исследования функциональных, а также системных аспектов терминологии этой сферы.

Перейдем непосредственно к вопросу терминообразования. К основным способам терминообразования в китайской терминологии относятся: словосложение, аффиксация и иностранные заимствования [3].

В китайском языке **словосложение** (合词法 *hécífǎ*) — это основной способ образования новых слов и основ путем соединения в одном слове двух и более слов или основ слов. В результате словосложения образуются сложные слова, компоненты которых неоднородны [3]. Ими могут быть самостоятельные слова, а также знаменательные морфемы, утратившие в современном языке синтаксическую самостоятельность. В составе сложных

слов и те, и другие компоненты не обладают синтаксической самостоятельностью и, следовательно, являются морфемами.

Рассмотрим последовательно термины — сложные слова (Т-СС) и термины — словосочетания (Т-ССч), созданные по моделям словосложения с различными отношениями компонентов согласно классификации А. Л. Семеновас, где все модели можно разделить на 4 типа [3]:

1. Атрибутивный тип. Один из компонентов «стерженевый», а другой «уточняющий» его. Порядок расположения компонентов при их неравномерном сложении отличается твёрдой последовательностью, характерной для грамматического строя китайского языка: определение стоит перед определяемым, дополнение после сказуемого, сказуемое после подлежащего. Нарушение этого порядка влечёт за собой изменение смысла в отношениях определяющего члена к определяемому. Примеры: 胶皮 *jiāopí* резина → 胶 *jiāo* резиновый + 皮 *pí* кожа, поверхность; 自卸车 *zìxièchē* самосвал → 自卸 *zìxiè* саморазгружающийся + 车 *chē* машина, телега; 摇臂 *yáobì* коромысло → 摇 *yáo* махать, качать + 臂 *bì* рука, плечо; 防冻液 *fángdòng yè* антифриз → 防冻 *fángdòng* защита от мороза + 液 *yè* жидкость; 平衡轴 *pínghéng zhóu* балансир → 平衡 *pínghéng* баланс + 轴 *zhóu* ось, вал, стержень.

2. Копулятивный тип. Наиболее полное описание синтагматической семантики копулятивного сложения в китайском языке приводится А. Л. Семеновас. Автор говорит о широком распространении копулятивного сложения во всех подсистемах китайской лексики [3, с. 78]. Термины, созданные по копулятивному типу связи, включают в свой состав предметные и глагольные морфемы. Слова копулятивного сложения образованы сочетанием либо синонимичных компонентов (включая парное или параллельное сочетание), либо антонимичных:

а) сочетание синонимичных компонентов: 支架 *zhījià* крепление → 支 *zhī* поддерживать + 架 *jià* подпирать; 焊补 *hàn bǔ* заварка → 焊 *hàn* сваривать + 补 *bǔ* чинить; 组件 *zǔjiàn* компонент → 组 *zǔ* звено + 件 *jiàn* штука; 飞轮 *fēilún* маховик → 飞 *fēi* вращаться + 轮 *lún* летать; 齿轮 *chǐlún* шестерня → 齿 *chǐ* зубцы + 轮 *lún* колесо; 卡箍 *kǎ gū* хомут → 卡 *kǎ* зажим + 箍 *gū* кольцо, обод.

б) сочетание антонимичных компонентов. В терминологии немного терминов, образованных сочетанием антонимичных компонентов, а в исследованном материале замечено их полное отсутствие.

3. Глагольно-объектный тип. По моделям с данным видом связи между компонентами Т-СС и Т-ССч не создаются из-за их конструктивной непрочности. Большинство

глаголов этого типа в лексике СКЯ легко расчленяются, а их компоненты формально восстанавливают признаки отдельных слов: 弹簧 *tánhuáng* пружина → 弹 *tán* пружинить + 簧 *huáng* пружина; 排气管 *páiqìguǎn* выхлопная труба → 排气 *páiqì* выпускать газ + 管 *guǎn* труба; 连杆 *liángān* шатун → 连 *lián* соединять, связывать + 杆 *gān* палка, рычаг; 滤芯 *lǐxīn* фильтрующий элемент → 滤 *lǜ* фильтровать + 芯 *xīn* фильтр; 摩擦片 *mócāpiàn* фрикционная пластина → 摩擦 *mócā* тереть + 片 *piàn* пластина; 风扇 *fēngshàn* вентилятор → 风 *fēng* дуть + 扇 *shàn* веер; 接管 *jiēguǎn* штуцер → 接 *jiē* соединять + 管 *guǎn* труба.

4. Субъектно-предикативный тип. При этом типе связи первая часть термина обозначает субъект, а вторая — его действие. Этот тип малопродуктивен в образовании терминов: 水封 *shuǐfēng* гидрозатвор → 水 *shuǐ* вода + 封 *fēng* закупоривать; 水堵 *shuǐdǔ* водозаглушка → 水 *shuǐ* вода + 堵 *dǔ* загромождать, блокировать; 油封 *yóufēng* сальник → 油 *yóu* масло + 封 *fēng* закупоривать.

Следующий исследованный метод терминообразования — **аффиксация** (加词缀 *jiācízhù*) — результат сложения корня и аффикса. Аффиксы — это морфемы с грамматическим значением. Они не существуют в языке вне слов, и служат не только для словообразования, но и формообразования. Аффиксы включают в себя префиксы, суффиксы и полусуффиксы [3, с. 89]. Термины в СКЯ при помощи аффиксов образуются двумя способами:

5. Путем присоединения к знаменательной части термина «чистых» аффиксов (префиксы — 第 *dì*, 老 *lǎo*, 阿 *ā*; суффиксы — 子 *zǐ*, 儿 *ér*, 头 *tóu*). Примеры терминов, образованные данным способом в исследованных материалах были обнаружены в малом количестве, что указывает на низкую продуктивность такого типа аффиксов: 转子 *zhuǎnzǐ* ротор; 定子 *dìngzǐ* стартер.

Путем присоединения к знаменательной части термина терминологических аффиксов (префиксы-内 *nèi*, 后 *hòu*, 非 *fēi*, 大 *dà*, 单 *dān*, 小 *xiǎo*, 半 *bàn*, 双 *shuāng*, 多 *duō*, 不 *bù*, 无 *wú*, 外 *wài*, 原 *yuán*, 副 *fù*, 假 *jià*, 未 *wèi*, 古 *gǔ*, 可 *kě*, 过 *guò*; суффиксы — 机 *jī*; 表 *biǎo*; 类 *lèi*; 形 *xíng*; 式 *shì*; 植 *zhí*; 数 *shù*; 种 *zhǒng*; 化 *huà*; 体 *tǐ*; 套 *tào*; 性 *xìng*; 型 *xíng*; 期 *qī*; 度 *dù*; 学 *xué*; 率 *lǜ*; 素 *sù*; 力 *lì*; 塞 *sāi*; 计 *jì*; 器 *qì*; 剂 *jì*; 差 *chā* и др.). В связи с созданием терминологических систем усилился процесс превращения «знаменательных морфем» в служебные, и соответственно изменились их функции. Примеры терминов образованных терминологическими аффиксами:

— Суффикс 器 *qì* (инструмент, аппарат) — один из наиболее продуктивных аффиксов при образовании терминов сферы машиностроения: 节温器 *jiéwēnqì* термостат; 冷却器 *lěngquèqì* кулер; 呼吸器 *hūxīqì* сапун; 汽化器 *qìhuàqì* карбюратор; 滤清器 *lǜqīngqì* фильтр; 减振器 *jiǎnzhènqì* амортизатор; 控制器 *kòngzhìqì* манипулятор; 稳压器 *wēnyāqì* стабилизатор давления; 离合器 *líhéqì* муфта сцепления; 喷油器 *pēnyóuqì* топливная форсунка; 燃油分配器 *rányóufēnpèiqì* распределитель топлива; 混合器 *hùnhéqì* смеситель; 增压器 *zēngyāqì* турбокомпрессор; 消声器 *xiāoshēngqì* глушитель.

— Суффикс 机 *jī* (механизм, машина, аппарат): 吊机 *diào jī* подъемный механизм; 发动机 *fādòngjī* двигатель; 增压机 *zēng yā jī* турбокомпрессор; 空压机 *kōng yā jī* воздушный компрессор; 减速机 *jiǎnsù jī* редуктор; 电机 *diànjī* мотор; 空压机 *kōng yā jī* воздушный компрессор.

— Суффикс 塞 *sāi* (заклинивать, заступоривать, затыкать): 活塞 *huósāi* поршень; 柱塞 *zhù sāi* стопор; 通气塞 *Tōngqì sāi* вентиляционный люк; 火花塞 *huǒhuāsāi* свеча зажигания.

Займствование (借用语 *jièyòngyǔ*) — процесс перемещения различных слов из иностранного языка в современный китайский язык. Сам процесс адаптации новых слов-займствований в китайский язык протекает более сложно и длительно нежели в другие языки, что обусловлено спецификой самого языка: использование иероглифического письма и особая фонетическая система. Отечественный китаист А. Л. Семенов, а также ряд зарубежных ученых (Жуйцин Мяо, Фэн Чживэй и др.) выделяют четыре основных типа займствований в китайском языке [3]:

Фонетические займствования — это изменение звукового облика слов в соответствии с законами принимающего языка, т. е. это слова, которые при передаче на китайский язык сохраняют и значение, и форму слова — источника. Причины, препятствующие широкому проникновению фонетических займствований в китайский язык — ограничение фонетической структуры, сама система китайской письменности. Способом фонетического займствования образовано большинство терминов, обозначающих физические величины. Примеры: 焦耳 *jiāo'ěr* джоуль, 赫兹 *hèzī* герц, 牛顿 *niúdùn* ньютон; 帕斯卡 *pàsīkā* паскаль; 瓦特 *wǎtè* ватт; 摩尔 *mó'ěr* моль; 库仑 *kùnlún* кулон.

Семантические займствования (калькирование) — способ, при котором заимствуются значение и структурная модель слова или словосочетания и образуются так называемые кальки — займствования в виде буквального перевода иностранного слова или выражения. По существу основная масса современной китайской терминологии — это слова кальки различных видов. Примем во внимание терминологические словосочетания, применяемые в машиностроении образованные семантическим займствованием. 三聚氰胺甲醛树脂 *sānjùqīng'ānjǐǎquánshùzhī* — «меламинформальдегидная резина», где 三聚氰胺 *sānjùqīng'ān* — «меламин», 甲醛 *jiǎquán* — «формальдегид», 树脂 *shùzhī* — «смола». Следует уточнить, что резина — это обозначение товарного продукта, а смола — обозначение химическую структуру соединения, поэтому в данном случае 树脂 *shùzhī* — «смола» указывает на структуру, в то время как «резина» является наименованием товара. Обратимся к следующему терминологическому сочетанию 苯乙烯类热塑性弹性体 *běnyǐxīlèirèshùxìngtánxìngtǐ* — «термопластичный эластомер на основе стирола», где 苯乙烯 *běnyǐxī* — «стирол», 类 *lèi* — «класс, вид», 热塑性 *rèshùxìng* — «термопластичность», 弹 *tán* — «эластичный», 性体 *xìngtǐ* — «характер». «Эластомер» образуется при по-

мощи сочетания слов 弹 *tán* — «эластичный» и 性体 *xìngtǐ* — «характер», получая на выходе буквального перевода «вещество эластичного характера». 类 *lèi* — «класс, вид» используется в свою очередь для уточнения, что эластомер состоит из соединений стиролового класса.

Особенность полусемантических, полуфонетических заимствований заключается в том, что часть термина переводится на китайский язык при помощи имеющихся в нем лексем, а другая часть термина передает звучание, схожее со звучанием в языке оригинала, например: 牛顿米 *niúdùn mǐ* ньютон-метр, 库仑计 *kùlúnjì* кулон-метр; 特斯拉计 *tèsīlā jì* тесламетр; 焦耳计 *jiāo'ěr jì* джоульметр; 千瓦小时 *qiānwǎ xiǎoshí* киловатт-час; 欧姆表 *ōumǐbiǎo* омметр.

Заимствования гибридного типа содержат элементы двух языков. Например, если в исходном языке термин состоит из аббревиатуры и самого слова, то при переводе на

китайский язык использование английской аббревиатуры остается и переводится только слово, например: LNG气 *qì* — сжиженный газ; U形螺栓 *xíng luóshuān* — U-образный болт; ABS电源线 *diànyuán xiàn* — кабель питания антиблокировочной системы (ABS); H操纵分总成 *cāozòng fēn zǒng chéng* — сборочный узел H-образного клапана; SCR控制器 *kòngzhì qì* — регулятор SCR.

Подводя итог, можно говорить о следующих выводах: 1) основными способами терминообразования в китайском языке являются словосложение, аффиксация и иностранные заимствования; 2) многие способы обладают высокой продуктивностью, но есть и низкопродуктивные способы, например субъектно-предикативный тип словосложения; 3) каждый терминообразующий способ обладает частными особенностями, проявляющимися в определенной сфере использования технического языка.

Литература:

1. Сенцов, А. Э. Лексические особенности научно-популярных статей на китайском языке (на примере сферы солнечных технологий) [Текст] / А. Э. Сенцов, А. А. Чубинец, У. В. Хоречко // Молодой ученый. — 2015. — № 6. — с. 837–839.
2. Бугрова, С. М. Экономика машиностроения: учебное пособие / С. М. Бугрова, А. И. Поминова, Е. В. Устинова. — Кемерово: КузГТУ, 2009. — 146 с.
3. Семенас, А. Л. Лексика китайского языка. М.: АСТ: Восток Запад, 2010.
4. Головин, Б. Н. О некоторых задачах и тематике исследования научной и научно-технической терминологии / Б. Н. Головин // Учен. зап. Вых. 114. Сер. лингвистическая. — Горький: Изд-во Горьк. ун-та. 1970.
5. Иванов, В. В. Терминология и заимствования в современном китайском языке. М.: Наука, 2010. 135 с.

Возраст человека во фразеологической картине мира русских и вьетнамцев (на материале пословиц)

Щитов Александр Григорьевич, кандидат педагогических наук, доцент;

Щитова Ольга Григорьевна, доктор филологических наук, профессор;

Нгуен Тхи Тхуи Чам, студент

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Проведен выбор и сопоставление русских и вьетнамских пословиц о возрастных состояниях человека, их перевод и толкование, сопоставление их образов и смыслов. Моделируя национальную картину мира на основе пословиц и поговорок, мы исходили из того, что базовые ценности во всех культурах общие, а различия словесных образов выражают разные оттенки значений и смыслов. В ходе сопоставления образов и смыслов в русских и вьетнамских фразеологизмах о различных возрастах человека были обнаружены сходство и различия в суждениях о времени и о человеке. Сравнительное изучение вьетнамских и русских пословиц о возрастных состояниях человека позволяет реконструировать национальную картину мира, интегрируя ее в общечеловеческую и обеспечивает взаимопонимание коммуникантов.

Ключевые слова: фразеология, пословицы, фразеологическая картина мира, образ, смысл.

Все этапы жизни человека отражаются в пословицах и поговорках в разных языках и культурах: рус. Жизнь прожить — не поле перейти (*≈Sống đến tận cùng, đâu phải chuyện chơi*); Век живи — век учишь (*≈còn sống, còn học*); Старость не радость (*≈Tuổi già không phải là niềm*

vui) и т.д. Человеческий путь от рождения до смерти в речевой культуре русских и вьетнамцев представлен пословицами и поговорками, которые принимаются и понимаются носителями языка безоговорочно, как априорные истины. Оставаясь наиболее консервативной частью язы-

ковой культуры, фразеология превращается в хранилище духовного опыта и уклада жизни предков [9], поэтому сопоставительный анализ русских и вьетнамских пословиц и поговорок позволяет представить фразеологическую модель жизни человека на всех возрастных этапах в обеих культурах [6]. Данное междисциплинарное понятие позволяет концептуально осмыслить жизненный путь человека стереоскопически: ментальными и образными средствами двух различных лингвокультур [1].

Актуальность данной работы определяется возрастающей динамикой межнационального общения, что является мировой тенденцией, и стремлением к национальной самоидентификации [10].

Объектом изучения избрана особая группа пословиц, отражающая национальные особенности бытия человека на разных этапах жизни. Этот богатейший материал еще должным образом не систематизирован и в полной мере сопоставительно не изучен, что открывает перспективы дальнейшего исследования.

Предметом изучения пословиц в данной статье является сравнение русских и вьетнамских пословиц с точки зрения этнически обусловленной картины мира русских и вьетнамцев.

Теоретическая значимость состоит в том, что наша работа моделирует семантико-синтаксические конструкции и стилистические акцентуации, с которыми неизбежно встречаются при переводе фразеологизмов и их толковании.

Практическая значимость изучения фразеологии выражается в повышении коммуникативной компетенции как у русских, так и у вьетнамских студентов в период изучения русского языка как иностранного и в опыте живого общения друг с другом.

Целью сравнительного исследования русских и вьетнамских пословиц о разных этапах жизни человека является установление сходства и описание их эквивалентов в изучаемом языке. Достижению поставленной цели служит выполнение следующих задач: составление корпуса пословиц на заданную тему в изучаемой фразеологической системе, вьетнамской и русской, установить сходство и различия на уровне смыслов и образов эквивалентных фразеологизмов.

Для этого используется описательный и сравнительно-сопоставительный анализ, при этом исходным является русский язык. Материалом для исследования являются не только и не столько словари и научные публикации, но и живая речь носителей языка и их опыт, фиксируемые на различных сайтах и форумах в интернете. Чтобы ограничить исследуемое пространство, мы прибегли к анализу относительно устоявшихся соотносимых русских и вьетнамских пословиц, оставив за пределами статьи неоднозначные и спорные переводы и пословицы с затемненным смыслом.

Фразеологическая картина мира, мифологизируя происхождение человека, является по своей природе и метафорической образности наивной картиной мира [3]. Под

картиной мира в самом общем виде мы понимаем упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном сознании [5].

Человеческая жизнь в этом мире начинается с рождения. Русских детей *приносят аисты*, или *находят в капусте*. Вьетнамского младенца баюкает мама, не смыкая глаз: *Gió mùa thu... Mẹ ru con ngủ năm canh chầy thức đủ vừa năm*. Ребенок с детства окружен родительской заботой: *Dạy con từ thuở còn thơ — Dạy vợ từ thuở bơ vơ mới về* (*≈ Учи ребенка с детства — учи жену с начала жизни в доме мужа*). Вьет. *Công cha như núi Thái Sơn Nghĩ mẹ như nước trong nguồn chảy ra. Một lòng thờ mẹ kính cha Cho tròn chữ hiếu mới là đạo con* (*≈ Заслуга отца высокая, как гора Тхай Шон (гора очень высокая) Любовь матери, как вода, вытекающая из родника*) подчеркивает гендерные различия родителей в воспитании детей. Русская пословица *Гречневая каша — матушка наша, а хлебец ржаной — отец наш родной* указывает на различия отца и матери без разграничения воспитательной роли, и отец и мать одинаково питают своих чад. Уважение к родителям считается почтительной добродетелью вьетнамских детей. Родительская любовь делает детей сильными, и дети должны почитать родителей. Родители неустанно внушают своим детям: *Dạy con, con nhớ lời, Trọng cha, kính mẹ, suốt đời chớ quên* (*≈ Учись, ты должен помнить наши наставления*). В русских семьях часто повторяют детям: *Кто мать и отца почитает, тот веками не погибает*. Вечная проблема отношений родителей и детей тревожит и вьетнамцев: *Cá không ăn muối cá uòn, con cưỡng cha mẹ trăm đường con hư* (*≈ Сын, не слушая родителей, сто дорог выбирает — никакая не правильная*); *Nói con, con chẳng nghe lời, Con nghe ông thầy, ông hoàng, hét đời nhà con* (*≈ Говорим тебе — ты нас не слушаешь, а если слушаешь чужих, то знай: жизнь твоя кончена*). Русская пословица также строго предостерегает своевольных детей: *Кто отца и матери не слушает, тот послушает телячьей кожи* (из телячьей кожи делают плети). О русских детях думается и говорится просто и прямо: *Пока дитя растет, говорят: дитяtko, не ушибись, а вырастет, так: дитяtko, не ушиби; Знать сокола по полету, а доброго молодца по поступкам*. Рассмотренные примеры позволяют сравнивать пословицы с учетом лингвокультурного экстралингвистического фона, порождающего и объясняющего смысл фразеологизма и с учетом языковых координат фразо- и формообразования [2].

Золотое детство быстро заканчивается, юность *Расцветает что маков цвет*. Вьет. *Sống trong bể ngọc kim cương không bằng sống giữa tình thương bạn bè* (*= Не имей сто рублей, а имей сто друзей*) — это вьетнамская пословица является эквивалентом русской пословицы и указывает на одну из главных жизненных ценностей человека — обретение друзей. Вьет. *Học mà không chơi, đánh rơi tuổi trẻ Chơi mà không học, mất cả tương lai* (*≈ Учеба без игры упускает молодость, игра без учебы*

теряет будущее) представляет собой актуальную родительскую заповедь. В юности обычно *проблемы отцов и детей* утрачивают свою остроту и поэтому *Покорному дитяти все кстати; Послушному сыну родительский наказ не тягостен*. Старики с радостью принимают в клуб зрелости и взрослой жизни новое поколение: *Юноши резвятся — старики веселятся; Юность скачет, старость плачет; Юность крепнет, старость меркнет; Молодость плечами покрепче, старость головою*. Оставаясь наивной, картина мира, отраженная в пословицах и поговорках, описывает мир устоявшихся стереотипов национального мышления и поведения с позиций ценностей [2].

Пословиц и поговорок о юности в русском фразеологическом корпусе множество: *Из всех богатств на свете самое большое богатство — молодость*, об этом этапе жизни часто вспоминают с ностальгией: *Золотое время — молодые лета; Золотая пора — молодые года*. Стремление молодых людей к независимости вызывает у взрослых ироничную, но с пониманием, реакцию: *Молоко на губах не обсохло; Я тебе утру молоко на губах*. Значительная часть вьетнамских фразеологизмов не имеет эквивалентов в русских пословицах, машинный перевод бессилён даже в подборе ключевых слов для выражения смысла, например: *Thói thường gần mực thì đen Anh em bạn hữu phải nên chọn người Những người lêu lổng chơi bời Cùng là lưỡi biếng ta thời tránh xa* (≈ Около чернил чёрный (около плохих людей стать плохим). Друзей нужно выбирать. Людей, которые разгуливают, и ленивых лучше избегать). Фрагменты картины мира, отраженные в национальных фразеологических культурах в изображении одних и тех же объектов и событий, могут отражаться в пословицах и поговорках безэквивалентно, либо вовсе не замечаться [3].

Зрелость — акме человеческой жизни, характеризуется ответственным отношением супругов друг к другу: *Vợ chồng là nghĩa phu thê Tay áp má kẻ sinh tử có nhau* (≈ Муж и жена не только живут вместе, но и всегда поддерживают друг друга, помогают друг другу в бедности и богатстве). Вьет. *Lời nói không mất tiền mua Lừa lời mà nói cho vừa lòng nhau* (≈ Слова не нужно покупать, нужно их подбирать так, чтобы все были довольны) напоминают о деликатности и этикете. Очень интересной и важной представляется вьетнамская пословица *Son người có tổ có tông Như cây có cội như sông có nguồn* (У человека есть предки, как у дерева корень, и у реки родник), указывающая на онтологические основы национальной культуры. Вьет. *Ăn quả nhớ kẻ trồng cây* (≈ Вкушая плоды, следует помнить о тех, кто выращивает их) напоминает нам о том, что духовная зрелость человека измеряется не только ответственностью перед миром, но и способностью выражать благодарность. Мир не совершенен, десять заповедей постоянно нарушаются, в жизни приходится встречаться не только с черной неблагодарностью, но и с откровенным предательством: *Nười ong tay áo* (≈ Кормить пчелу в ру-

каве (человек помогает кому-то, а тот взамен предаёт его — мы кормим пчелу, потом она жалит нас). Столпом русской фразеологической системы, её смысловым центром является антропоцентризм и принципиальная экспрессивность выражения, независимо от предметности фразеологической единицы (*Мужик умен, да мир дурак*). Осмысление национальной фразеологии сквозь призму сходств и различий с иноязычной развивает лингвистическую интуицию, которая важна для самоидентификации и для усвоения живой разговорной речи, поэтому имеет практическое значение в практике обучения русскому языку как иностранному [4].

Старость — время подведения итогов: *Стар да умен — два угодья в нем* — говорят русские; вьетнамцы добавляют: *Trẻ trồng đa, già trồng thông* (≈ Молодой выращивает баньян, пожилой сосну) — баньян дерево, которое очень медленно растёт, молодой имеет много времени для ожидания результата, а *сосна* быстрее растёт и поэтому достаётся пожилым, к старости человек начинает ценить время. Невозможно обнаружить полный эквивалент вьетнамскому фразеологизму: *Ai ơi chơi lấy kèo già Mãng mọc có lứa người ta có thì Chơi xuân kéo hết xuân đi Cái già sông sọc nó thì theo sau* (≈ Каждому делу есть свое время), рус. *Каждому овощу — свое время* близка по смыслу, но не тождественна по форме выражения. Русские пословицы высоко оценивают жизненный опыт стариков: *Старый пес не обманет; Старый ворон не каркнет мимо; Старый конь борозды не испортит; Старого воробья на мякине не обманешь; Старого волка в тенета не загонишь* — русским пословицам часто свойственна отрицательная форма выражения смысла с помощью частицы *не*.

При всей значимости почтенного возраста всегда находятся люди, которые совершают дерзкие попытки вернуться в молодость. О таких русские говорят: *Седина в голову — бес в ребро! Если бабе 45 — баба ягодка опять!* Вьетнамцы тоже остры на язык: *Bà già đã tám mươi tư Ngồi trong cửa sổ gửi thư lấy chồng* (≈ Бабушке уже восемьдесят четыре года — сидит у окна, отправляя брачное объявление). В русских пословицах больше задора и энергии, только русские говорят: *Тряхнуть стариной*, вкладывая при этом в слова самые разные смыслы и содержание, при этом истово отстаивают пространство личной свободы: *Старого пса к цепи не приучишь; Старого учить — что мертвого лечить; Ветер пошумит — да устанет; старая баба расходится — нескоро уймешь*.

Самоирония пожилых о своем возрасте свидетельствует о трезвой оценке своих возможностей и состояния: *На седину бес падок; Старой бабе и на печи ухабы; Молодые дерутся — тешатся, старые дерутся — бесятся; У Тараса на плечи разыгрались три виш*. Вьетнамцы более сдержанны в оценках и желаниях: вьет. *Kính lão đắc thọ* — об уважении пожилых людей и желании долго жить; вьет. *Trẻ đeo hoa, già đeo tật* (≈ Старость часто соседствует с болезнью и пороками, пожилые люди становятся капризными, сердятся и т.д.) — напоминает

о старческой беспомощности и слабости. О прошедшей жизни русские вздыхают: *Уплыли годы, как вешние воды*, а вьетнамцы ведут свой отсчет времени: *Mẹ già như chuối chín cây gió lay Mẹ rụng con thời tỏ côi* (*≈Мать старая, как зрелый банан, если ветер дует, то мама упадет, и я стану сиротой*). Мудрость познавших жизнь и понимающих неизбежность ее финала выражает вьетнамская пословица: *Tr vui nhà, già vui chùa* (*≈Молодой веселый дома — пожилой веселый в храме*). Сопоставительный анализ русских и вьетнамских пословиц и поговорок о разных возрастах человека приводит к выводу, что фразеологическая система в любой лингвокультуре является очеловеченной моделью мира, в которой человек по-прежнему остается *мерой всех вещей* [7].

О смерти все говорят скупно и неохотно: *Sinh lão bệnh tử* (*≈Рождение, старость, болезнь, смерть*) — тихо шепчет вьетнамец, понимая, что эти этапы проходит каждый человек в жизни; *Hổ chết để da, người chết để tiếng* (*≈Тигр сдох, оставив кожу, человек умер, оставив память*) сравнима с русской пословицей: *Человек жив, пока жива память о нем*. Пословицы о смерти исполнены глубокого философского содержания и выражают особенности национальной ментальности: *Помирать собирайся*,

а рожь сей! — поразительный оптимизм и жизнеутверждение возвращаются в душу с этой русской пословицей [8].

Рассмотрев и сопоставив значительный пласт русских и вьетнамских пословиц и поговорок о возрасте человека, мы установили сходство и различия на уровне смыслов и образов эквивалентных фразеологизмов в исследуемых фразеологических системах.

Забота родителей о детях, воспитание в них почитания старших считается основой семейного воспитания. В русских пословицах не выделяются в отдельную группу пословицы о роли отцов в воспитании, во вьетнамской же культуре отцу отводится важная роль в воспитании мужских качеств в мальчиках: силы, выносливости, волевых и бойцовских качеств.

Сходство сопоставляемых фразеологизмов о юности выражается в изображении ее как праздника жизни, обретения силы и становления человека, различия охватывают образное пространство пословиц и поговорок. Зрелость в русских пословицах выражается в точности оценок поступков и качеств человека вне зависимости от количества прожитых лет. О старости и смерти люди говорят, исходя из личного и национального опыта, мысли их схожи, а формы словесного выражения не эквивалентны.

Литература:

1. Бабаева Е. В. Национальная картина мира как предмет лингвистического изучения (краткий обзор). // Культурно-языковые характеристики. Отношения к собственности: дис. канд. фил. н. Волгоград, 1997. 108 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ahmerov.com/book_1103_chapter_5_1.1._Naionalnaja_kartina_mira_kak_predmet_lingvisticheskogo_izucheniya%28kratkij_obzor%29.html
2. День Тхыонг Хуен Русские пословицы с подчинительными союзами и их эквиваленты во вьетнамском языке: автореф. маг. дис. Ханой, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://pandia.ru/text/77/151/7471.php>
3. Зализняк, А. А. Языковая картина мира (Русская языковая картина мира) // Энциклопедия Кругосвет Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/YAZIKOVAYA_KARTINA_MIRA.html?page
4. Нгуен Хуи Кыонг Отражение национальной картины мира в русской паремииологии: автореф. канд. дис. Воронеж, 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/otrazhenie-natsionalnoy-kartiny-mira-v-russkoj-paremiologii>
5. Сираева, Р. Т., Фаткуллина Ф. Г. Фразеологическая картина мира: основное содержание и признаки. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/pdf/2014/3/284.pdf>
6. Фунг Чонг Тоан Национально-культурная специфика русских фразеологизмов в сопоставлении с вьетнамскими в целях обучения русскому языку как иностранному: автореф. канд. дис. Москва, 1995. [Электронный ресурс]. URL: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-02/dissertaciya-natsionalno-kulturnaya-spetsifika-russkih-frazeologizmov-v-sopostavlenii-s-vietnamskimi-v-tselyah-obucheniya-russkomu-yaz>
7. Хайруллина, Р. Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию. 2008. Изд-во: «Вангит» 300 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zachetik.ru/ref-132970-frazeologicheskaya-kartina-mira-ot-mirovideniya.html>
8. Шкатова, В. В. Фразеологическая картина мира как объект лингвистического изучения // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина Выпуск № 1. Т. 7. 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/frazeologicheskaya-kartina-mira-kak-obekt-lingvisticheskogo-izucheniya>
9. Щитов, А. Г., Мао Чуньчао. Язык в культуре русских и китайских пословиц // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 8 (26). Часть 2. с. 211–215. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2013/8-2/59.html>
10. Щитова, О. Г. Новейшая ксенолексика в русской речи XXI века: к определению объема понятия // Вестник науки Сибири. Серия 9. Филология. Педагогика. Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2012. № 1 (2). с. 278–286 [Электронный ресурс]. URL: <http://sjs.tpu.ru/journal/article/view/237/234>

Полевая модель концепта «Информационные технологии» в русской и китайской лингвокультурах

Щитова Ольга Григорьевна, доктор филологических наук, зав. кафедрой;

Щитов Александр Григорьевич, кандидат педагогических наук, доцент;

Цзэн Шуаншуан, магистрант

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Статья посвящена моделированию концепта «Информационные технологии» в русской и китайской лингвокультурах. Предложена полевая модель концепта, имеющая сложную иерархическую структуру; выявлены ядерная зона, ближняя и дальняя периферии номинативного поля исследуемого концепта. Определены общие черты и особенности полевой модели «Информационные технологии» в русском и китайском языках.

Ключевые слова: информационные технологии, китайский язык, концепт, номинативное поле, полевая модель, русский язык.

Современное глобальное информационное общество характеризуется множеством и разнообразием контактирующих языков и культур. Межкультурное взаимодействие актуально для всех сфер деятельности, его результаты находят отражение на разных уровнях и сторонах языка, проявляются в различных его стратах [10]: во фразеологии [7; 8], эргонимии [1; 5], компьютерном [12], спортивном [6], студенческом дискурсах [4; 11], научной терминологии [2]. Концептологические исследования также позволяют выявить влияние культур разных народов друг на друга [3]. Повсеместной информатизации современного общества способствует развитие информационных технологий (ИТ). Актуальность исследования номинативного поля концепта «Информационные технологии» и сопоставление вербальной репрезентации данного концепта в разных языках определяется необходимостью выявления интернационального терминологического фонда [12], а также общих закономерностей и особенностей моделирования данного концепта в языковом сознании носителей разных языков.

Объектом исследования является профессиональная лексика информационных технологий в русском и китайском языках. К профессиональной лексике относятся терминология и профессиональный жаргон. **Предмет** исследования составляют семантические поля профессиональных языковых единиц, вербализующих концепт «Информационные технологии».

Цель данной работы — создать модель номинативного поля «Информационные технологии» в русском языке, сопоставив ее с аналогичным стратом китайской лингвокультуры. В задачи работы входит выделение семантических микрополей профессиональных языковых единиц в номинативном поле «Информационные технологии» в русском и китайском языках, а также сопоставление данных полевых моделей.

Источниками для исследования послужили электронные ресурсы профессиональной сферы ИТ на русском и китайском языках; словари терминов ИТ, компьютерного жаргона, иностранных слов русского и китайского

языков и другие лексикографические источники [9]. Из данных источников было выделено и проанализировано более 500 языковых единиц профессиональной сферы «Информационные технологии» в русском и китайском языках.

Профессиональная лексика информационных технологий неоднородна по своей семантике. Концепт «Информационные технологии» имеет обширное номинативное поле, которое делится на микрополя, которые, в свою очередь, состоят из семантических групп и далее — семантических подгрупп профессиональных языковых единиц.

Полевая структура имеет иерархическую организацию и состоит из следующих семантических микрополей: 1) обозначения оборудования информационных технологий и его составных частей; 2) названия программ; 3) названия операций и процессов; 4) обозначения людей, занятых в сфере информационных технологий; 5) названия фирм — производителей оборудования и программ; 6) обозначения средств обмена сообщениями; 7) терминология работы и общения в сети Internet; 8) номинации компьютерных игр; 9) обозначения единиц измерения объема информации.

Рассмотрим подробнее каждое микрополе.

1. Семантическое микрополе «Названия оборудования информационных технологий и его составных частей».

Оно делится на семантические группы: «Названия компьютера», «Названия телефона», «Названия другого оборудования», «Названия деталей и составных частей оборудования ИТ». Приведем примеры из русского и китайского языков: рус. компьютер; телефон (аппарат), айфон, смартфон; iWatch, Apple Watch ‘наручные умные часы’, наушники, колонки, мышь, клавиатура, принтер (терм.) — чепатор (жарг.), сканер; блок (блок питания), сидюк (жарг.) ‘CD-ROM’, видеокарта (videocard) (терм.) — видимокарта (жарг.), звуковая карта (терм.) — бластер (blaster) (жарг.), клавиши (терм.) — батоны (жарг.), Винчестер (Winchester) (терм.) — винт (жарг.), джойстик (joystick) (терм.) — кнупель (жарг.) и др.;

лит. 个人电脑 gèrèndiànnǎo, PC pcjī, 个人计算机 gèrènjìsuànjī ‘персональный компьютер’, 电话 (机) diànhuà(jī) ‘телефон’, 移动电话 yídòngdiànhuà (行动电话 xíngdòngdiànhuà, 流动电话 liúdòngdiànhuà, 手提式电话机 shǒutíshìdiànhuàjī, 手提电话 shǒutídiànhuà, 手机 shǒujī, 移动手机 yídòngshǒujī ‘мобильный телефон’, 座机电话 zuòjī diànhuà ‘стационарный телефон’, 盘式电话 pánshìdiànhuà, iPhone, 智能手机 zhìnéngshǒujī ‘смартфон’; 打印机 dǎyìnjī ‘принтер’ (印表机 yìnbiǎojī, 列表机 liè biǎo jī), 三维打印机 sānwéidǎyìnjī ‘3D-принтер’, 耳机 ěrjī ‘наушники’, 鼠标 shǔbiāo ‘мышь’, 键盘 jiàn pán ‘клавиатура’, 扫描仪 sǎomiáoyī (扫描器 sǎomiáoqì) ‘сканер’ и др.

Семантическая группа «Названия компьютера» состоит из семантических подгрупп: «Обозначения стационарного персонального компьютера» «Обозначения ноутбука», «Обозначения компьютерного планшета»: рус. ноутбук/notebook (= лэптоп, laptop), нетбук/netbook (= субноутбук), макбук/macbook, карманный компьютер (наладонник, КПК, палмтоп), блокнотный компьютер; планшет, TabletPC, Flat Pc, Tablet, Slates, айпад (iPAD), андроид, планшетник, планшетка (разг.) и т. п.

лит. 家用电脑 jiāyòngdiànnǎo ‘домашний компьютер’, 台式电脑 táishìdiànnǎo, 台式机 táishìjī, 台式计算机 táishì jìsuànjī ‘настольный компьютер’; 笔记本(电脑) bǐjìběn (diànnǎo) ‘ноутбук’, 笔记型电脑 bǐjìxíngdiànnǎo ‘ноутбук’, 膝上电脑 xīshàngdiànnǎo ‘лэптоп (на коленях)’, 便携计算机 biànxíjìsuànjī ‘портативный/переносной компьютер’ (便携电脑), 上网本 shàngwǎngběn ‘нетбук’, 小型笔记本电脑 xiǎoxíngbǐjìběndiànnǎo ‘нетбук, субноутбук’, 掌上电脑 zhǎngshàngdiànnǎo ‘карманный компьютер, КПК, наладонник, палмтоп’; 平板电脑 píngbǎndiànnǎo ‘планшетный компьютер’, iPad, pad.

2. Семантическое микрополе «Названия программ, команд и файлов».

Рус. программа (program) (терм.) — прога (жарг.), автокод (autocode) ‘один из языков программирования’, Авик (AVI) ‘контейнер в котором могут содержаться видео/аудио данные сжатые с использованием разных комбинаций кодеков’, архиватор (archiver) ‘специальная программа, позволяющая представлять компьютерный данные в сжатом виде, удобном для хранения их в архивах, для пересылки с помощью электронной почты и т. п.’ Алгол (ALGOL), аттач (attach) ‘файл, «прикрепленный» к сообщению электронной почты’, ассемблер (assembler), база (base), Бейсик (Basic), браузер (browser) ‘программа для просмотра гипертекстовых документов (страниц) Internet’, буфер (buffer), брандмауэр (brandmayer) ‘то же, что и фейрволл’, вирус (virus) (терм.) — жук, зверь, бактерия, вир, вирь, живность (жарг.).

Лит. 程序 chéngxù ‘программа’, 自动编码 zìdòngbiānmǎ ‘автокод’, 压缩软件 yāsuōguǎnjiàn ‘архиватор’, 组合语言 zǔhéyǔyán ‘ассемблер’, BASIC语言 basicyǔyán ‘Бейсик’, 浏览器 liúlǎnqì ‘браузер’, 缓冲器 huǎnchōngqì ‘буфер’, 防火墙 fánghuǒqiáng ‘брандмауэр’, 病毒 bìngdú ‘вирус’, 描述符 miáoshùfú ‘дескриптор’ и др.

3. Семантическое микрополе «Названия операций и процессов в сфере ИТ».

Рус. апгрейд (upgrade) ‘модернизация, улучшение компьютера’, апдейт (update) ‘процесс обновления программных продуктов, либо программа, содержащая обновленные элементы (см. Патч)’, архивация ‘процесс сжатия информации с целью уменьшения ее объема и удобства хранения и транспортировки’, инсталляция (installation) ‘процесс установки программных продуктов, «подключающий» их к операционной системе’, отладка (debug) ‘в программировании — проверка исходного кода программы с целью обнаружения ошибок’, форматирование (formatting) ‘процесс упорядочивания структуры текста либо носителя’ и др.

Лит. 软件更新 guǎnjiàngēngxīn ‘апдейт, обновление программного обеспечения’, 打包 dǎbāo ‘архивация’, 解读 jiědú ‘дешифровка’, 安装 ānzhuāng ‘инсталляция’, 转码 zhuǎnmǎ ‘конвертация’, 调试 diàoshì ‘отладка’, 格式化 géshìhuà ‘форматирование’.

4. Семантическое микрополе «Обозначения людей, занятых тем или иным видом деятельности в сфере ИТ».

Рус. ламер (lamer) (жарг.) ‘неопытный пользователь’, личер (leecher) (жарг.) ‘пользователь интернета, использующий ресурсами, предоставляемыми другими, но не предлагающий ничего взамен’, модератор (moderator) ‘ведущий группы новостей, устанавливающий правила поведения в ней и следящий за их выполнением’, хакер (hacker) ‘опытный пользователь, в настоящее время термин употребляется только в отношении специалистов по «взлому» защиты программных продуктов, а также компьютеров, подключенных к компьютерным сетям, с целью незаконного доступа (реже — порчи или изменения) к хранящейся в них информации’, чайник (жарг.) ‘неопытный пользователь’, юзер (user) ‘пользователь’, трубочист ‘программист, пишущий на языке Turbo-Pascal’, насильник ‘программист, пишущий на языке Си’.

Лит. 减速装置 jiǎnsùzhuāngzhì ‘модератор’, 黑客 hēikè ‘хакер’, 菜鸟 cǎiniǎo ‘чайник, новичок’, 用户 yònghù ‘пользователь’.

юзер (user) ‘пользователь’, трубочист ‘программист, пишущий на языке Turbo-Pascal’, насильник ‘программист, пишущий на языке Си’.

5. Семантическое микрополе «Названия фирм — производителей оборудования и программ».

Рус. Асер (Acer), Apple, Дэлл ‘американская компьютерная корпорация «Dell»’, Бима (жарг.) ‘компания IBM’, мелкая мякоть (жарг.), некрософт (жарг.) ‘компания MicroSoft’, сантехника (жарг.) ‘оборудование от Sun Microsystems Computer Corporation’, Хулит Плацкарт (жарг.) ‘компания Hewlett Packard’ и др.

Лит. 宏基 hóngqí ‘Acer (тайваньская компания по производству компьютерной техники и электроники)’, 苹果 píngguǒ ‘Apple (американская корпорация)’, 华硕 huáshuò ‘ASUS (компания компьютерного оборудования)’, 联想 liánxiǎng ‘Lenovo (китайская компьютерная компания)’, 索尼 suǒní ‘Sony (японская компания)’, 东芝 dōngzhī

‘корпорация TOSHIBA’, 戴尔 dàier ‘американская компьютерная корпорация «Dell».

6. Семантическое микрополе «Названия средств обмена сообщениями».

Рус. Аська (жарг.) ‘популярный Интернет-пейджер ICQ’, Мейлер (Mailer) ‘программа для рассылки, а также создания и чтения (в сети Internet) сообщений электронной почты’, Фидо (FidoNet) ‘общедоступная бесплатная компьютерная сеть, предназначенная для обмена сообщениями электронной почты и файлами’, чат (chat) ‘популярный вид «текстового» общения в режиме реального времени в Internet, во время которого пользователи пишут свои сообщения на доступной всем другим пользователям «виртуальной доске»’, Вконтакте (vk.com) ‘социальная сеть, крупнейшая в Европе, принадлежит Mail.Ru Group’, Фейсбук (facebook) ‘одна из крупнейших социальных сетей в мире’, WeChat ‘мобильная коммуникационная система для передачи текстовых и голосовых сообщений’, Ватсапп (Whatsapp) ‘проприетарный мессенджер для смартфонов’.

Кит. QQ ‘наиболее распространённый в Китае сервис мгновенного обмена сообщениями’, ICQ ‘Аська’, 脸谱网 liǎnpǔ wǎng (facebook), 人人网 rénrén wǎng (Жэньжэнь) ‘китайская социальная сеть’, 微信 wēixìn (Вэйсинь, WeChat) ‘китайская программа обмена сообщениями из мобильных телефонов’, 新浪微博 xīnlàng wēibó (Сина вэйбо) ‘один из самых популярных сервисов микроблогов в Китае’.

7. Семантическое микрополе «Названия работы и общения в сети Internet».

Рус. блог, аккаунт, анлимитед (unlimited) ‘схема доступа в Internet, при которой пользователь покупает доступ на определенный срок’, веб, домен, Имейл (E-mail), Интернет (Internet) (терм.) — Инет (жарг.), оффтопик ‘сообщение, нарушающее правила поведения в группе новостей, либо не входящее в ее тематические рамки’, портал, провайдер, Рулеса (Rules) ‘правила поведения в группах новостей, сайт (site) ‘единая информационная структура, состоящая из связанных между собой гипертекстовых документов-страничек’, сервер (терм.) — сервак (жарг.), форум ‘сайт (или соответствующее программное обеспечение) для интернет-общения’, хост (Host) ‘устройство, выполняющее серверные функции в сервисах типа «клиент-сервер»’.

Кит. 博客 bókè ‘блог, 账号 zhàngào ‘учётная запись, аккаунт’, 网站 wǎngzhàn ‘сайт, веб-сайт’, 电子邮件 diànzǐyóujiàn ‘электронная почта, email’, 因特网 yīntèwǎng ‘Интернет’, 网络接入服务商 wǎngluò jiērù fúwù shāng ‘провайдер, интернет-провайдер’, 服务器 fúwùqì ‘сервер’, 论坛 lùntán, 贴吧 tiēbā сайт ‘сайт (или соответствующее программное обеспечение) для интернет-общения’.

8. Семантическое микрополе «Названия компьютерных игр».

Рус. квест (Quest) ‘наименование класса приключенческих игр-«бродилок»’, симулятор (Simulator) ‘компьютерная игра, построенная на имитации управления каким-либо транспортным средством, механизмом (автомобиль, самолет, космический корабль и т. д.)’, стратегия

(Strategy) ‘класс военно-ориентированных или управленческих игр’, шутер (Shooter) ‘трехмерная игра-«стрелялка»’, юнит (Unit) ‘виртуальный участник игры’.

Кит. 魔兽世界 móshòushìjiè ‘World of Warcraft (игра)’, 英雄联盟 yīngxióngliánméng ‘League of Legends (видеоигра)’, 地下城与勇士 dìxià chéng yǔ yǒngshì ‘Богатыри из подземного города, Dungeon Fighter, DNF’, 穿越火线 ‘Cross fire’, QQ飞车 QQ fēichē, 传奇 chuánqí ‘легенда’, 反恐精英 fǎnkǒngjīngyīng ‘Counter-Strike (в переводе с англ. «Контрудар»); контрстрайк’, 坦克世界 tǎnkèshìjiè ‘Мир танков, World of Tanks (компьютерная игра)’.

9. Семантическое микрополе «Обозначения единиц измерения объема информации».

Рус. бит (Bit) ‘минимальный элемент информации в ПК’, байт (Byte) ‘элемент информации, состоящий из 8 бит’, кубит (q-бит, кюбит, кубит; от quantum bit) ‘квантовый разряд или наименьший элемент для хранения информации в квантовом компьютере’. nibbl (англ. nibble, pybble), или полубайт и др.

Кит. 比特 bitè (位wèi) ‘бит’, 字节 zìjié ‘байт’, 量子比特 liàngzǐ bite ‘кубит’. 半字节 bànzìjié ‘полубайт’, 计算机字 jìsuànjīzì ‘машинное слово’, 八字节 bāzìjié ‘октет’ и др.

В результате анализа профессиональной лексики, вербализующей концепт «Информационные технологии», построена полевая модель, состоящая из девяти семантических микрополей. На основе количественных данных выделены центр, ближняя периферия и дальняя периферия номинативного поля концепта «Информационные технологии» в русской лингвокультуре.

В центре полевой модели находятся семантические микрополя:

«Обозначения оборудования ИТ и его составных частей (в русском языке слова данного микрополя составляют 34,6 % от числа всех проанализированных русских языковых единиц);

«Названия программ» (23,8 %).

Ближнюю периферию полевой модели составляют семантические микрополя

«Обозначения единиц измерения объема информации» (6,3 %);

«Названия работы и общения в сети Internet» (5,6 %);

«Названия операций и процессов» (5,6 %);

«Названия фирм — производителей оборудования и программ» (4,1 %)

К дальней периферии относятся семантические микрополя:

«Обозначения средств обмена сообщениями» (3 %);

«Обозначения людей, занятых в сфере информационных технологий» (3 %);

«Номинации компьютерных игр» (1,9 %). В отличие от русского языка, в китайской лингвокультуре в полевой модели концепта «Информационные технологии» несколько смещены дальняя и ближняя периферия: семантическое микрополе ««Номинации компьютерных игр»» попадает в ближнюю периферию номинативного поля «ИТ» в китайской лингвокультуре.

Литература:

1. Бутакова (Самсонова), Е.С., Щитова О.Г. Полимотивация в эргонимии (на материале эргонимов иноязычного происхождения г. Томска) // Вестник Томского государственного университета. — 2013. — № 371. — с. 16–22.
2. Денико, Р.В. Дифференциация явлений заимствования и переключения контекста в русском языке // Молодой учёный — № 10 (90) / 2015. Часть XIV. — с. 1386–1389.
3. Митяева, А. П. К вопросу о лингвокогнитивном и лингвокультурологическом подходах к изучению концептов // Молодой учёный — № 10 (90) / 2015. Часть XIV. — с. 1420–1423 [Электронный ресурс]. URL: http://www.moluch.ru/pdf/moluch_90_ch14.pdf (дата обращения: 30.05.2015).
4. Савилова, С.Л., Щитова, О.Г. Прагматический статус новейшей ксенолексики в студенческом дискурсе // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2014. — Вып. 10 (151). — с. 193–197. URL: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/savilova_s._l._193_197_10_151_2014.pdf (дата обращения: 15.05.2015).
5. Самсонова, Е.С., Щитова, О.Г. Информационный потенциал иноязычных эргонимов // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2012. — № 1 (116). — с. 175–181.
6. Щитов, А. Г. Взаимодействие субъектов коммуникации в пространстве спортивного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. № 7 (25). Часть 2. — с. 217–219.
7. Щитов, А.Г., Доан Тхи Кам Чьеу. Язык в русских и вьетнамских пословицах: образы и смыслы // Молодой учёный — № 10 (90) / 2015. Часть XIV. — с. 1453–1455 [Электронный ресурс]. URL: http://www.moluch.ru/pdf/moluch_90_ch14.pdf (дата обращения: 30.05.2015).
8. Щитов, А.Г., Мао Чуньчао. Язык в культуре русских и китайских пословиц // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 8 (26). Часть 2. — с. 211–215.
9. Щитова, О.Г. Лексикографические источники изучения функциональной эквивалентности иноязычных новаций в русском языке начала XXI в. // Вестник Томского государственного университета. — 2012. — № 355. — с. 27–30. <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/355/image/355-027.pdf> (дата обращения: 15.05.2015).
10. Щитова, О. Г. Новейшая ксенолексика в русской речи XXI в.: к определению объема понятия // Вестник науки Сибири. Серия 9. Филология. Педагогика. — Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2012. — № 1 (2). — с. 278–286 [Электронный ресурс]. URL: <http://sjs.tpu.ru/journal/article/view/237/234> (дата обращения: 15.05.2015).
11. Щитова, О. Г., Савилова, С.Л. Функциональный статус новейшей ксенолексики в речи групповой языковой личности студента высшей школы // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2014. — Вып. 10 (151). — с. 184–188. URL: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/shitova_o._g._184_188_10_151_2014.pdf (дата обращения: 15.05.2015).
12. Щитова, О.Г., Цзэн Шуаншуан. Иноязычная компьютерная терминология в русской и китайской лингвокультурах // Молодой учёный. — 2015. — № 10 (90). Ч. XIV. — с. 1455–1458 [Электронный ресурс]. URL: http://www.moluch.ru/pdf/moluch_90_ch14.pdf (дата обращения: 30.05.2015).

Молодой ученый

Научный журнал
Выходит два раза в месяц

№ 11 (91) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметова Г. Д.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Игнатова М. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матроскина Т. В.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенюшкин Н. С.
Ткаченко И. Г.
Яхина А. С.

Ответственные редакторы:

Кайнова Г. А., Осянина Е. И.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Игисинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Голубцов М. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.
E-mail: info@moluch.ru
http://www.moluch.ru/

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Арбузова, д. 4